

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

№ 4 | 2024

- “ К 100-летию со дня рождения
В.Н. Черковца
- “ Эвристический потенциал
политической экономики социализма
в XXI веке
- “ О судьбе марксизма в цифровую эпоху
- “ Политико-экономические проблемы
НТП: советский опыт и современность

ISSN 2412-9666
INTERPOLITEC.SU

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

[PROBLEMS IN POLITICAL ECONOMY]

№ 4 (40), 2024 год

Периодическое научное издание

Электронная версия журнала: <http://www.interpolitec.su>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 24 апреля 2015 года ПИН№ФС 77-61516).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ) <https://elibrary.ru>.

Редакция журнала в обязательном порядке осуществляет рецензирование всех материалов, публикуемых в журнале.

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал "Вопросы политической экономии" обязательна.

Подписка на журнал осуществляется:

1. В любом почтовом отделении «Почты России». Подписной индекс ПМ953 (Почта России). На сайте «Почты России» подписка оформляется не выходя из дома (podpiska.pochta.ru).

2. В редакции журнала, сделав запрос на электронный адрес редакции: vpe-journal@yandex.ru.

Взгляды, представленные авторами в материалах номера, могут не совпадать с мнением редакционной коллегии журнала.

Вопросы политической экономии

№ 4 (40), 2024 год

interpolitec.su

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Пороховский Анатолий Александрович, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Алиев Урак Жолмурзаевич, д-р экон. наук, профессор, вице-президент Образовательной корпорации «Туран» (Казахстан).

Барашкова Ольга Владимировна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Воейков Михаил Илларионович, д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики Российской академии наук (Россия).

Гайсин Рафкат Сахиевич, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры политической экономии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева (Россия).

Гринберг Руслан Семенович, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики Российской академии наук (Россия).

Гэлбрейт Джеймс, профессор Университета Техаса (США).

Дзарасов Руслан Солтанович, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры политической экономии и истории экономической науки РЭУ имени Г.В. Плеханова (Россия).

Карасева Людмила Аршавировна, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономической теории Тверского государственного университета (Россия).

Колганов Андрей Иванович (главный редактор), д-р экон. наук, профессор, заведующий Лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Котц Дэвид, профессор экономического факультета Университета Массачусетс (США).

Лейн Дэвид, академик Академии социальных наук (Великобритания).

Лемещенко Петр Сергеевич (заместитель главного редактора), д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономии Белорусского государственного университета (Беларусь).

Маслов Глеб Андреевич, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики Российской академии наук (Россия).

Миропольский Дмитрий Юрьевич, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия).

Момджян Карен Хачикович, д-р философ. наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Некипелов Александр Дмитриевич, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Павлов Михаил Юрьевич, д-р экон. наук, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Пороховский Анатолий Александрович, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Протасов Александр Юрьевич, канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Тарасевич Виктор Николаевич, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной экономики, политической экономии и управления Национальной металлургической академии Украины (Украина).

Толкачев Сергей Александрович, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия).

Хубиев Кайсын Азретович, д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Худокормов Александр Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Челкарев Василий Владимирович, д-р экон. наук, профессор, руководитель Костромского регионального отделения Петровской академии наук и искусств (Россия).

Чен Эньфу, профессор, академик Китайской академии общественных наук (CASS), директор Центра исследований экономического и социального развития Китайской академии общественных наук, председатель Всемирной ассоциации политической экономии (WAPPE) (Китай).

Яковлева Наталья Геннадьевна (заместитель главного редактора), д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики Российской академии наук (Россия).

Первый главный редактор – Бузгалин Александр Владимирович.

Журнал в печатном виде издается с 2015 года, выходит 4 раза в год.

PROBLEMS IN POLITICAL ECONOMY

№ 4 (40), 2024

interpolitec.su

MANAGING EDITOR

Anatoly A. Porokhovskiy, Doctor of Economic Sciences, Professor, Scientific Supervisor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Urak Zh. Aliev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-President of the Educational Corporation "Turan" (Kazakhstan)

Olga V. Barashkova, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow at the Laboratory of the comparative studies of socio-economic systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Mikhail I. Voeykov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Political Economy Section of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Rafkat S. Gaysin, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy at the K.A. Timiryazev Russian State Agrarian University (Russia)

Ruslan S. Grinberg, Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Head of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

James Galbraith, Professor, Department of Government, University of Texas (USA)

Ruslan S. Dzarasov, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy and History of Economics at the G.V. Plekhanov Russian University of Economics (Russia)

Lyudmila A. Karaseva, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory at Tver state University (Russia)

Andrey I. Kolganov (Chief Editor), Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Comparative Socio-Economic Systems Research of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

David Kotz, Professor, Faculty of Economics, University of Massachusetts (USA)

David Lane, Emeritus Fellow of Emmanuel College, Cambridge University, Fellow of the British Academy of the Humanities and Social Sciences (UK)

Petr S. Lemeshchenko (Deputy Chief Editor), Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of International Political Economy at the Belarus State University (Belarus)

Gleb A. Maslov, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher at the Center for Methodological and Historical-Economic Research of the Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Dmitry Yu. Miropolsky, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought of St. Petersburg State University of Economy (Russia)

Karen Kh. Momdzhyan, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and of the Philosophy of History, Faculty of Philosophy at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr D. Nekipelov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Moscow School of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Mikhail Yu. Pavlov, Doctor of Economic Sciences, Lecturer in the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Anatoly A. Porokhovskiy, Doctor of Economic Sciences, Professor, Scientific Supervisor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr Yu. Protasov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Economic Thought of St. Petersburg State University (Russia)

Viktor N. Tarasevich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of International Economics, Political Economy and Management at the National Metallurgical Academy of Ukraine (Ukraine)

Sergey A. Tolkachev, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia)

Vasily V. Chekmarev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Kostroma Regional Division of the Petrov Academy of Sciences and Arts (Russia)

Kaysyn A. Khubiev, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr G. Khudokormov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of the History of the Economy and of Economic Studies of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Cheng Enfu, Academician of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), Director of the Economic and Social Development Research Center of the Chinese Academy of Social Sciences, Chairman of the World Association for Political Economy (WAPE) (China)

Natalya G. Yakovleva (Deputy Chief Editor), Doctor of Economic Sciences, Lecturer, Senior Research Associate of the Institute of the Economy of the Russian Academy of Sciences (Russia)

The first Chief Editor is Buzgalin Alexander V.

The journal has been published in print since 2015. Journal published 4 times a year.

СОДЕРЖАНИЕ №4/2024

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

О судьбе марксизма в цифровую эпоху

21 *Пороховский Анатолий Александрович*

ДИАЛОГИ С ПРОФЕССОРОМ А.В. БУЗГАЛИНЫМ

Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке

26 *Бузгалин Александр Владимирович*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ЧАСТЬ 1)

Верность политэкономии (о научной и педагогической деятельности профессора В.Н. Черковца)

44 *Бабаев Алиджан Переджан оглы*

Статья посвящена научной и педагогической деятельности видного советского и российского экономиста профессора *Виктора Никитича Черковца*, многие годы занимавшегося проблемами политэкономического анализа происходящих в стране социально-экономических процессов в условиях менявшейся действительности. Профессор Черковец является автором, соавтором и руководителем авторского коллектива многих работ, сыгравших заметную роль в развитии советской и российской экономической науки в целом и особенно политической экономии как ее важнейшей области. Являясь до конца своей жизни преподавателем, затем – профессором и главным научным сотрудником кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, В.Н. Черковец последовательно и решительно отстаивал самостоятельное место политэкономии в системе экономических наук и как учебной дисциплины. Будучи в течение длительного периода времени деканом экономического факультета Московского университета и одним из руководителей Института экономики Академии наук СССР, В.Н. Черковец участвовал в разработке важнейших программ социально-экономического развития Советского Союза. Его ученики – бывшие студенты и аспиранты в разное время занимали и продолжают занимать важные позиции в сфере науки, образования, финансово-экономической области и в государственных структурах.

Потенциал воспроизводственного подхода (к юбилею В.Н. Черковца)

53 *Кульков Виктор Михайлович*

В статье раскрывается содержание воспроизводственного подхода, его историко-научные истоки и направления развития, формы его реализации. Особое внимание уделяется роли классической и марксистской школ в разработке данного подхода, его сопоставлению с альтернативными направлениями экономической теории. Выделяется вклад отечественных экономистов в продвижение указанного исследовательского ракурса. В их числе – видный советский разработчик воспроиз-

изводственного подхода, яркий представитель университетской политэкономической школы («Школы Цаголова») В.Н. Черковец, 100-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. Показаны научный и практический потенциал данного подхода в исследовании и в решении современных экономических проблем, неизбежность формирования одностороннего взгляда на экономику при его игнорировании. Подчеркнуто особое значение социально-экономического ракурса этого подхода, его системные возможности. Привлекается внимание к идее возможного объединения усилий представителей разных направлений реализации производственного подхода, что позволило бы укрепить его роль как в экономической теории и практике, так и в сфере экономического образования. Раскрывается адекватность данного подхода национальным особенностям России, его востребованность в связи с новыми вызовами, вставшими перед национальной экономикой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ПОЭЗИИ

61 *Фролов Виктор Андреевич*

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политико-экономические проблемы НТП: советский опыт и современность

63 *Толкачев Сергей Александрович, Удалов Иван Дмитриевич*

В статье анализируются и систематизируются основы теории научно-технического прогресса в марксистской парадигме. В основу исследования были заложены научные работы основоположников марксизма (К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина), советских ученых-экономистов, материалы научно-практических дискуссий и другие связанные с темой работы, относящиеся к советскому дискурсу. Результатом исследования стало выявление базовых положений марксистской теории НТП, а именно: наука – непосредственная производительная сила, объективные законы развития и субъективный фактор равноправно влияют на общее развитие науки и техники, движущей силой НТП является противоречие между текущим уровнем развития технической базы производства и растущими потребностями общества, важным свойством производственного процесса в рамках НТП является его стремление к непрерывности, одним из главных направлений НТП является стремление к полной автоматизации труда. Промежуточным результатом исследования стал вывод об отсутствии в марксизме единого подхода к разработке проблемы НТП. Более того, на протяжении существования Советского Союза теория подверглась политизации и искажению по причине ошибочной привязки этапов научно-технического прогресса к смене общественно-экономических формаций. Развитие теории научно-технического прогресса в СССР сформировало предпосылки для формирования междисциплинарной марксистской концепции научно-технического прогресса. В работе рассмотрены работы философа-марксиста Б.М. Кедрова и ученого-кибернетика академика В.М. Глушкова. Вместе с рассмотрением теоретико-исторических проблем НТП авторами были рассмотрены вопросы управления научно-техническим прогрессом и его соотношения с природой непосредственного общественного труда. Выявлено, что советскими учеными в рамках марксистской парадигмы удалось выявить основные характеристики развития систем управле-

ния НТП. На современном этапе отечественными политэкономистами изучается проблема творческого труда в экономике, которая является одной из важнейших при рассмотрении НТП, так как труд ученого является непосредственно творческим. Итогом работы стало формирование базисных положений марксистской теории НТП на междисциплинарной основе.

О малоизвестных страницах истории НТП в СССР

85 *Павлов Михаил Юрьевич*

Статья представляет собой отклик на статью Толкачева С.А. и Удалова И.Д. «Политико-экономические проблемы НТП: советский опыт и современность». Показано, что наука в СССР 1920-х годов находилась на совершенно особом, отличном от последующих, этапе своего развития, кардинально отличаясь от науки 1930-х, военной и послевоенной науки, а также, что советский опыт НТП обладает целым рядом особенностей, которые привычны и даже обыденны для человека, жившего в те времена, но не очень известны и понятны современному читателю.

Одна из таких особенностей – это идеологическая борьба в науке, приводившая к резким сменам вектора НТП в советское время.

Другая, не менее серьезная проблема НТП в СССР – «Диамат против сопромата»: идеологи решали за технарей, за инженеров, за какие сроки должна быть создана новая техника. По этой причине произошло множество техногенных аварий и катастроф. Техника не успевала пройти полного цикла испытаний, апробации и даже элементарных проверок. Подобная гонка с недопустимым сокращением полного цикла испытаний приводила к колоссальной дискредитации как новой техники, так и науки, так и ученых в целом.

Дискуссия об НТП так или иначе упирается в вопрос разделения труда. В 1929–1930-х гг. М.А. Охитович не только убедительно доказал необходимость распределенного размещения производства при коммунизме и социализме, позволяющего диалектически снять самое первое разделение труда (отделение города от деревни), но и показал, что крупные города тормозят научно-технический прогресс.

Однако, начиная с 1930 года вместо разработки социалистической, полностью оригинальной модели, была скопирована капиталистическая модель организации промышленности, городов и т.д.

Также в статье перечисляется еще целый ряд интересных и вычеркнутых из истории науки феноменов.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-технический прогресс и советская экономическая мысль 1930-х годов

95 *Маслов Глеб Андреевич*

Статья посвящена теоретическим подходам советских экономистов и политических деятелей 1930-х годов, касающихся вопросов потенциала капитализма и социализма в новых технико-экономических реалиях, приоритетных направлений и механизмов индустриализации, сращивания производства, науки и образования, развития человеческого потенциала. Отмечается, что данный исследовательский опыт может быть актуален и в наше время ввиду ряда сходств характера техно-

логического развития, а также условий экономической реальности. Советские исследователи выделяли промышленность, в первую очередь тяжелую, как ведущую сферу, где реализуются преимущества механизма социалистического планирования. Согласно их положениям, система, основанная на планировании, в противовес анархичному рынку с раздробленностью производителей и узкими целями максимизации прибыли позволяет максимально увеличить эффекты от технического комбинирования, специализации и стандартизации, развития единой энергосистемы, интеграции производства, науки, образования. Авторами, хотя и в меньшей степени, также освещались вопросы высвобождения работника из сферы тяжелого малоквалифицированного труда, формирования более прогрессивной и созидательной по сравнению с рыночной конкуренцией системы стимулов. Отмечается высокая степень практико-ориентированности рассмотренных работ. Во многом ввиду специфичных условий времени советские исследователи значительно переоценили проблемы развития капитализма, недооценив его адаптируемость. В то же время были высвечены ограничения и противоречия рыночной системы (монополизация, рост интенсификации труда, нестабильность совокупного спроса и т.д.), потребовавшие впоследствии активного государственного вмешательства на регулярной основе. В завершении делается вывод о значительном потенциале рассмотренного теоретического наследия при решении современных задач технологического перевооружения в условиях внешних ограничений. Главным образом это касается вопросов использования механизмов планирования, развития человеческого потенциала, политики импортозамещения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Сравнение динамики всеобъемлющей национальной мощи СССР и США: к вопросу о причинах распада Советского Союза

116 *Чен Энфу, Ли Чжожу*

В статье представлены результаты сравнительного анализа динамики Советского Союза и США по такому интегральному показателю, как всеобъемлющая национальная мощь (совокупная национальная мощь). Этот показатель, обоснованный в работах Хуан Шуофэна и Р.С. Клайна, выражает совокупную силу суверенного государства, необходимую для выживания и развития, а также силу его международного влияния. Отличительной особенностью подхода авторов к данной проблеме является то, что всеобъемлющая национальная мощь для двух стран рассчитывается не только для ретроспективных данных, но также приведены результаты теоретических расчетов на основе экстраполяции наблюдаемых тенденций и исторической пропозиции «двух если» – авторских гипотез, касающихся всеобъемлющей национальной мощи СССР. На основе полученных авторами теоретических оценок показателей всеобъемлющей национальной мощи СССР и США, а также с учетом результатов исследований по проблеме причин распада СССР, авторы дают характеристику внешних и внутренних факторов, повлиявших на распад СССР. Исследование вносит вклад в изучение исторического опыта развития СССР с позиций политической экономии как источника ценных выводов, значимых для поиска ответов на глобальные вызовы 21 века.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теории экономического развития vs теории экономического роста: взгляд институционалиста

142 *Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна*

Теории экономического развития, как и теории экономического роста, анализируют динамику важнейших макроэкономических показателей, обусловленную процессом накопления капитала. Основное различие между ними состоит в подходах к пониманию институционального оформления процессов его накопления и осуществления инвестиций. Ортодоксальные теории экономического роста, разрабатываемые в рамках смитианской и неоклассической традиции, базируются на постулате рыночного равновесия. Он подразумевает, что основу экономического роста задают институты рынка, а другие экономические и социальные институты служат в качестве дополнения, поддерживая или осложняя их действие. Поэтому влияние разнообразных институтов учитывается в упрощенном виде путем добавления «институциональных индексов» в производственные функции или эконометрические модели. Гетеродоксальные теории экономического развития, которые формировались в русле критики смитианского и неоклассического ортодоксального направлений экономической мысли, обращают внимание на институциональную сложность экономики и полнее исследуют роль разнообразных институтов в макроэкономической динамике. В статье рассмотрен генезис основных идей, сформировавших современное направление Development Economics (Экономика развития). Среди них взгляды меркантилистов Антонио Серра, Джеймса Стюарта и Александра Гамильтона, концепция национальной системы политической экономии Фридриха Листа, теория воспроизводства общественного капитала Карла Маркса и теория инноваций Йозефа Шумпетера. Основанные на этих идеях теории экономического развития развивают альтернативное понимание институтов не столько как «институциональной среды» для рынка, но как порождающих и направляющих ход экономического воспроизводства структур, обеспечивающих функционирование неравновесной экономики в сложной внешней среде, как важнейший социальный механизм, встроенный в общественную структуру и обеспечивающий экономическое развитие в соответствии с условиями национальных экономик. Обоснована актуальность теорий экономического развития по сравнению с теориями экономического роста в современных условиях.

ЭССЕ

Факторы эффективности применения социального предпринимательства

163 *Павлов Руслан Николаевич*

Эффективность социального предпринимательства зависит от способности социальных предприятий быть устойчивыми. Поэтому в настоящей работе предпринимается попытка определить факторы эффективной применимости социального предпринимательства с точки зрения их устойчивости. Социальное предприятие может быть финансово устойчивым в зависимости от факторов его эффективной применимости. Для этого анализа используется три примера со-

циальных предприятий, а именно: Benetech, АРОРО и Conserve. Выводы настоящей работы предполагают, что бремя, возлагаемое на социальные предприятия, должно дозироваться, потому что их жизнеспособность зависит во многом от реализации соответствующей социальной политики. При избыточной нагрузке на социальные предприятия они могут быть уничтожены, в то время как при недостаточной нагрузке некоторые из их мощностей могут простаивать, и это означало бы, что они неэффективны. Было выявлено пять факторов повышения эффективной применимости социальных предприятий, а именно: государственная поддержка социальных предприятий; помощь, предоставляемая социальным предприятиям частными кредиторами и спонсорами; формирование общественного мнения в пользу социального предпринимательства; стратегия дизайна и маркетинга продукции социальных предприятий; объединение на уровне цели усилий социально ориентированного государства, социальных предпринимателей и бизнеса, осознающего бесперспективность и бессмысленность максимизации прибыли. Предложены меры государственной поддержки как фактор усиления эффективной применимости социальных предприятий, а также предложен механизм субсидирования социальных предприятий со стороны государства.

Кальдера экономического роста

176 *Чекмарев Василий Владимирович, Мишин Евгений Борисович*

В статье (разговоре о наболевшем) на основе использования междисциплинарного подхода предложены аргументы расширения понятийного аппарата экономической науки, позволяющего более точно трактовать одну из форм экономической динамики, называемую экономическим ростом.

В условиях все более осознающейся экономической цели общества – устойчивого развития – понятие экономического роста в условиях ограниченности (и в ряде случаев – конечности) ресурсов требует нового понимания. Это понимание может возникнуть, в том числе и на основе обновления понятийного аппарата. Высказываются сомнения относительно роли экономического роста как общественного блага в контексте неоклассических и более поздних теорий роста. Использование понятия «кальдера» на взгляд авторов позволяет осуществлять качественное развитие теории экономической динамики, создавать ее новую парадигму в рамках новой политэкономии.

Кроме того, авторы аргументируют значимость идей А.В. Бузгалина и А.И. Колганова о креатосфере в контексте оценок качества экономического роста и теории С.Д. Бодрунова о ноономике, как возможной модели социально-экономического развития. Одновременно выдвигается гипотеза о том, что экономическое развитие и экономический рост являются слабокоррелирующимися явлениями, развитию может способствовать и модель нулевого роста, дается авторское определение сущности экономического развития в XXI веке, а также формируются конкретные предложения по обновлению понятийного аппарата новой экономической науки.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VIII Международный политэкономический конгресс имени А.В. Бузгалина о противоречиях и потенциале развития российской экономической системы

195 *Хубиев Кайсын Азретович, Титова Нина Ивановна, Рассадина Алла Константиновна*

Обзор представляет доклады на VIII Международном политэкономическом Конгрессе имени А.В. Бузгалина (МПЭК) «Российская экономическая система: противоречия и потенциал развития», который проходил в Москве 16-17 мая 2024 г. в рамках Московского академического экономического форума (МАЭФ), при поддержке Международного комитета Вольного экономического общества России, Международного союза экономистов, Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, журнала «Вопросы политической экономии», Института социэкономии им. А.В. Бузгалина Московского финансово-юридического университета.

В докладах указывалось на формирование нового экономического миропорядка с образованием новых центров доминирования; возникновение новой производственной реальности на основе существенного изменения материальных и финансовых потоков; высказывались гипотезы относительно становления новой социально-экономической модели общественного обустройства.

Применительно к национальной экономике акцент был сделан на двух основных идеях: необходимости активного использования планирования в экономической политике и управлении, технологического перевооружения российской экономики. Первая идея связана с преодолением разрозненности и бессистемности инициатив руководства страны по прорывному развитию, неэффективностью и расточительностью в расходовании государственных ресурсов, выделяемых на эти цели. Вторая – с анализом технологического отставания экономики России.

Многие докладчики выражали обеспокоенность нынешним положением политической экономии, исключенной из образовательного процесса и лишенной государственной поддержки. Отмечалось, что отсутствие субституциональной альтернативы отразилось на уровне и качестве теоретического анализа и оценок глобальных событий в мировой и национальной экономиках. Политическая экономия могла бы послужить восстановлению одного из главных целевых принципов отечественного экономического образования – фундаментальности, которая, по мнению ректора МГУ В.А. Садовниченко, состоит в освоении законов природы и общества и умении применить их на практике.

CONTENTS №4/2024

INTRODUCTORY REMARKS OF THE MANAGING EDITOR

On the destiny of Marxism in the digital age

21 *Anatoliy A. Porokhovskiy*

DIALOGUES WITH PROFESSOR BUZGALIN

Heuristic potential of the political economy of socialism in the XXI century

26 *Aleksandr V. Buzgalin*

POLITICAL ECONOMY AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY:

HISTORY AND PRESENT DAY (PART 1)

Fidelity to political economy (scientific and pedagogical activity of professor Cherkovets)

44 *Alidjan P. Babaev*

The article is devoted to scientific and pedagogical activity of the prominent Soviet and Russian economist, professor Viktor Nikitich Cherkovets who was, for many years, engaged in the problems of political economy analysis of social and economic processes taking place in the country under changing reality. Professor Cherkovets is the author, co-author and head of the authorship team of many works which played a notable role in the development of Soviet and Russian economic science as a whole and especially political economy as its most important discipline. As a teacher to the end of his life, a professor and a chief researcher of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Viktor Cherkovets consistently and firmly defended the independent place of political economy in the system of economic sciences and as an academic discipline. As a Dean of the Faculty of Economics of Moscow University and one of the heads of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences for a long period of time, Viktor Cherkovets participated in the most important programs of the social and economic development of the Soviet Union. His students, former undergraduates and postgraduates, have always been occupying important positions in science, education, financial and economic spheres, and in government as well.

The potential of the reproductive approach (to the anniversary of Viktor Cherkovets)

53 *Viktor M. Kulkov*

The article reveals the content of the reproduction approach, its historical and scientific origins, directions of development, forms of its realization. The author focuses on the role of classical and Marxist schools in the development of this approach, its comparison with alternative directions of economic theory. The article emphasizes the contribution of domestic economists to the promotion of this research perspective. Viktor Nikitich Cherkovets is a prominent Soviet creator of the reproduction approach, a bright representative of the university political economy school ("Tzagolov School"), whose 100th anniversary is celebrated this year. The article shows the academic and practical poten-

tial of this approach in studying and solving modern economic problems, as well as the inevitability of forming one-sided view of the economy if one ignores this approach. The author emphasizes the importance of the socio-economic perspective of this approach, its systemic possibilities. The paper draws attention to the idea of a possible collaboration of efforts between the representatives of different directions of implementation of the reproduction approach. This, in turn, would strengthen its role both in economic theory and practice, and in the sphere of economic education as well. The article reveals the adequacy of this approach to the national characteristics of Russia, its relevance in connection with the new challenges facing the national economy.

POLITICAL ECONOMY IN POETRY

61 *Viktor A. Frolov*

POLITICAL ECONOMY RESEARCH

Politico-economic problems of scientific and technical progress: Soviet experience and present day

63 *Sergey A. Tolkachev, Ivan D. Udalov*

The article analyses and systematizes the basis of the scientific and technological progress theory in the Marxist paradigm. The research is based on the scientific works of the founders of Marxism (K. Marx, F. Engels, V. Lenin), Soviet academic economists, materials of academic discussions and other works relating to the Soviet discourse. The result of the study is the identification of the basic provisions of the Marxist theory of scientific and technical progress: science is a direct productive force, objective laws of development and subjective factor equally influence the overall development of science and technology, the driving force of scientific and technical progress is the contradiction between the current level of development of the technical base of production and the growing needs of society, an important property of the production process within the framework of scientific and technical progress is its desire for continuity, and one of the main directions of scientific and technical progress is the desire for the full automatization of labor. The intermediate result of the study is the conclusion that there is no unified approach to the development of the problem of the scientific and technical progress in Marxism. Moreover, during the Soviet period, the theory was politicized and distorted due to the erroneous linking of the stages of scientific and technical progress to the change of socio-economic formations. The development of the theory of scientific and technical progress in the USSR formed the prerequisites for the formation of an interdisciplinary Marxist concept of scientific and technical progress. The paper considers the works of Marxist philosopher B.M. Kedrov and cybernetics scientist, academician V.M. Glushkov. Along with the review of theoretical and historical problems of scientific and technical progress, the authors considered the issues of management of scientific and technical progress and its correlation with the nature of direct social labor. It is revealed that Soviet scientists within the Marxist paradigm managed to identify the main characteristics of the development of management systems of scientific and technical progress. At the present stage, domestic political economists study the problem of creative labor in the economy, which is one of the most important when considering scientific and technical progress as the scientist's labor is directly creative. The result

of the work is the formation of basic provisions of the Marxist theory of scientific and technical progress on an interdisciplinary basis.

Less known pages of the history of scientific and technical progress in the USSR

85 *Mikhail Y. Pavlov*

The article is a response to the article by S.A. Tolkachev and I.D. Udalov "Politico-economic problems of scientific and technical progress: Soviet experience and present day". The article shows that science in the USSR of the 1920s was at a very particular, distinct stage of its development, radically different from the science of the 1930s, war and post-war science, as well as the Soviet experience of scientific and technical progress has a number of features that were common and ordinary for a person who lived in those times but are not so clear for a present-day reader. One of these features is the ideological struggle in science that led to sharp changes in the vector of scientific and technical progress in Soviet times.

Another serious problem of scientific and technical progress in the USSR was "Diamat vs. Sopromat": ideologists decided for technicians, for engineers, the timelines a new equipment should have been created. For this reason, there occurred a great number of technogenic accidents and catastrophes. The equipment did not go through the full testing, approbation and even elementary checks. Such a race with non-acceptable reduction of the full testing led to colossal discredit of both new technology and science, and scientists as a whole.

The discussion of scientific and technical progress is related to the question of the division of labor. In the 1929-1930s, M.A. Okhitovich convincingly proved the necessity of a distributed arrangement of production under communism and socialism which ensures the dialectical removal of the very first division of labor (the separation of city from village) and showed that cities hold back scientific and technical progress.

However, starting from 1930, the capitalist model of organizing industry, cities, etc. was copied instead of developing a socialist, wholly original model.

The article also lists a number of other interesting phenomena blotted out of the history of science.

HISTORICAL AND ECONOMIC RESEARCH

Scientific and technical progress and Soviet economic thought of the 1930s

95 *Gleb A. Maslov*

The article is devoted to theoretical approaches of Soviet economists and political figures of the 1930s concerning the issues of the potential of capitalism and socialism in the new technical and economic reality, priority directions and mechanisms of industrialization, coalescence of production, science and education, development of human potential. It is noted that this research experience can be relevant today due to a number of similarities in the nature of technological development, as well as to the conditions of economic reality. Soviet researchers singled out industry, primarily heavy industry, as the leading sphere for implementation of the advantages of the socialist planning mechanism. In their opinion, a system based on planning, as opposed to an anarchic market with the fragmentation of producers and narrow objective of profit maximiza-

tion, makes it possible to maximize the effects of technical combination, specialization and standardization, the development of a unified energy system, the integration of production, science and education. The authors, although to a lesser extent, also covered the issues of releasing workers from the sphere of heavy low-skilled labor, formation of a more progressive and creative incentive system compared to market competition. There is a high degree of practical orientation of the reviewed works. Due to the specific conditions of that period, Soviet researchers significantly overestimated the problems of capitalism development, having underestimated its adaptability. At the same time, the limitations and contradictions of the market system were highlighted (monopolization, growth of labor intensification, instability of aggregate demand, etc.), which later required active state intervention on a regular basis. The author concludes that the reviewed theoretical heritage has a significant potential for solving modern problems of technological re-equipment under the conditions of external limits. This mainly concerns the issues of using planning mechanisms, human potential development, import substitution policy.

POLITICAL ECONOMY AND ECONOMIC POLICY

Comparison of the dynamics of comprehensive national power of the USSR and the United States: the causes of the collapse of the Soviet Union

116 *Cheng Enfu, Li Zhuoru*

The article presents the results of a comparative analysis of the dynamics of the Soviet Union and the United States on such an integral indicator as comprehensive national power (cumulative national power). This indicator, substantiated in the works of Huang Shuofeng and R.S. Kline, expresses the overall strength of a sovereign state required for its survival and development, as well as the strength of its international influence. A distinctive feature of the authors' approach to this problem is that the comprehensive national power for two countries is calculated not only for retrospective data, but the author, as well, presents the results of theoretical calculations based on the extrapolation of observed trends and the historical proposition of "two ifs" - the authors' hypotheses concerning the comprehensive national power of the USSR. The author characterizes the external and internal factors that influenced the collapse of the USSR on the basis of theoretical assessments of the indicators of the comprehensive national power of the USSR and the USA, taking into account the results of research on the causes of the collapse of the USSR. The study contributes to the study of the historical experience of the development of the USSR from the perspective of political economy as a source of valuable conclusions significant for searching answers to the global challenges of the 21st century.

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Theories of economic development vs. theories of economic growth: an institutionalist's perspective

142 *Svetlana G. Kirdina-Chandler*

Theories of economic development, as well as theories of economic growth, analyses the dynamics of the most important macroeconomic indicators caused by the process of capital accumulation. The main difference between them lies in the approaches to

understanding the institutionalization of the processes of capital accumulation and investment. The orthodox theories of economic growth developed within the Smithian and neoclassical tradition are based on the postulate of market equilibrium. This postulate implies that market institutions provide the basis for economic growth, while other economic and social institutions serve as complements, supporting or complicating their action. Therefore, the influence of various institutions is taken into account in a simplified form by adding 'institutional indices' to production functions or econometric models. Heterodox theories of economic development, which were formed in line with the criticism of Smithian and neoclassical orthodoxies of economic thought, pay attention to the institutional complexity of the economy and more fully explore the role of diverse institutions in macroeconomic dynamics. The article considers the genesis of the main ideas that formed the modern direction of Development Economics. These include the views of mercantilists Antonio Serra, James Stewart and Alexander Hamilton, Friedrich List's concept of the national system of political economy, Karl Marx's theory of the reproduction of social capital and Joseph Schumpeter's theory of innovation. The theories of economic development, based on these ideas, develop an alternative understanding of institutions which are not an 'institutional environment' for the market, but a structure that generate and guide the course of economic reproduction to ensure the functioning of a non-equilibrium economy in a complex external environment, and the most important social mechanism embedded in the social structure ensuring economic development in accordance with the conditions of national economies. The article substantiates the relevance of theories of economic development in comparison with theories of economic growth under present conditions.

ESSAYS

Factors of efficiency of social entrepreneurship application

163 *Ruslan N. Pavlov*

The effectiveness of social entrepreneurship depends on the ability of social enterprises to be sustainable. Therefore, this article attempts to identify the factors of effective applicability of social enterprise in terms of their sustainability. A social enterprise can be financially sustainable depending on factors of its effective applicability. This analysis is based on three case studies of social enterprises, namely Benetech, APOPO and Conserve. The findings of this article suggest that the burden imposed on social enterprises should be limited as their viability depends largely on the implementation of appropriate social policies. Social enterprises may be eliminated under excessive load, whilst under-loading may lead to the idle capacity meaning such enterprises are not efficient. The author defines five factors for increasing the effective applicability of social enterprises: state support for social enterprises; support provided to social enterprises by private creditors and sponsors; formation of the public opinion in favor of social entrepreneurship; design and marketing strategy of social enterprises' goods; unification of the efforts of the socially oriented state, social entrepreneurs and business realizing the futility and meaninglessness of maximizing the profit. The author proposes the measures of state support as a factor of strengthening the effective applicability of social enterprises, as well as the mechanism of subsidizing social enterprises by the state.

Caldera of economic growth

176 *Vasily V. Chekmarev, Evgeniy B. Mishin*

Based on an interdisciplinary approach, the article (conversation about the painful issues) offers arguments for expanding the conceptual apparatus of economic science allowing for a more accurate interpretation of one of the forms of economic dynamics called economic growth.

Under the conditions of an increasingly realised economic objective of society – sustainable development – the concept of economic growth in the conditions of limited (and in some cases – finite) resources requires a new understanding. This understanding may emerge particularly on the basis of updating the conceptual apparatus. The author expresses doubts about the role of economic growth as a public benefit in the context of neoclassical and later theories of growth. The author believes the concept of ‘caldera’ enables a qualitative development of the theory of economic dynamics, creating its new paradigm within the framework of the new political economy.

Furthermore, the authors argue the significance of ideas of A.V. Buzgalin and A.I. Koganov about the creatosphere in the context of assessing the quality of economic growth and of S.D. Bodrunov's theory of noonomics as a possible model of socio-economic development. At the same time, the author puts forward the hypothesis that economic development and economic growth are weakly correlated phenomena, and zero growth model may support the development. The authors define the essence of economic development in the XXI century and make specific proposals for updating the conceptual apparatus of the new economic science.

ACADEMIC LIFE

VIII VIII International Political Economy Congress named after A.V. Buzgalin about contradictions and development potential of the Russian economic system

195 *Kaysyn A. Khubiev, Nina I. Titova, Alla K. Rassadina*

The review presents the reports at the VIII Buzgalin International Political Economy Congress (IPEC) “Russian Economic System: Contradictions and Development Potential” held in Moscow on 16-17 May 2024 within the framework of the Moscow Academic Economic Forum (MAEF), with the support of the International Committee of the Free Economic Society of Russia, the International Union of Economists, Vitte New Industrial Development Institute, the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, the journal “Issues of Political Economy”, and Buzgalin Institute of Socio-Economy of Moscow Finance and Law University.

The reports emphasize the generation of a new economic world order with the formation of new centers of dominance; the emergence of a new reproductive reality based on significant changes in material and financial flows. The authors express hypotheses regarding the formation of a new socio-economic model of social organization.

Concerning the national economy, there were two major ideas: the need to actively use planning in economic policy and management and the technological re-equipment of the Russian economy. The first idea is related to overcoming the fragmented and haphazard initiatives of the country's leadership on breakthrough development, inefficiency

and wastefulness in the expenditure of public resources allocated for these purposes. The second one is related to the analysis of the technological backwardness of the Russian economy.

Many speakers expressed concern about the current situation of political economy that is excluded from the educational process and deprived of state support. It was noted that the lack of a substitutional alternative has affected the level and quality of theoretical analyses and assessments of global developments in the world and national economies. Political economy could serve to restore one of the main target principles of domestic economic education – fundamentality, which, according to V.A. Sadovnichy, rector of Moscow State University, consists in mastering the laws of nature and society and the ability to apply them in practice.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА^{1*}

О СУДЬБЕ МАРКСИЗМА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Бурное наступление цифровой эпохи совпало с началом XXI века. Цифровые технологии проникли и продолжают осваивать все сферы экономики и общества, под их воздействием меняются пространственные и временные характеристики цивилизационного развития. В связи с этим немало отечественных и зарубежных исследователей волнует проблема раскрытия сущности новых явлений и их разнообразных форм, насколько марксистская политическая экономия может служить надежным инструментом их теоретического обобщения и изложения.

Важно подчеркнуть, что в наступающем 2025 г. исполняется 10 лет выхода первого печатного номера журнала «Вопросы политической экономии», основанного А.В. Бузгалиным (1954–2023), который все эти годы оставался его вдохновителем и главным редактором. Он всем показал пример бесстрастного служения науке, развивал свой подход к оценке судьбы марксизма как базовой теории для раскрытия противоречий современного социально-экономического развития. Поэтому теперь в каждом номере нашего журнала есть место для ключевых материалов А.В. Бузгалина, которые сохранили актуальность на долгие годы. Этот номер также открывается его статьей, в которой рассматривается методологический потенциал политической экономии социализма для анализа реалий XXI века.

Фактически в каждой статье этого номера в разной степени используется или рассматривается марксистское экономическое наследие. Поскольку каждая статья открывается подробной аннотацией, отраженной уже в оглавлении журнала, постольку нет острой необходимости давать нам их пересказ. Вместе с тем назрела необходимость кратко остановиться, во-первых, на месте и роли марксизма в современной политической экономии и общей экономической теории и, во-вторых, на курсе политической экономии в новых учебных планах подготовки как экономистов, так и выпускников других специальностей. Тем более что сторонники экономикс также стали предлагать курс *новой политической экономии* как одну из ветвей новой институциональной теории.

Если вернуться к истокам марксизма, то хорошо известно, что К. Маркс не сводил политическую экономию к «Капиталу», который при этом он рассматривал как критику предшествующей ему политической экономии мануфактурного капитализма. Работая над «Капиталом», в феврале 1859 г. он писал: «Всю политическую

¹ *Пороховский Анатолий Александрович*, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (anarog@mail.ru).

**Цитирование:* Пороховский А.А. О судьбе марксизма в цифровую эпоху // Вопросы политической экономии. 2024. № 4(40). С. 21-25.

экономии я делю на шесть книг: капитал; земельная собственность; наемный труд; государство; внешняя торговля; мировой рынок» (Маркс, 1962, с. 468). Именно о таком порядке рассмотрения системы политической экономии К. Маркс указывает и в начале предисловия к своей работе «К критике политической экономии» (Маркс, 1959, с. 5). Очевидно, не случайно в его плане шести книг на первом месте оказался капитал как основа и ведущая сила рыночного капитализма и буржуазного общества. Диалектическое исследование капитала позволило К. Марксу раскрыть систему политической экономии промышленного капитализма и представить политическую экономию как систему категорий и экономических законов.

К. Маркс в «Капитале» и других произведениях значительное внимание уделяет фактору времени при раскрытии движения капитала, отношений наемного труда и капитала, воспроизводства капитала, исторического процесса накопления капитала. В этом исследовании большую роль сыграл Ф. Энгельс, который как раз вносил дополнения при издании 2 и 3 томов «Капитала», обусловленных новыми данными конца XIX века. Однако каково влияние фактора времени в наши дни, когда Россия и весь мир погружены в цифровую эпоху? В чем состоит критическое осмысление «Капитала» и марксизма в целом и каковы возможности, потребности и направления его развития и применения для решения современных теоретических и практических экономических и социальных проблем? Ранее нами уже предпринималась попытка ответить на поставленные вопросы (Пороховский, 2022, с. 118-128).

Понятно, что каждому историческому периоду соответствует определенная фактологическая база. Поэтому невозможно фактами XIX века объяснять в полной мере явления последующих столетий. Тем более, что благодаря бурному научно-технологическому прогрессу при абсолютном росте материального производства (в терминах современной статистики – производства товаров) сохраняется тенденция сокращения его доли в ВВП ведущих стран, включая Россию, но повышается доля сферы услуг (Узякова, Широков, 2024, с. 6-20). При этом существенно сократилась доля физического труда при одновременном изменении его содержания. Среди работников наемного труда стали значительно преобладать занятые в сфере услуг, где умственный труд составляет основу их деятельности. А цифровые технологии не просто модифицировали такие явления, как рынок, конкуренция, монополия, но и привели к их новым формам и видам (Bradley et al., 2024).

Концепция экологического устойчивого развития наложила свой практический отпечаток на национальные модели и мировую экономику, содержание и темпы экономического роста, закономерности воспроизводства частного и общественно-го капитала (Understanding Sustainability Initiatives, 2024). Вследствие расширения сферы наемного труда сам капитал овладел практически всеми видами предпринимательской деятельности, что привело не только к образованию новых форм капитала, но и к распространению термина *капитал* на различные стороны жизни общества, включая самого человека. Превращенные и иррациональные формы капитала и других явлений заполнили теоретические исследования социально-экономического развития, в которых лишь немногие авторы используют компас, указывающий на их содержание и политико-экономическую природу, обоснованную К. Марксом (Бузгалин, 2024, с. 28-42).

Трудно перечислить все новые экономические и социальные явления нашего времени, но факт заключается в том, что развитию производительных сил в

ходе промышленных и цифровой революций удается модифицировать производственные отношения, что позволяет капитализму *преодолевать существующие и возникающие противоречия за счет эволюции форм частной собственности и функциональных форм капитала*. В результате диалектически снимаются границы прогресса производительных сил, что предопределяет модификацию коренных черт и новых элементов капиталистического рыночного развития – наемного труда, товаров, предпринимательства, рынка, конкуренции, денег и финансов, услуг, информации, государства, национального и мирового хозяйства. Наряду с этим происходит усложнение частных и общественных интересов, их иерархии и механизма взаимодействия. Если во времена А. Смита и К. Маркса «невидимая рука» вела бизнес капиталиста к удовлетворению общественных потребностей, то уже более 100 лет каждый предприниматель чутко прислушивается к поведению государства и настроениям общества, чтобы получить желанную прибыль (Смит, 2007, с. 443). Однако и в наше время нередко страсть капитала не признает никаких границ (Маркс, 1960, с. 770).

Хорошо известно, что после К. Маркса многие исследователи занялись теми, отмеченными в плане шести книг. Можно даже сказать, что в учебниках политической экономии и экономикс подобные темы также нашли свое место. Не надо обязательно быть марксистом, чтобы по-разному анализировать рыночную экономику, ибо достаточно порой остановиться на поверхностных явлениях, не вникая в их суть. Вместе с тем марксистский подход как раз и требует выяснения содержания каждого явления и определения его места в теоретической системе их взаимосвязи и взаимообусловленности. Таким образом, содержание марксистской политической экономии строится на базе системы «Капитала» с дополнением тех намеченных пяти книг, разработанных на материалах и фактах, относящихся к современному периоду, но раскрытых с помощью диалектического метода и системного подхода с применением метода научной абстракции, реализованного К. Марксом в его произведениях. Метод научной абстракции включает также обоснованность предпосылок анализа, чтобы на каждом этапе исследования и последующего изложения не терялась связь с реальными объектом и предметом. При этом формальная и математическая логика могут играть вспомогательный характер.

Подготовительные рукописи К. Маркса, да и сам «Капитал» наглядно демонстрируют, насколько скрупулезно относился автор к работам своих предшественников и современников. Между тем, при оценке «Капитала» нашими современниками порой допускается наложение новых явлений и их понятий на марксистские категории с последующим критическим разбором без учета фактора времени. Одно дело, если так поступают лица, отвергающие марксизм. Другое дело, когда сторонники марксизма, руководствуясь благими намерениями его обновить, фактически оказывают марксистской экономической теории медвежью услугу. Чтобы это не произошло, любое дополнение или обновление должно носить системный содержательный характер, развивающее положения «Капитала» с учетом современных данных. Вот лишь несколько назревших вопросов, требующих разработки на основе марксистского политико-экономического подхода и имеющих практическое значение:

– комплексное завершение выполнения плана К. Маркса шести книг;

- выявление особенностей в XX-XXI веках категорий и законов «Капитала» и их систематизация;
- сравнительный анализ системы «Капитала» и системы современной рыночной экономики;
- раскрытие двойственного характера труда наемного работника в условиях растущего применения роботов и других форм искусственного интеллекта;
- определение состава и роли совокупного работника, обеспечивающего движение капитала в сферах производства товаров и производства услуг;
- обоснование действия в сервисной экономике законов трудовой стоимости, прибавочной стоимости и капиталистического накопления;
- выявление значения ложной социальной стоимости в различных сферах деятельности;
- исследование финансового капитала и его производных, а также превращенных и иррациональных форм;
- подтверждение циклического характера воспроизводства общественного капитала в цифровую эпоху;
- внедрение системного подхода в создание учебников по политической экономии и совершенствовании экономического образования в России.

Известно, что первый перевод на иностранный язык первого тома «Капитала» К. Маркса – это перевод на русский язык и издание его в России в 1872 г. В этой связи вполне современно звучат слова профессора Московского университета Александра Ивановича Чупрова, заведовавшего кафедрой политической экономии в 1874–1899 годы, который выступая с Актювой лекцией 2 октября 1874 г. на тему «О современном значении и задачах политической экономии» подробно остановился на истории становления политической экономии и ее значении для решения экономических проблем России без упоминания и ссылок на К. Маркса, выражая собственное мнение: «Политическая экономия из области общественных дисциплин прежде всех приняла научную форму. Но при всем том первый систематический труд по ней относится только к 1776 году. Начальный шаг на пути научного анализа состоял в том, чтоб укрепить в убеждениях людей веру в закономерность хозяйственных явлений, выявить с полною очевидностью, что народное хозяйство не есть бессвязный материал, который может принять ту или другую форму под рукой искусного зодчего, что в нем действуют свои непоколебимые законы» (Чупров, 2016, с. 65). Далее в докладе обращается внимание, в чем состоит особенность экономического исследования: «Но экономическое исследование было бы неполно и односторонне, если бы оно остановилось только на чертах, общих всем явлениям, вытекающих из свойств общечеловеческой природы. Оно должно объяснить всю совокупность причин, производящих явления. Между тем очевидно, что кроме общих черт, есть еще ряд влияний, специально свойственных лишь известным родам хозяйственных явлений, известным местностям и эпохам. Пока мы не знаем этих частичных влияний, осложняющих действия общечеловеческих причин, мы не можем понимать явления во всей его полноте» (Чупров, 2016, с. 70). Как видно, методологические подходы А.И. Чупрова вполне согласуются, во-первых, с системным подходом, во-вторых, с объективностью и важностью экономических законов, в-третьих, что именно политическая экономия имеет потенциал для теоретического обобщения процесса экономического развития и выработки практических решений возникающих проблем.

Как бы ни относились в мире к марксизму и марксистской политической экономии, как бы ни старались сторонники мейнстрима игнорировать или даже порой унижать марксистский подход к экономике и рыночной цивилизации, но и в цифровую эпоху системный диалектический подход позволяет не только выявить узловые проблемы экономики и общества, но и показать прикладную роль искусственного интеллекта как «умной машины», созданной человеком для расширения и углубления своих возможностей как создателя и потребителя. Цифровизация не отменяет конкуренции, противоречия экономических интересов, стремления к суверенитету на всех уровнях – от индивида до государства. Именно экономическое образование готовит человека занимать активную позицию в обеспечении как своего, так и общественного благополучия.

Статьи настоящего номера «Вопросов политической экономии» как раз не уходят в сторону, не прячутся от сложных проблем, не маскируются эзоповским языком, а предлагают читателям расширить свой экономический кругозор, вместе развивать политическую экономию – основу общей экономической теории. Авторы журнала отдают должное неоклассической теории и другим несистемным теориям, занимающим свою нишу в исследовании многообразия экономических и социальных процессов.

Пороховский Анатолий Александрович,
доктор экономических наук, профессор

ЛИТЕРАТУРА

Бузгалин А.В. Основные «пласты» глобализации и ее конфликтогенный потенциал // Вопросы политической экономии. 2024. № 3. С. 28-42.

Маркс К. Письмо Л. Кугельману. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. М.: ИПЛ, 1962. – V-XXVI, 729 с.

Маркс К. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: ИПЛ, 1960. – V-VI, 907 с.

Маркс К. К критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: ИПЛ, 1959. – V-XXVI, 771 с.

Пороховский А.А. Еще раз о политической экономии как научной и учебной дисциплине (по поводу дебатированных аспектов проблемы) // Российский экономический журнал. 2020. № 5. С. 118-128. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-5-118-128

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

Узякова Е.С., Широв А.А. Занятость и производительность труда в России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4. С. 6-20. DOI: 10.47711/0868-6351-205-6-20

Чупров А.И. О современном значении и задачах политической экономии // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 4. С. 61-71.

Bradley C., Chui M., Russell K., Ellingrud K., Birshan M., Chettis S. The next big arenas of competition. McKinsey Global Institute. October 23, 2024. – 213 p.

Understanding Sustainability Initiatives. A Typology Framework. OECD Publishing, Paris, 2024. – 31 p. DOI: 10.1787/8f8a3d7f-en

ДИАЛОГИ С ПРОФЕССОРОМ А.В. БУЗГАЛИНЫМ

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА В XXI ВЕКЕ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ¹

Бузгалин Александр Владимирович

*Посвящается памяти моего учителя –
профессора Николая Владимировича Хессина*

Политическая экономия социализма существовала на протяжении долгих десятилетий. Теперь политической экономии социализма как бы нет. И то, что она, *prima facie*, ушла в прошлое, является не столько констатацией, сколько вызовом для специалистов в области политической экономии. В этих условиях возникает вопрос: что для нас, ученых, осталось от этой науки? Этот вопрос должен решаться в достаточно широком контексте.

Начну с некоторых предварительных замечаний.

В этом тексте я буду размышлять прежде всего о *советской политической экономии*, акцентируя внимание, но не исключительно, на политэкономии социализма университетской школы. Между тем эта наука существовала (пусть, не имея тогда своего имени) еще в предсоветскую эпоху (в виде некоторых положений, обобщающих объективные тенденции рождения новой, посткапиталистической экономики); существовала и существует политическая экономия социализма, развивавшаяся вне Мировой социалистической системы. В настоящее время на многих языках мира публикуются книги по экономической теории социализма (особенно часто дискутируемая тема – «рынок и социализм»), особенно велик поток работ на эту тему в Китае, Вьетнаме, на Кубе, но и в США, странах Западной Европы на эти темы публикуется не одна сотня текстов ежегодно. Наконец, работы по экономической теории социализма продолжают вестись и публиковаться в современной России.

Свой анализ я начну с конца – с краткой характеристике того, что составляет, на мой взгляд, наиболее важные достижения нашей науки – и лишь затем, зафиксировав их наличие (и тем самым указав читателю на позитивную роль политической экономии социализма), я поставлю наиболее спорные и важные вопросы – о наличии у нашей науки действительного предмета, соотношении нормативного и позитивного подходов и т.п.

¹ Данный текст является переработанным вариантом доклада и заключительного слова, с которыми А.В. Бузгалин выступал на круглом столе «Политическая экономия социализма: наука или?», проходившем в МГУ им. М.В. Ломоносова. Текст впервые был опубликован в книге «Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века» (Бузгалин А.В. Политическая экономия социализма: наука или? В сб.: Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века: Материалы дискуссии / Под ред. А.В. Бузгалина, З.А. Корчагиной. М.: ТЕИС, 2003. С. 5-18); сокращенный вариант текста опубликован в журнале «Вопросы экономики» (Бузгалин А.В. Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке // Вопросы экономики. 2003. № 3. С. 112-124). Основные положения текста были разработаны совместно с А.И. Колгановым.

1. О некоторых реальных достижениях политической экономии социализма

В качестве важного предварительного замечания зафиксирую: *общей установкой для трактовки нашего прошлого должно быть разграничение апологетической функции политической экономии социализма и ее научного содержания*. Позволю себе своего рода параллель с теологией как наукой средневековья. Эта наука достаточно апологетично описывала реальную практику духовной и, отчасти, социальной жизни средневекового общества. Она являлась, едва ли не единственной наукой о том, как была устроена эта жизнь. И в ней была масса положений, которые с точки зрения атеиста, не выдерживают никакой критики. Тем не менее, эта наука абсолютно необходима для понимания природы капиталистического общества. Надо видеть в ней, с одной стороны, чисто начетническую, апологетическую функцию, а с другой – элементы научных представлений о реальных отношениях того общества, которые она отражала в крайне специфической, превращенной форме.

Точно также и политическая экономия социализма отражала феномены реальной экономики СССР в крайне специфическом виде, при помощи особого языка, что предполагает умение читать эти тексты. Например, любой ученый или студент, столкнувшись с формулировкой: «в соответствии с решениями ... съезда КПСС происходит то-то и то-то», тут же перестает читать такой текст, поскольку понимает, что экономика развивалась не вследствие решений съезда. Но препарирование этого текста показывает, что и ученые того времени понимали, что экономика развивается объективно, а цитаты вставлялись для того, чтобы текст был опубликован. Если из апологетической шелухи политической экономии социализма «вышелушить» ее реальное содержание, она оказывается очень полезной для понимания той жизни, которая складывалась в реальных условиях советской системы.

Еще один важный дополнительный момент: *не только теория, но и сама экономическая жизнь нашего прошлого была устроена как система превращенных форм*, скрывающих свое реальное содержание. А наука «политическая экономия социализма» была идеализацией этих превращенных форм. По объективным причинам (в том числе внешней и самоцензуры) наша наука идеализировала экономику мировой системы социализма, выдавая свои теоретические представления об экономике социализма за реально существующие отношения.

Нечто подобное происходит и в западной науке. Скажем, реальные отношения управления фирмами, где есть коррупция, блат, бюрократия, внеэкономическое принуждение (посмотрим на фирму как на реальную систему, уходящую корнями в труд полунаемных, полузависимых работников в странах третьего мира) и масса других отношений, далеких от моделей, предлагаемых теорией менеджмента. Учебник менеджмента всего этого «не видит», рисуя идеализированную картину матричной или гипертекстовой структуры управления, использующей доктрину человеческих отношений и т.д. Реальные процессы функционирования реальной системы управления во всем богатстве западная теория управления (и не только она) не описывает. Эти теории – идеализированная картина превращенных форм реальных отношений внутри корпораций. Точно также политическая экономия социализма давала определенную идеализированную картину превращенных форм нашей прежней реальной жизни.

Позитивный анализ политэкономии социализма я проведу исключительно в том смысле, что наряду с доминировавшей в этой науке апологетикой она содержала и рациональные зерна. Ниже я буду акцентировать внимание именно на этих немногих «зернах», а не многочисленных плевелах (последние критиковались многократно). Вот почему утверждение о сохранении политической экономии социализма как актуальной для нашей современной теории имеет определенное значение, по крайней мере, в трех смыслах.

Первое. Эта наука полезна и необходима для понимания природы экономики «реального социализма» – той экономической системы, которая существовала в СССР и других странах мировой системы социализма.

Второе. Эта наука полезна для понимания будущего, которое называют постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим обществом.

Третье. Она полезна и необходима для понимания природы трансформационной экономики.

Обоснование этих тезисов начну с анализа структуры экономической системы (системы категорий и законов политической экономии), предложенной университетской школой политической экономии в «Курсе политической экономии социализма» под редакцией Н.А. Цаголова.

1.1. Разработка проблем структуры экономической систем: система категорий политической экономии социализма как ключ к структуре экономических систем

Эта структура экономической системы (и, соответственно, системы категорий политической экономии) сама по себе является важным достижением и поэтому следует начинать именно с нее. Ее основными положениями является выделение, во-первых, исходного отношения, характеризующего взаимосвязь производителя и потребителя, форму продукта и определенную социально-экономическую форму труда. Университетская школа политической экономии предполагала, что это планомерная форма связи производителя и потребителя, непосредственно общественный или непосредственно обобществленный (были разные трактовки) характер труда и, соответственно, такая же форма продукта. Во-вторых, предполагалось, что экономическая система включает в себя основное экономическое отношение или способ соединения работника со средствами производства, который отражается в отношении собственности. Университетская школа показала, что в основе общественной собственности лежит непосредственно общественный способ соединения производителей с общественными средствами производства. Далее говорилось об определенной системе параметров распределения общественного дохода (распределение по труду), воспроизводства и, наконец, системе хозяйства (хозяйственном механизме). Эта структура (но не содержание) оказалась на удивление жизненной и на удивление важной для понимания природы экономической системы вообще.

В самом деле, ход радикальных реформ, сломав старую систему, обнаружил ее структуру. Этот слом и логика либеральных реформ, как не странно, показали правоту университетской школы политической экономии. С чего начинались радикальные преобразования? С замены планомерности товарной системой отношений

или либерализации – лозунга, который повторяли все, в том числе и те, кто никогда не был знаком с университетской школой политической экономии.

Следующий шаг реформ: довольно быстро выяснилось, что сама по себе быстрая смена плана рынком не обеспечивает достаточный простор для развития новых отношений, что для такого развития необходимо изменить способ связи производителя со средствами производства, *изменить экономическое содержание и формы отношений собственности*. Процесс приватизации последовал вслед за либерализацией буквально через несколько месяцев. Либерализация и приватизация, в свою очередь, привели к радикальному изменению системы распределительных отношений, в частности, структуры, источников и способов получения доходов, их иное вторичное перераспределение и т.д.

Наконец, все это сказалось, естественно, на *отношениях воспроизводства*. Экономика воспроизводства в мировой системе социализма описывалась то ли отношениями и законами социалистического накопления, то ли «формулой» Я. Корнаи «экономика дефицита». Ее трансформировали в новый тип экономики – переходной, – для которой были характерны и кризис, и инфляция и некоторые другие черты перехода к рынку. Радикальные реформаторы в этих условиях ставили задачу стабилизации, т.е. изменения отношений воспроизводства или макроэкономического функционирования системы.

Тем самым слом экономики советского типа и логика радикальных реформ волей-неволей повторили логику политической экономии социализма, которая наиболее явственно обнаруживает структуру всякой экономической системы. На современный язык эту структуру (исходное и основное производственные отношения, отношения распределения и воспроизводства) можно перевести как способ координации и аллокации ресурсов (исходное отношение), отношения собственности (основное отношение) и т.д.

Итак, первое достижение политэкономии социализма состоит в том, что она в крайне специфическом виде отразила структуру всякой экономической системы.

Теперь по поводу конкретных элементов этой структуры, их трактовки и того, что из этого может быть использовано для решения названных трех проблем: понимания нашего прошлого, понимания экономики будущего и современной российской экономики.

1.2. Экономика реального социализма: к проблеме пострыночного способа координации («отношение планомерности»)

Под этим углом зрения можно взглянуть и на конкретные достижения политической экономии социализма. Что показывала планомерность как исходная характеристика нашей предыдущей экономической системы? Она показывала, что эта система была плановой. Сколько бы мы ни спорили о природе экономики мировой системы социализма – сейчас для нас, очевидно, что она в исходном пункте была именно плановой. И разработка (причем не только теоретическая, но и доведенная до практических рекомендаций) системы методов и форм народно-хозяйственного планирования при всех его противоречиях была одним из реальных достижений нашей теории.

В то же время трактовка этой системы как пропорционально развивающейся (вопреки вопиющей проблеме дефицита, очевидной для всех: и обывателей, и

экономистов-профессионалов) была очевидной апологетикой, равно как и игнорирование бюрократизма, блата, «плановых сделок» и т.п. (впрочем, обо всех этих явлениях мы полулегально писали уже в конце 70-х).

Далее, политическая экономия социализма показала, хотя и в крайне идеализированной форме, что *плановая система обладает довольно сложной внутренней структурой*. Сегодня это принято забывать, причем даже простейшие тезисы, так, до сих пор повторяется, что плановая экономика не жизнеспособна, потому что из одного центра нельзя спланировать двадцать миллионов видов продукции, хотя очевидно, что (1) это была иерархическая система планирования, включавшая много уровней; (2) планировались только важнейшие виды номенклатуры; (3) эта система предполагала наличие договорных отношений и определенной самостоятельности предприятий и т.п. Все это в политэкономии социализма было достаточно общепринятым, но ныне почти забыто. Сегодня забыто и то, что плановая система предполагала определенную систему общественного контроля за органами централизованного управления, что в наиболее интересных разработках писалось об отношениях самоуправления на всех уровнях (от бригады до народного хозяйства в целом) и механизмах, обеспечивающих функционирование системы органов управления как представителя общества в целом и т.п.

Вся эта совокупность параметров сегодня необходима для понимания экономики прошлого, но ее можно использовать только при условии учета того, что она была идеализированной картиной этого прошлого. Проникновение за покровы идеализации позволяет увидеть реальные черты нашей экономики: механизмы бюрократизма, планового фетишизма, блата, плановой сделки, ведомственности, местничества и многих других параметров.

Обратимся к пониманию сегодняшнего дня. Видимо, в сегодняшней трансформационной экономике сохраняются элементы этих отношений, но вот вопрос: в каком виде? Этот вопрос необходимо поставить и поставить его как проблему сохранения всей системы отношений централизованного управления (включая бюрократизм, ведомственность, местничество, коррупцию и т.д.).

Второй вопрос, касающийся сегодняшнего дня. И методология вообще и методология политэкономии социализма, в частности, показали, что *кроме плановой и рыночной систем существуют и другие способы координации*. В частности, в отличие от нынешней *mainstream* мы не забывали о такой форме координации как натуральное хозяйство и *переходных формах*. Для понимания анализа способов координации в переходной экономике выделение как минимум этих трех форм и сложных переходных состояний, по-моему, принципиально значимо. Более того, то, что в результате перехода от плана к рынку может появиться натурально хозяйственная связь, теоретически можно было прогнозировать, но не только в том случае, если мы понимаем историзм развития форм координации (форм связи производителя и потребителя).

Далее, принятие во внимание политической экономии социализма и исторического подхода вообще позволяет понять, что существуют и другие типы координации: дорыночные и пострыночные. Если мы ставим вопрос о том, что существует *пострыночный способ координации*, то политическая экономия социализма как наука, обращаясь к определенной практике, в принципе отвечает на этот вопрос положительно. Исходя из этой логики, можно сказать, что система рыночной

координации в определенный период возникла; следовательно, можно предположить, что в определенный период она отомрет. Следовательно, мы можем поставить проблему: как взаимосвязана реальная практика нерыночной в своей основе экономики мировой системы социализма (и идеализирующая, но отражающая ее теория планомерности) с будущей пострыночной координацией?

Уже сама по себе постановка этой проблемы существенно изменяет трактовку нынешней экономики. В частности, в этом случае правомерен вопрос: нерыночные механизмы координации, которые существуют сегодня в развитых экономических системах (такие как государственное регулирование, регулирование со стороны общественных организаций, сложная интернациональная система нормативов в области труда, качества продукции, затрат, экологических ограничений и т.д.) – все это лишь элементы рыночной системы в ее развитии или это зародыши нового пострыночного способа координации?

Еще более интересным этот вопрос становится, если мы вспомним знаменитый спор о планомерности и товарном производстве при социализме. Не секрет, что *мера соотношения плановых и рыночных начал* – поле вечного спора либералов и социал-демократов, монетаристов и нео-(пост-) кейнсианцев и т.п. Более того, можно вспомнить, сколько говорилось в политической экономии социализма о системе показателей косвенного планирования, соотношении так называемых «административных» и «экономических» (точнее – прямых и косвенных) методов управления, о системе государственного заказа. «Работают» ли в современных экономиках механизмы госзаказа и косвенного регулирования? Да. Но если посмотреть внимательно на стандартный курс экономической теории, то легко заметить, что система государственного управления и регулирования (через прямые и косвенные методы, включая госзаказ и все остальное) как целостная система и как целостный раздел экономической теории, т.е. как фундаментальная теоретическая проблема, в нем отсутствует. В экономике общественного сектора эта проблема рассматривается, но и то, скорее, в плоскости функционирования, а не как проблема поиска меры развития и субординации различных функций государства в экономике. До сих пор все это рассматривается исключительно как «провал рынка» (подобно тому, как в Европе весь мусульманский мир рассматривался как «провал христианства»). Между тем, система государственного регулирования экономики – это огромная сфера реальной экономической жизни с огромным объемом ресурсов (до 50% ВВП перераспределяется в развитых странах при помощи государства). И многое из сделанного для ее анализа политэкономией социализма можно и должно использовать.

Многие из названных выше механизмов государственного регулирования, конечно же, хорошо известны и экономикс, но я хотел сделать в данном случае иной акцент, опирающийся на методологию политической экономии социализма, а именно: во всех этих случаях *за конкретными экономическими функциями государства скрывается новый пласт экономической реальности – отношения сознательного регулирования экономических процессов в общенациональном (региональном, международном) масштабе*. Эти функции государства качественно отличны от традиционных (акцентируемых экономикс) функций государства как института волевого (не-экономического) поддержания условий функционирования рынка, капиталистической системы хозяйствования (функции по защите прав соб-

ственности, регулированию денежного обращения и т.п.). Этот водораздел – отнюдь не теоретическая конструкция. Именно здесь проходит линия, разграничивающая рыночников-либералов и государственников-социалистов (от социал-демократов и далее влево). Первые стремятся всячески ограничить роль государства исключительно не-экономическими функциями по созданию условий для развития рынка, вторые (часто даже не осознавая этого теоретически наподобие мольеровского героя, не знавшего, что он говорит прозой) стремятся к развитию новых, пострыночных экономических отношений, реализуемых при помощи государства (но, как я покажу ниже, не сводимых к деятельности этого института).

Вот почему спор на протяжении десятилетий и в мире, и в России идет не том, сильное или нет государство нам нужно – сильным может быть и фашистская пиночетовская диктатура защищающая модель «Чикаго-бойз», – а о том, повторю, развивать или нет в экономике новые, пострыночные отношения. Либералы не случайно столь активно выступают против осуществления государством селективного и антициклического регулирования, развития социальных трансфертов и бесплатного распределения общественных благ – во всем этом они «нутром чувствуют» действительно угрожающие всевластию рынка и капитала зародыши новых общественных отношений. И именно для исследования последних нам может быть полезна политическая экономия социализма (естественно, опять же намеренно повторюсь, при условии отделения ее апологетической шелухи от ростков научной теории пострыночной экономики).

1.3. Присвоение и отчуждение: противоречия человеческого измерения экономики («основное производственное отношение» и «основной экономической закон»)

Следующий компонент – так называемое основное производственное отношение, основной экономической закон «социализма».

Да, мы безусловно должны признать, что важнейшей стороной «реального социализма» было отчуждение трудящихся от средств производства, а официальная политэкономия социализма на это закрывала глаза.

Да, идеализированная картина, нарисованная политэкономией социализма, не соответствовала действительности (кстати, наша наука полулегально показала это сначала в 20-е гг., а затем, в начале 1980-х гг. Но она поставила важнейшую проблему: как, в сущности, были устроены отношения собственника и работника). Политическая экономия социализма (в ее университетской трактовке) проблему исторического понимания содержания собственности. Какое экономическое содержание, какие реальные отношения, каких реальных лиц скрываются за той или другой формой собственности? Так ставилась проблема в рамках университетской школы политической экономии. Не какая форма собственности господствует, а какие реальные отношения, каких реальных лиц, какие механизмы присвоения и отчуждения скрываются за этими формами.

При таком подходе уже недостаточно утверждать, что вся тайна советской экономики состоит в господстве государственной формы собственности.

Для сегодняшней ситуации, опять-таки, необходимо использовать исторический подход к содержанию отношений собственности, понимая, что содержание («начинка») отношений собственности, скрытое за теми или иными формами,

может быть различна и исторически изменяется; не только частная, но и государственная собственность требуют изучения в переходной экономике с точки зрения выявления их реального содержания. За многообразием форм собственности скрыто многообразие производственных отношений, включая отношения и до буржуазного присвоения (отчуждения), и пережитки «реально-социалистического» присвоения (отчуждения), и элементы частнокапиталистического отчуждения и присвоения и т.д. Если взглянуть вглубь этих отношений, то окажется, что та методология, которая была нами использована в прошлом для создания идеализированной картины «социализма», позволяет (при творческом, критическом использовании этих наработок) понять реальную картину экономических отношений собственности нашего настоящего гораздо глубже, нежели на основе типичного ныне формального подсчета того, какова доля частной собственности, сколько акционировано предприятий и т.д.

Далее. Из анализа «основного отношения» политическая экономия социализма делала вывод о том, что экономика этого общества подчиняется задаче роста благосостояния и свободного всестороннего развития человека (это был так называемый основной экономический закон социализма). Сама по себе эта постановка является (что достаточно понятно) идеализацией. Но по преимуществу постановка проблемы, сформулированной в этом законе, – обеспечения свободного всестороннего развития человека и роста его благосостояния – требует соизмерения этой цели с реальными достижениями «реального социализма». Надо посчитать, как росло благосостояние, и в каких показателях его измерять, как развивался человек и какие результаты (какие реальные элементы развития «человеческих качеств») были достигнуты в наших странах.

Если пойти еще дальше, то надо вспомнить, что мы исходили из более полной (сегодня уже почти утерянной) трактовки результатов экономического развития. Мы включали тогда в результат не только уровень потребления, но и меру развития творческого содержания труда и объем свободного времени. Сегодня эти параметры меры экономического развития крайне редко используются для оценки и прошлого, и настоящего, и будущего. Лишь отчасти они используются и для оценки экономики развитых стран, мировой экономики. Индекс человеческого развития, который относительно недавно стал использоваться в статистике ООН, учитывает лишь относительно ограниченный спектр этих результатов, он гораздо беднее того интегрального показателя благосостояния, который использовался политэкономией социализма для оценки результата развития экономической системы. И если по этим параметрам пересчитывать результаты и сравнивать экономики Советского Союза, развитых, развивающихся стран и нынешнюю Россию, то мы можем получить показатели существенно отличные от того, что мы получаем при оценке объемов потребления или ВВП на душу в долларовом исчислении (даже при учете паритета покупательной способности).

1.4. Экономика сверхдержавы – экономика дефицита («закон социалистического накопления»)

Следующий компонент системы категорий политической экономии социализма – так называемый «закон социалистического воспроизводства». Апологетическая функция политэкономии социализма не позволила ей открыто проана-

лизировать одну из главных черт воспроизводства прошлого – дефицит (хотя в полулегальных работах конца 70-х – начала 80-х мы об этом писали). Однако были и достижения. К сожалению, сегодня мы потеряли много постановок, которые тогда были хорошо известны, в том числе, и в рамках университетской школы политической экономии. Это, например, трактовка двоякой воспроизводственной связи, которая в упрощенном виде звучала так: *чем выше экономический потенциал социалистической экономики, тем больше возможности роста благосостояния и всестороннего развития человека; чем выше уровень благосостояния и потенциал развития человека, тем больше возможности для развития экономики.*

В этой двоякой связи в достаточно специфической (идеализирующей практику социализма) форме была выражена общая универсальная закономерность воспроизводства экономики постиндустриального типа, где главным фактором (источником, «ресурсом») и высшей ценностью экономического развития является человек и его качества. Фактически политической экономией социализма было показано, что экономический потенциал может и должен «работать» прежде всего на развитие человеческих качеств, потенциала и креативных способностей личности, каковые и есть главный источник роста экономики в будущем. Замечу, что эта связь была сформулирована в виде *противоречия*: чем больше мы потребляем сегодня, тем меньше у нас возможностей для развития экономики будущего (количественное противоречие), а также в виде качественной противоположности этих двух параметров, с выходом на трактовку социальной воспроизводственной эффективности при выделении этой связи на макро уровне, на уровне хозяйственных звеньев и т.д.

Эти параметры очень важны для оценки реального развития реальной экономики «реального социализма». Если принять их во внимание, то можно показать, в какой мере действительно «работало» это отношение воспроизводства, а в какой мере в мировой системе социализма «работали» другие механизмы воспроизводства. Кроме того, можно показать, в какой мере эта связь «работает» сегодня, и в какой мере разрушение экономического потенциала ведет к разрушению человеческих качеств и обратно; в какой мере преодолевается эта негативная взаимосвязь в трансформационной экономике и т.п.

И это принципиально значимо, ведь *главные потери нашей страны – это именно потери человеческого потенциала, невозполнимых природных ресурсов, разрушение высоких технологий и т.д.* Наконец, эта фундаментальная связь, хотя и кажется совершенно очевидной, ноне отображается в современной теории в явном виде, как воспроизводственная закономерность, как закон воспроизводства экономики, основанной на творческом труде. Этого нет даже в работах по постиндустриальному обществу; тем более в этих работах не найти тех выводов, которые из этого следуют.

А теперь обратимся к главному вопросу, который мы обсуждали: являлась ли эта политическая экономия наукой или нет?

2. Идеализация несуществующего объекта или позитивный анализ посткапиталистической экономики?

Основные аргументы, высказанные против: первое – у политической экономии не было и нет адекватного объекта исследования и, следовательно, предмета для

этой науки. Второй аргумент – эта наука не может быть использована для решения практических задач как инструмент теоретический, позволяющий развивать практику.

Я бы хотел прокомментировать оба вопроса. Прежде всего, об объекте, который может исследовать наука, размышляющая о будущей экономической системе социализма как начала нового общества.

2.1. Об объекте политической экономии социализма

Вопрос о том, есть ли некое общество, переходящее на смену капитализму, возможно ли оно вообще, является принципиально значимым. Нами предполагается, что рыночная капиталистическая система исторически ограничена и в какой-то момент времени на ее базе вырастет некоторая новая экономическая система. Теперь вопрос о том, что можно исследовать сегодня? Как минимум можно исследовать следующие процессы.

Первый – те реальные *противоречия буржуазной системы, которые требуют своего разрешения, рождения нового качества экономики и социально-экономических отношений*. Диалектический метод позволяет так ставить эту проблему и так решать задачу. Это – реальный объект. Мы можем показать и эти противоречия, и то, в каком направлении можно искать их разрешение.

Второй реальный объект, который мы можем исследовать – *развитие материально-технической базы экономической системы (производительных сил) и культуры человека как тех «под» и «над» экономикой лежащих пластов, которые требуют определенных изменений в экономических отношениях*. Своего рода «вызов» новой, посткапиталистической и пострыночной экономике со стороны развивающейся материально-технической базы, с одной стороны, и культуры человека – с другой стороны. Это тоже реальный объективный процесс, который мы можем изучать и на этой базе делать выводы: такая-то экономическая система может дать ответ на эти вызовы, а такая-то – не может.

И именно здесь именно политическая экономия социализма в ряде своих наиболее творческих работ по теории труда, проблеме человека, НТР и т.п. показала, почему и как производительные силы и Человек новой эпохи (то, что на Западе, сильно сужая проблему, назвали «постиндустриальной системой») требуют ориентации экономики на обеспечение свободного развития человека и социальной справедливости (реализации т.н. «основного экономического закона социализма»). И в этом наша наука совпадала в своих выводах с работами таких западных теоретиков как Аурелио Печчеи и мн. др. Более того, не следует забывать, что при всех недостатках потребительской сферы по параметрам человеческого развития СССР был далеко не на последнем месте даже среди развитых стран. Так что никакой необходимости в пересмотре модели социалистической экономики при апелляции к постиндустриальным тенденциям я не вижу. Другое дело, что автор ведет речь о работах творческого марксизма, а не сталинистских брошюрах.

Третий объект, который может изучаться – *реальные ростки не рыночных, не капиталистических отношений в современной глобальной мировой экономике*. Настоящее «беременно» будущим и есть ключ к пониманию его генезиса (мы об этом уже писали в 3 и 4 частях данной книги).

Четвертый объект, который мы можем изучать, – это экономика Мировой социалистической системы и, в частности, СССР. Как бы мы ни характеризовали эту систему, достаточно очевидно практически для всех – правых, левых, центристов, – что эта система существенно отличается (не будем забывать, что экономики, ориентированные на создание социализма, сохраняются и ныне) от классической рыночной капиталистической экономики, а о том, социализм ли это был или нет – чуть ниже.

Таковы основные реальные объекты, которые можно изучать. Вопрос – как их изучать и что из этого можно извлечь – это вопрос принципиально важный, но иной. Вот почему говорить, что нет объектов, по меньшей мере, некорректно.

Другое дело, что у политической экономии социализма, действительно, нет готового ставшего предмета. Однако науке известно изучение процессов, которые не существуют в развитом виде. Например, наука об освоении космоса при помощи искусственных аппаратов (причем именно наука!) была создана задолго до того, как началось освоение космоса при помощи искусственных аппаратов. Исследовались внешние условия движения космических тел, некоторые противоречия системы, которые должны быть разрешены. Была создана наука о том, какими могут и должны быть космические аппараты и лишь после многих десятилетий неудач первая ракета вышла в космос.

Конечно, в социальных науках прямые аналогии с естественными науками вообще малоупотребимы. Но, тем не менее, эта аналогия еще раз указывает на *наличие реальных объективных процессов, которые можно и должно исследовать с тем, чтобы строить и обосновывать научные гипотезы и теоретические выводы, создавая элементы научной политической экономии социализма.*

2.2. Нормативная или позитивная?

И все же моя основная задача состояла не в том, чтобы абстрактно размышлять о том, наука политэкономия социализма или нет, а в том, чтобы, исходя из некоторых абстрактно-методологических критериев, сделать акцент на соотношении нормативного и позитивного начал в нашей науке. Выше я попытался показать, что, если мы можем при помощи некоторой теории лучше понять закономерности функционирования экономических объектов в прошлом и настоящем, и прогнозировать их развитие на будущее, что будет подтверждено в недалеком прошлом, значит это – наука. И все остальные размышления об объекте становятся как бы уже вторым делом.

Выше автор показал, какие именно понятия, категории, связи, закономерности могут быть использованы для понимания природы советской системы, понимания природы нашей российской трансформационной экономики и понимания мировой экономики.

Однако здесь возникает ряд проблем.

Проблема идеальной модели социализма и «реального социализма». Я не хочу сейчас вступать в спор о том, что у нас реально было в СССР, – на эту тему я уже многократно высказывался в печати². Но когда я говорил об идеализации превра-

² См, например, мою статью: Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма // Вопросы экономики. 2000. № 6. С. 102-113 и второй текст 5 части данной книги (Бузгалин А.В. Наследие политической экономии социализма еще будет востребовано. В сб.: Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века: Материалы дискуссии / Под ред. А.В. Бузгалина, З.А. Корчагиной. М.: ТЕИС, 2003. С. 93-109).

щенных форм, я имел в виду следующее. Политэкономия социализма, вырастая из исследования не столько нашей реальности (это существенный момент, который прозвучал в дискуссии, и я благодарен за это участникам дискуссии), сколько из анализа противоречий производительных сил и производственных отношений, внутренних противоречий капитализма, в том числе постиндустриальной эпохи, и общих противоречий экономической формации, конструировала модель экономической системы социализма.

Так, основной экономической закон социализма выводился не столько из исследования реальных процессов в СССР, сколько из анализа противоречий производительных сил и производственных отношений и закономерностей заката «царства необходимости», экономической системы, основанной на ограниченности ресурсов. Точно так же плановость выводилась главным образом из противоречий процесса обобществления, противоречий развития рыночной системы, тенденций подрыва рынка и развития неполной плановости при империализме и т.д.

Данная модель, как правило, апологетически сопрягалась с реальностями нашей эпохи, когда мы утверждали, что именно этот идеал реально воплощен в СССР. Мы не критически переносили теоретическую модель, выработанную определенным образом, на реальность. Но при этом *мы изучали и реальные экономические отношения нашего общества*, что помогало эту теоретическую модель существенно уточнить, детализировать и сделать более реальной. В какой мере кто сумел это сделать – вопрос очень интересный. Спор рыночников кронродовской школы и университетской школы, и, более широко, рыночников и не рыночников, – лишь один из аспектов этой проблемы. И ныне даже многие из экс-рыночников признают, что цаголовская трактовка социализма как плановой в своих исходных определениях системы была ближе к реальности, нежели модель рыночного социализма. При этом они, однако, настаивают, на том, что единственно жизненной и стабильной системой может быть исключительно рыночный социализм (с чем не согласен), – но это опять же особый вопрос.

Продолжим. При таком подходе, при отделении нашего исследования идеализированных форм от анализа реальных процессов очень важно показать, что это на самом деле плодотворный подход, что кроме апологетики он может содержать в себе большой позитивный заряд, если мы отличаем идеализированную модель от реальности и не подменяем реальности ее идеализированной моделью, поскольку он позволяет показать, каков объективный «заказ», требования современных производительных сил, культуры и т.п. к оптимальному (исходя из критерия прогресса Человека как высшей ценности и главного ресурса развития новой эпохи) облику экономических систем. Затем мы можем сравнить эту модель с тем, что мы имеем реально. И это сравнение нормативного теоретического исследования с позитивным анализом реальных процессов принципиально важно.

При этом на самом деле, что самое интересное то, что *нормативный подход* (если он исходит не из утопий и благопожеланий, обслуживая заказ той или иной господствующей силы – например, лозунг построить за 20 лет материально-техническую базу коммунизма или за 500 дней рыночную экономику, – а из анализа объективных законов развития метасистемы, например – экономической формации) *позволяет анализировать сущность реальных процессов, а не только их эмпирически данные формы.*

Так, в товарном мире эмпирически данным является то, что вещь правит человеком, и в отношении вступают вещи, а не люди. Это эмпирически дано, это факт. И исследователь это должен отразить: вещи относятся с вещами, товары – с деньгами и т.п. Но исследователь, который понимает, что экономика в целом является отношениями людей (а это продукт теоретического обобщения марксизма), может увидеть за отношениями вещей отношения людей и показать их реальные противоречия. Точно так же экономика реального социализма была дана как система директивного планирования, в котором основные параметры определялись в центре, товарные отношения регулировались Госкомцен, и т.д., и т.п. Но исследователь, который понимает, что это превращенная форма реальных объективных процессов, мог понять, что за этим скрывалась плановая сделка, дефицит, псевдо-административные цены (Я выражаюсь на языке Корнаи, можно было бы сказать это на другом языке).

Методология соединения нормативного и позитивного подходов, различения сущности и явления принципиально значима для понимания сегодняшней реальности, если мы не хотим быть такими же апологетами «успешных рыночных реформ», как ранее были апологетами «развитого рыночного социализма».

Так, мы можем некритически использовать данные, которые нам дал Госкомстат – у нас приватизирован 71% предприятий на самом деле это значит, что им присвоили вывеску акционерных предприятий) – и сделать вывод, что частная собственность восторжествовала в экономике России. Но серьезный исследователь, использующий методологию анализа сущностных процессов, будет «копать в глубь», исследуя, как реально устроены эти предприятия, как там работник соединяется со средствами производства, какие механизмы присвоения и отчуждения (быть может, феодальные или государственно-патерналистские) там на самом деле господствуют и т.д.

Иными словами, понимание апологетичности политэкономии социализма реверсивно очень важно для понимания нашей сегодняшней экономической теории, тоже во многом апологетической. То же самое касается и политэкономии, описывающей западную хозяйственную систему.

При этом, когда ты говоришь, что политэкономия социализма была апологетичной, с этим все соглашаются очень легко, но с апологетичностью неоклассики сегодня никто не хочет соглашаться. И здесь перед нами всего лишь кривое зеркало нашего прошлого: тогда власть принадлежала «социалистам» и апологетической была буржуазная теория, сейчас – «капиталистам» и печать апологетики применима лишь к политэкономии социализма. На самом же деле *проблема всякой политической экономии состоит в различении (1) научного анализа сущностных процессов, (2) позитивно-некритического описания превращенных форм и (3) прямого обслуживания правящих слоев при помощи абсолютно некритической интерпретации специально подобранных фактов.*

В этой связи не могу не заметить, что политическая экономия социализма, конечно же, использовала (как минимум, в лице университетской школы) метод, примененный ранее в «Капитале». Но именно политическая экономия социализма с наибольшей очевидностью высветила как возможные позитивные результаты, так и проблемы, ошибки, связанные с использованием этого метода. Вот почему мы столь большое внимание уделяем как достижениям (построение структуриро-

ванной модели «исходного», «основного» и т.п. производственных отношений, выделение механизма функционирования экономики и т.п.) так и фундаментальным «порокам» (апологетика и т.п.) нашей науки в области методологии.

3. О некоторых конкретных проблемах политической экономии социализма: трактовка государства и его функций

Прежде всего, мне хотелось бы акцентировать принципиально значимый для современной экономической теории (включая теорию рыночной экономики современной эпохи) подход к трактовке государства – его экономической природы и функций. Политическая экономия социализма показала, что это не вмешательство внешних политических сил в экономику, а рождение нового экономического субъекта новых (нерыночных по своей природе, более того, как я постарался показать выше – пострыночных, компенсирующих «провалы» рынка) производственных отношений. В том и смысл политэкономии социализма, что она перераспределение ресурсов при помощи государства трактует не как административный процесс, а как объективное экономическое отношение, которое вызвано к жизни современным развитием производительных сил, культуры и мирового сообщества. И это ее достижение сегодня необходимо применить для трактовки государства.

Я готов поспорить, что без политэкономии социализма мы сегодня целостную модель экономических функций государства в развитой рыночной экономике не нарисуем, что любой учебник экономикс систему экономических функций государства трактует уже, чем политэкономия социализма. Сравните, как описаны «провалы» рынка в этих учебниках и как это может быть сделано с использованием политэкономии социализма. В написанной совместно с А.И. Колгановым книге «Теория социально-экономических трансформаций»³ я предложил такую схему и сейчас отмечу лишь некоторые ее крупные блоки. В основу систематизации этих блоков положим основные параметры структуры экономической системы, выделенные нами выше (кстати, то же опираясь на достижения политической экономии социализма).

Так, «исходное производственное отношение» или, на современном языке, *отношения координации* (напомним, что их видами являются натуральное, товарное и плановое хозяйство) предполагают наличие определенных функций государства по участию в процессах (ниже дается минимальный перечень таких функций) формирования пропорций в экономике, отношений обмена и трансфертов, качества и цен. По всем этим параметрам в современной рыночной экономике государство ведет определенную деятельность. Это (1) прямое (государственный заказ, инвестиции, закупки, направленные, например, на развитие ВПК, образования, фундаментальной науки, аэрокосмических программ и т.п.) и косвенное (налоговые и таможенные льготы, дешевые кредиты и т.п. средства структурной политики) регулирование пропорций; (2) нормативы качества почти на все виды сельскохозяйственной продукции и продуктов питания и мн. др.; (3) государственное регулирование цен и правил ценообразования (являющееся правилом в области цен на многие тарифы, потребительские товары и т.п.); (4) определение правил

³ Теория социально-экономических трансформаций: прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире: Учеб. для студентов экон. специальностей / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. М.: ТЕИС, 2003. – 680 с.

и механизмов взаимодействия рыночных агентов в широком диапазоне – от правил торговли до антимонопольного законодательства (это один из подвидов более многообразной функции регулирования институтов, о которой ниже) и мн. др.

«Основное производственное отношение» и весь комплекс оформляющих современную экономику *отношений собственности* предполагает политико-экономическое исследование не только (1) государственной собственности (о ней как особой сфере экономических отношений, а не просто «провале рынка» экономикс как таковой то же предпочитает не распространяться; политическая же экономия социализма показала, что *за формой государственной собственности скрывается область новых экономических отношений, возникающая там и тогда, где и когда государство действует не как особый «сверх-капитал», а как действительный представитель общенародных интересов*; кстати, выделение этих интересов и их реального экономического содержания – тоже одна из заслуг нашей науки) и (2) функций государства по охране прав собственности (здесь неoinституционализм сделал немало), но и (3) включение государства в регулирование распределения прав собственности (я нарочито использую современный язык для обозначения того, что наша наука исследовала в связи с проблемами хозрасчета и распределения экономических правомочий в отношениях между государством и предприятием; а ведь ныне государство существенно ограничивает права частного собственника в области распоряжения его же собственным имуществом), а так же (4) регулирование деятельности по использованию такого государственного имущества как земля, недра, культурные ценности и т.п. блага, значительная часть которых находится в государственной собственности разных уровней, (5) поддержка малого бизнеса (как известно *в условиях нынешней конкуренции этот тип собственности не может выжить без поддержки государства*), (6) содействии демократизации отношений собственности (например, планы ESOP в США и Западной Европе) и многое другое. Конечно же прямо политическая экономия социализма эти функции не исследовала, но именно она дала ту методологию исследования экономических функций государства – а именно, отношение к государству как субъекту нового типа экономических отношений, – которая подталкивает исследователя к поиску именно этих отношений и, как следствие нахождению все новых и новых «забытых» неоклассической теорией, но в жизни развивающихся объективных экономических процессов.

Блок *социальных параметров экономики* («основной экономической закон») выявит огромный пласт отношений по сознательному регулированию (1) трудовых отношений, отношений труда и капитала (от социальных норм до трехсторонних коллективных договоров), а так же (2) занятости (не только пособия по безработице, но структурная политика и стимулирование занятости в современных секторах, например, бесплатные компьютерные курсы), опосредуемые государством (3) пострыночные механизмы распределения, такие как бесплатное общедоступное распределение многих благ (например, бесплатное среднее, а во многих странах – ФРГ и др. – высшее образование и мн. др.), социальные трансферты, налоговое перераспределение доходов и т.п.

Еще более многообразны функции государства в области *регулирования отношений воспроизводства и функционирования экономики*. В частности, именно здесь «располагается» весь объем функций государства по регулированию макро-

экономической динами (роста и т.п.), финансово-кредитной системы и мн. др. Я не буду здесь уходить в детали – это не предмет данного текста.

Многие из названных выше механизмов, конечно же, хорошо известны и экономикс, но я хотел сделать в данном случае иной акцент, опирающийся на методологию политической экономии социализма, а именно: во всех этих случаях *за конкретными экономическими функциями государства скрывается новый пласт экономической реальности – отношения сознательного регулирования экономических процессов в общенациональном (региональном, международном) масштабе*. Эти функции государства качественно отличны от традиционных (акцентируемых экономикс) функций государства как института волевого (не-экономического) поддержания условий функционирования рынка, капиталистической системы хозяйствования (функции по защите прав собственности, регулированию денежного обращения и т.п.).

Этот водораздел – отнюдь не теоретическая конструкция. Именно здесь проходит линия, разграничивающая рыночников-либералов и государственников-социалистов (от социал-демократов и далее влево). Первые стремятся всячески ограничить роль государства исключительно не-экономическими функциями по созданию условий для развития рынка, вторые (часто даже не осознавая этого теоретически наподобие мольеровского героя, не знавшего, что он говорит прозой) стремятся к развитию новых, пострыночных экономических отношений, реализуемых при помощи государства (но, как это было показано выше, не сводимых к деятельности этого института).

Вот почему *спор на протяжении десятилетий и в мире, и в России идет не том, сильное или нет государство нам нужно – сильным может быть и фашистская пиночетовская диктатура защищающая модель «Чикаго-бойз», – а о том, повторю, развивать или нет в экономике новые, пострыночные отношения*. Либералы не случайно столь активно выступают против осуществления государством селективного и антициклического регулирования, развития социальных трансфертов и бесплатного распределения общественных благ – во всем этом они «нутром чувствуют» действительно угрожающие всевластию рынка и капитала зародыши новых общественных отношений. И именно для исследования последних нам может быть полезна политическая экономия социализма (естественно, опять же намеренно повторюсь, при условии отделения ее апологетической шелухи от ростков научной теории пострыночной экономики).

Но к экономическим функциям государства отнюдь не сводятся пострыночные отношения, исследованные (частично, не полностью, перемежая теоретические достижения и апологетику мутантного, бюрократического «социализма») нашей наукой. Из числа конкретных проблем укажу так же на разработку проблемы нерыночных ценностей и стимулов. К аксиомам нашей науки относилось выделение творческого труда, свободного времени и неотчужденных социальных отношений («коллективизм», свободная работающая ассоциация) как важнейших слагаемых экономической жизни эпохи рождения постиндустриального общества (эпохи НТР). Не менее интересные разработки были сделаны в области выделения социально-экономической (выдвигающей интегральный фонд благосостояния и свободного гармоничного развития личности, а не только денежного дохода в качестве соизмеряемого с затратами результата развития), экономической теории самоуправления и мн. др.

Позволю себе также дополнительно аргументировать кажущуюся очевидной, но редко акцентрируемую (если вообще упоминаемую) тезу, сформулированную выше: если развитие государственного и социального (сознательного, централизованного, во многом планового) регулирования; широкое внедрение экологических, социальных, гуманитарных норм; все более широкое распространение общественной собственности во всем многообразии ее форм; передача общественным (не-частным, некоммерческим структурам) ряда прав собственности даже на предприятия рыночного сектора (контроль, ограничения и т.п., находящиеся в руках государства, профсоюзов и других НПО); производство, распределение и использование общественных благ (в том числе, наиболее значимого для постиндустриального общества ресурса – культурных ценностей, фундаментальных знаний, базовых «человеческих качеств» – общедоступность большей части образования и здравоохранения в развитых европейских странах) и т.п. есть «провалы рынка» (термин неоклассики; я бы сказал – рынка и капитала), то...

То эти феномены можно и должно считать ростками именно пострыночных и посткапиталистических отношений. Аргументация здесь проста: все названные феномены явно нельзя причислить к до-рыночным, до-капиталистическим (рабовладельческим, феодальным) экономическим феноменам; они стали массовым явлением и научной проблемой лишь на этапе позднего капитализма, развитого рынка и являются сферами, где рынок уже не эффективен (с точки зрения новых – социальных, гуманитарных, экологических и т.п. критериев), следовательно, это более развитые, более прогрессивные (с точки зрения названных выше новых критериев, обретающих все большую актуальность по мере движения к постиндустриальному обществу), чем рынок, т.е. пострыночные отношения.

Вот почему я хочу повторить еще раз, что политэкономия социализма как наука, дающая объяснение реальным экономическим связям при помощи определенной системы категорий и понятий, можно использовать для, во-первых, понимания нашего прошлого (с учетом того, что она дала очень специфическую картину этого прошлого); во-вторых, для понимания природы нашей переходной экономики, и, в-третьих, для понимания черт пострыночной, посткапиталистической экономической жизни в сегодняшней реальной экономике, в экономике будущего. В частности, я берусь утверждать, что в сегодняшней мировой экономике существуют пострыночные, посткапиталистические отношения в области координации, собственности, распределения доходов, воспроизводства, мотивации и т.д. Для понимания этих механизмов политэкономия социализма (при ее критическом использовании) полезна и необходима, поскольку она наработала многое такое, чего не знают современные теоретики или что они узнали позже и в ограниченных масштабах, и под очень специфическим углом зрения.

При этом я хочу вновь повторить: прежде чем использовать какие-либо достижения политической экономии социализма мы должны проделать тяжелую, но абсолютно необходимую работу по нелицеприятной критике нашей науки как ненаучной в той мере, в какой она ориентировалась на обслуживание самосознания правящего класса советской системы.

В то же время, не следует впасть в чрезмерную эйфорию, останавливаясь лишь на внешней характеристике прежней системы как плановой, опирающейся на общественную собственность и распределение по труду, быстро растущей и якобы пропорциональной. Не столько сравнение с абстрактным идеалом (кстати, и этот идеал, как я постарался показать выше, был не придуман, а главным образом абстрагирован из реальных процессов и явлений), сколько анализ реальных отношений. Мы не можем забывать, что экономика МСС была полна глубоких противоречий, в том числе и тех, что тормозили технический, социальный и гуманитарный прогресс, обуславливали политический и идеологический авторитаризм (и воспроизводились им), вплоть до чудовищных форм сталинизма. *Противоречие централизованного планирования и плановых сделок, бюрократизма, ведомственности; ростки гармоничного развития личности и чудовищные провалы в сфере личного потребления; опережающее развитие ключевых отраслей и повсеместный дефицит... – все это практика нашей экономики прошлого, адекватно отображавшаяся лишь в некоторых полудиссидентских работах, открыто появившихся в малотиражных научных изданиях только в начале 80-х годов, но игнорировавшаяся нашей официальной наукой.*

Есть у нашей науки и ее собственно теоретические глубинные недостатки, недоработки. Не менее чем любая другая сфера научной деятельности, *политическая экономия социализма включала огромное количество низкокачественных, вторичных и просто халтурных работ*, ориентированных на реализацию чисто карьерных целей (вот почему говоря о достоинствах нашей науки, мы имели в виду наиболее интересные тезисы наиболее интересных работ, а не все те сотни тысяч книг и статей, что выходили в странах МСС). Более того, и специфика ее объекта (ростки, тенденции, мутантные формы...), и особые условия работы ученых (авторитарный режим и цензура в МСС, где номенклатура была не заинтересована в истинном отображении дел; отторжение этих разработок профессиональным обществом и вытекающая из этого маргинализация на Западе вследствие подчинения науки и образования капиталу), и – главное – распад и кризис первых экономических систем, называвших себя социалистическими – все это не могло не привести к фрагментарности и недостроенности здания нашей науки (хотя даже эти ростки являются одним из высоких примеров стремления к системности), переплетению крупниц истины и научных открытий с (повторю) откровенной апологетикой и прямым недомыслием.

Тем важнее серьезный анализ достижений нашей науки и (особенно!) ее ошибок и трагедий для современной науки, учет обеих *неразрывно связанных сторон нашей науки*. Другое дело, что выше я постарался выявить, прежде всего, позитивные достижения нашей науки, хотя никогда не забывал оговорить реальные противоречия прошлого.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ЧАСТЬ 1)

УДК: 330

DOI: 10.5281/zenodo.14509330 <https://zenodo.org/record/14509330>

ВЕРНОСТЬ ПОЛИТЭКОНОМИИ (О НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА В.Н. ЧЕРКОВЦА)

Бабаев Алиджан Переджан оглы¹

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономических и технологических наук Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC), Баку, Азербайджан, (ababayev@rambler.ru)

Ключевые слова: научная и педагогическая деятельность, политическая экономия, анализ социально-экономических процессов

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке и рекомендации Организационного комитета VIII Международного политэкономического конгресса имени А.В. Бузгалина, посвященного теме «Российская экономическая система: противоречия и потенциал развития», организованного в рамках VI Московского академического экономического форума. Тема одного из пленарных заседаний: «Политическая экономия в МГУ имени М.В. Ломоносова: история и современность (к 220-летию кафедры политической экономии МГУ, 120-летию со дня рождения Н.А. Цаголова, 100-летию со дня рождения В.Н.Черковца, 70-летию со дня рождения А.В. Бузгалина).

Для цитирования: Бабаев А.П. Верность политэкономии (о научной и педагогической деятельности профессора В.Н. Черковца) // Вопросы политической экономии. 2024. № 4(40). С. 45-52.

FIDELITY TO POLITICAL ECONOMY (SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITY OF PROFESSOR CHERKOVETS)

Alidjan P. Babaev

Doctor of Economics, Professor of the Chair of Economics and Technological Science of the Azerbaijani State Economic University (UNEC), Baku, Azerbaijan, (ababayev@rambler.ru)

Keywords: scientific and pedagogical activities, political economy, analysis of socio-economic processes

Acknowledgments: the article was worked out with support and recommendation by the Organizing Committee of the VIII International Politico-Economical Congress named after A.V. *Buzga-*

¹ © Бабаев А.П., 2024

lin and devoted to “Russian economic system: contradictions and potential of development”. The subject of one of the plenary sessions is “The political economy at the Moscow State “Lomonosov” University: history and present days (devoted to the 220th anniversary of the Chair of political economy of the Moscow University, 120th anniversary of the birthday of *N.A. Tsagolov*, 100th anniversary of the birthday of *V.N. Cherkovets*, 70th anniversary of the birthday of *A.V. Buzgalin*)”, and the session has been organized within the framework of the YI Moscow Academic Economic Forum.

For citation: Babayev A.P. Fidelity to political economy (scientific and pedagogical activity of professor Cherkovets). 2024;4(40):45-52.

JEL codes: A11, B40, O21

26 марта исполнилось 100 лет со дня рождения *Виктора Никитича Черковца* – выдающегося советского и российского политэконома, одного из наиболее ярких представителей экономической школы МГУ.

Участник Великой Отечественной войны, он в составе войск Первого Белорусского фронта участвовал в освобождении Варшавы и штурме Берлина. Обнаружив после войны в окрестностях Берлина в гарнизонном Доме офицеров хорошую библиотеку, а в ней – «Капитал» К. Маркса, старший сержант Виктор Черковец увлекся политической экономией и, как оказалось – на всю последующую жизнь.

Можно также сказать, что это чтение окончательно сформировало и его убеждения в целом, которым он тоже оставался предан до конца жизни.

Что касается научной и педагогической деятельности В.Н. Черковца, то вся она – от окончания экономического факультета МГУ в 1954 году вплоть до самой кончины в 2018 году – является примером верности политической экономии как науке и как учебной дисциплине. И не только науке – но и *непосредственно кафедре политической экономии*, с которой он связал свою судьбу начиная с того же 1954 года, когда поступил в аспирантуру кафедры. И в дальнейшем на этой же кафедре он становится ассистентом, доцентом, а с 1967 года – профессором и впоследствии главным научным сотрудником.

Глубину своих теоретических знаний Виктор Никитич продемонстрировал уже в аспирантуре, подготовив под руководством тогдашнего заведующего кафедрой, известного советского политэконома члена-корреспондента Академии наук СССР *А.И. Пашкова*, кандидатскую диссертацию на тему «*Предмет политической экономии*». Согласимся, что для начинающего ученого подобный теоретический «замах» свидетельствует об очень многом.

Тогда же, будучи аспирантом, Виктор Никитич начал свою педагогическую деятельность, вел семинарские занятия со студентами и уже в то время показал себя блестящим преподавателем, вследствие чего вполне заслуженно был оставлен на кафедре ассистентом.

Было это в 1957 году, и именно с этого момента начинается длившееся более четверти века творческое и человеческое содружество *Виктора Никитича Черковца* и *Николая Александровича Цаголова*, который возглавил кафедру политической экономии после А.И. Пашкова. И это было не просто содружеством двух ученых. Как впоследствии писал сам Виктор Никитич, «с приходом в качестве заведующего

кафедрой Н.А. Цаголова широко развернулся фронт научных исследований фундаментальных проблем политической экономии». В результате очень скоро «кафедра превратилась в один из общепризнанных центров экономической теории в стране».

И одним из ведущих представителей складывавшегося на кафедре коллектива заслуженно выступает Виктор Никитич Черковец. Доказательством этого является хотя бы тот факт, что молодой ученый, приглашенный профессором Цаголовым на кафедру, вскоре становится заместителем заведующего кафедрой. Одним из наиболее ярких примеров работы того времени является главный научный труд кафедры периода 60-х – начала 70-х годов – двухтомный «Курс политической экономии», выдержавший три издания (Курс, 1973; 1974). В создании «Курса» Виктор Никитич участвовал не только как автор, но и как научный редактор значительной его части.

И еще одну важнейшую деталь необходимо отметить. Забегая вперед, вспомним, как много лет спустя, в последние годы жизни Н.А. Цаголова, Виктор Никитич, будучи уже деканом экономического факультета крупнейшего из гуманитарных факультетов Московского университета и обладая огромным авторитетом в высоких инстанциях СССР, всячески поддерживал Николая Александровича на посту заведующего кафедрой, жестко пресекал любые интриги, направленные против него, откуда бы они ни исходили.

Что касается авторитета, то ковался он многие годы. Заняв в 1967 году должность профессора кафедры политэкономии, Виктор Никитич одновременно становится заместителем декана экономического факультета по научной работе – фактически первым заместителем декана. В этом качестве в течение нескольких последующих лет он, в частности, неоднократно общался с легендарным ректором МГУ академиком *Иваном Георгиевичем Петровским* – выдающимся советским математиком. Академик Петровский, навеки оставивший свой след в истории еще и тем, что именно он 1 сентября 1953 года открывал новое здание университета – наш известный всему миру дворец на Ленинских горах, высоко ценил интеллект и организационные способности профессора Черковца.

И в связи с этим очень важно напомнить про столь же исключительную эрудицию Виктора Никитича. Она проявлялась не только во всех его публичных выступлениях и в ходе лекций и семинарских занятий, которые он проводил во все периоды своей работы профессором кафедры, но и просто в беседах с коллегами и с нами, его учениками. Могут обоснованно утверждать, что каждый из нас черпал огромное количество исключительно интересной информации – причем не только с узкопрофессиональной точки зрения – в результате общения с нашим руководителем.

Будучи тогда же, в 60-е годы и впоследствии в 70-е годы, участником разработки ряда крупнейших программ социально-экономического развития СССР, Виктор Никитич хорошо знал ситуацию в советской экономике, владел конкретным материалом о положении дел в ведущих отраслях, прекрасно разбирался в статистике. Поэтому ни в его статьях, ни в монографиях, ни в публичных выступлениях, посвященных анализу текущих вопросов, мы не найдем ни одного легковесного, оторванного от реальной действительности, не подкрепленного доказательствами суждения или вывода.

Возвращаясь к научной деятельности В.Н. Черковца во время работы профессором кафедры в конце 60-х годов, нельзя не упомянуть вышедшую в 1969 году совместную монографию «Ленинский анализ империализма и современный капитализм», в которой Виктор Никитич был одним из соруководителей авторского коллектива (Ленинский, 1969). В написании этой работы приняли участие такие известные политэкономы и экономисты-международники, как профессора А.В. Аникин, М.С. Драгилев, Э.П. Плетнев, доценты, а впоследствии – профессора И.Е. Рудакова, И.П. Фаминский, Г.Г. Чибриков и ряд других.

В связи с этой монографией необходимо отметить еще одну важнейшую черту, которая отличала всю научную деятельность Виктора Никитича. Это – его поистине *исключительная научная объективность*, которая проявлялась буквально во всех его работах и публичных выступлениях, будь то конференции или методологические семинары. Поэтому, например, критикуя немарксистские теории зарубежных экономистов, он делал это не *начетнически*, а осмысленно, с глубоким знанием предмета критики, на основе тщательного исследования. Такой подход разительно отличал его от некоторых тогдашних представителей советской экономической науки, которые в своих работах в критике Запада допускали поверхностные суждения, а зачастую и откровенное верхоглядство. При этом они же, уже в новое время, резко поменяв свою прежнюю позицию на противоположную, с таким же верхоглядством, односторонне и предвзято освещают теперь уже все, что происходило в СССР.

А работы Виктора Никитича и впоследствии, уже в новых исторических условиях переходного периода в постсоветской России отличаются такая же объективность и глубина подхода. Он, в частности, занимался анализом внутренних противоречий рыночной экономики не только в конкретных российских реалиях, но и в ее развитой форме на Западе, не излечившей капитализм от социальных антагонизмов. И одновременно напоминал о неравномерности развития капитализма на его монополистической стадии, что, в частности, способствует постоянному росту его агрессивности.

И с позиций сегодняшнего дня мы видим, насколько верными и с чисто экономической, и с социально-политической точек зрения были эти выводы, которые отстаивал в своих работах профессор Черковец.

Но вернемся к началу 70-х годов, когда в научной и руководящей деятельности Виктора Никитича происходит поворот – он переходит на основную работу в Институт экономики Академии наук СССР заведующим Отделом общих проблем политической экономии социализма – ведущим подразделением Института. Одновременно в 1972 году он становится заместителем директора Института экономики. Решением руководящих партийных и советских органов СССР именно Отделу общих проблем в качестве основной темы исследований была поручена разработка сбалансированной модели плановой экономики при обязательном сохранении ее принципиальных устоев и одновременно более активном использовании товарно-денежных отношений.

К тому моменту Виктор Никитич уже являлся общепризнанным авторитетом в области разработки принципов анализа категорий и законов политической экономии как науки, а также в области исследования основополагающих отношений экономической системы социализма в целом. Именно эти направления и особенно

исследование *планомерности как особой категории* политэкономии социализма становятся главным предметом его научной деятельности, начиная с защиты им в 1965 году докторской диссертации на тему «Категория планомерности и вопросы системы политической экономии социализма» и выхода в том же году его важнейшей монографии «*Планомерность социалистического производства*» (Черковец, 1965). И в этом же году выходит еще одна его важная теоретическая работа «*О методологических принципах политической экономии как научной системы*» (Черковец, 1965).

В Институте экономики Виктор Никитич проработал вплоть до начала 1981 года, но все это время оставался профессором кафедры политэкономии по совместительству, продолжал активно участвовать в научной жизни кафедры.

В течение нескольких десятков лет Виктор Никитич руководил таким специфическим научным образованием в составе кафедры, как *проблемная группа*, в которую входили профессора, преподаватели, научные сотрудники и аспиранты. Первоначально занимавшаяся анализом категорий и законов политической экономии социализма, впоследствии группа расширила круг предметов своего рассмотрения и получила название «Воспроизводство и экономический рост».

Очень важно, что на базе проблемной группы профессора В.Н. Черковца поддерживались регулярные научные контакты не только с представителями других вузов и научных учреждений Москвы, но и других городов России и всего Союза ССР. Особое значение сохранение таких контактов приобрело после событий начала 90-х годов, в результате которых многие выпускники экономического факультета МГУ стали гражданами суверенных государств.

В частности, в этот непростой исторический период коллектив проблемной группы многие годы занимался фундаментальным исследованием, которое можно объединить общим названием «*Капитал*» и «*Экономикс*». Именно такое название носит цикл коллективных работ под общей редакцией В.Н. Черковца, первая из которых вышла в свет в 1998 году (Капитал..., 1998).

В ходе работы над этой темой Виктор Никитич всегда подчеркивал, что сравнительный анализ *любых* теоретических систем, в данном случае – «Капитала» и «Экономикс», требует тщательного исследования альтернативной теории и методологии, и какие-либо односторонность и необъективность здесь недопустимы.

Опять вернемся теперь уже в начало 80-х годов, когда происходит новый резкий поворот в жизни и деятельности Виктора Никитича. В первые майские дни 1981 года он возвращается на основную работу на экономический факультет МГУ – уже в качестве его руководителя. Мы, его ближайшие ученики, регулярно общавшиеся с ним в то время, помним, насколько Виктор Никитич не рвался к этому поистине высокому посту, насколько ему не было свойственно стремление занять высокое кресло декана. Он буквально до последнего хотел оставаться на научной работе в Институте экономики, совмещая ее с преподавательской деятельностью на кафедре политэкономии, долго не соглашался на новое назначение, и лишь категорическое мнение самых высоких партийных инстанций СССР в конце концов решило дело.

И поэтому в последующие годы, руководя таким поистине гигантским хозяйством, как экономический факультет, Виктор Никитич никогда не забывал о непосредственно научной, творческой работе. Под его руководством долгие годы

работала созданная им в 1981 году *научно-исследовательская лаборатория*, первоначально называвшаяся «Проблемы экономики развитого социализма», затем – «Проблемы совершенствования социалистических производственных отношений», впоследствии – «Лаборатория проблем собственности».

В разные годы – начиная с 80-х годов минувшего столетия до второй декады века нынешнего – коллектив лаборатории подготовил целый ряд работ, актуальность и важность которых видны и сегодня. Среди них: «*Теоретические проблемы формирования и развития единого народнохозяйственного комплекса страны*» (Теоретические проблемы, 1985), «*Собственность и реформа*» (Собственность и реформа, 1995), «*Собственность в экономической системе России*» (Собственность..., 1998), «*Государственная собственность в экономике России и других стран. Вопросы истории и теории*» (Государственная..., 2002), «*Человеческий капитал и образование*» (Человеческий..., 2009), «*Общественное воспроизводство в смешанной рыночной экономике России: структура, противоречия, целевая функция, развитие*» (Общественное воспроизводство..., 2018) и целый ряд других.

Конец 80-х годов, ознаменовавшийся в том числе усилением нападков не только на марксистскую политэкономю, но и на политэкономю в целом как на науку и составную часть системы образования, был для Виктора Никитича глубокой личной, *не показной* трагедией. Параллельно происходивший постепенный отказ от основ плановой экономики в стране и последовавший в целом отказ от народнохозяйственного плана на 1990 год дали старт в этом же году первому после Великой Отечественной войны спаду общественного производства. Впоследствии Виктор Никитич постоянно подчеркивал, что тем самым на финише еще советской экономики было положено начало перманентного экономического кризиса, превратившегося, в конечном счете, в кризис трансформационный.

Поэтому вполне естественно, что Виктор Никитич резко критиковал огульный отказ от государственного планирования в целом и несправедливые нападки на него, которые доминировали в научной литературе и в средствах массовой информации в 90-е годы прошлого и в нулевые годы нынешнего столетий. Столь же понятно, что он приветствовал принятие летом 2014 года федерального закона «*О стратегическом планировании в Российской Федерации*», особенно выделяя в новом законе то, что в нем само понятие «стратегическое планирование» понимается широко, включая такие составляющие, как целеполагание, прогнозирование, собственно планирование и программирование, а также то, что оно должно стать по сути *всеобщей формой деятельности* по общегосударственному регулированию экономики и социальной сферы.

Виктор Никитич Черковец однозначно и недвусмысленно оценивал факт развала Советского Союза – страны, которую он называл «невиданным в истории содружеством многих народов в едином могучем государстве». Это, еще раз подчеркнем, полностью соответствовало его глубоким и искренним убеждениям интернационалиста, которые он не менял до конца жизни.

Очень важно помнить, что тогда же, в начале 90-х годов, Виктор Никитич являлся одним из тех ученых, которые решительно отстаивали сохранение названия кафедры политической экономии экономического факультета, считая это принципиальным вопросом.

Поэтому совсем не случайно, что с середины 90-х годов одной из доминирующих тем в публикациях и выступлениях профессора Черковца становится обоснование необходимости восстановления в полной мере – конечно, с учетом современной ситуации – *официального статуса политической экономики как особой экономической науки и вузовской учебной дисциплины*.

Одним из ярких свидетельств этого – опубликованная им в «Российском экономическом журнале» номер 3 за 1996 год статья «*Политическая экономия как наука: историческая тенденция и социальная востребованность*», одно название которой говорит само за себя (Черковец, 1996). Как видим, это произошло задолго до того, как аналогичные предложения зазвучали в виде всевозможных коллективных обращений на различных «экономических форумах».

И вполне естественно, что Виктор Никитич полностью поддерживал решение ВАК России о восстановлении политической экономики как отдельной, причем первой области исследования в рамках научной специальности «*Экономическая теория*». При этом он отмечал необходимость принятия дальнейших решений в части организации образовательного процесса в области политэкономии так же, как и в части совершенствования всей образовательной политики.

В отношении Виктора Никитича Черковца не будет никакой натяжкой сказать, что подобно тому, как он выполнял свой солдатский долг в рядах Красной, а потом – Советской Армии, он буквально до последних дней выполнял и свой долг ученого, посвятившего жизнь исследованию вопросов политэкономии. Рассказывают, что вплоть до печальных дней декабря 2017 года, когда его скрутила тяжелая болезнь, Виктор Никитич приходил на работу в свою лабораторию так, что по нему буквально можно было проверять часы. И в этом был весь Виктор Никитич Черковец – такой, каким мы его запомнили и будем помнить всегда.

ЛИТЕРАТУРА

Государственная собственность в экономике России и других стран. Вопросы истории и теории / Под ред. В.Н. Черковца. М.: ТЕИС, 2002. – 593 с.

«Капитал» и «Экономикс». Вопросы методологии, теории, преподавания. Выпуск 1 / Под ред. В.Н. Черковца. М.: ТЕИС, 1998. – 220 с.

Курс политической экономики. В 2 т. Учебное пособие для экономических вузов и факультетов / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, переработ. и доп. Соавтор. Т. 1. М.: Экономика, 1973. – 831 с.

Курс политической экономики. В 2 т. Учебное пособие для экономических вузов и факультетов / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, переработ. и доп. Соавтор. Т. 2. М.: Экономика, 1974. – 669 с.

Ленинский анализ империализма и современный капитализм / Под ред. В.Н. Черковца, И.П. Фаминского, В.А. Кирова. М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 281 с.

Общественное воспроизводство в смешанной рыночной экономике России: структура, противоречия, целевая функция развития / Под ред. В.Н. Черковца, А.М. Беляновой. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. – 256 с.

Собственность и реформа / Под ред. В.Н. Черковца, В.В. Конышева. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет, 1995. – 160 с.

Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова. М.: ТЕИС, 1998. - 556 с.

Теоретические проблемы формирования и развития единого народнохозяйственного комплекса / Под редакцией В.Н. Черковца. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1985. – 182 с.

Человеческий капитал и образование / Под ред. В.Н. Черковца, Е.Н. Жильцова, Р.Т. Зяблук. М.: ТЕИС, 2009. – 324 с.

Черковец В.Н. Планомерность социалистического производства. М.: Изд-во Экономика, 1965а. – 211 с.

Черковец В.Н. О методологических принципах политической экономии как научной системы. Логический метод К. Маркса и система категорий политической экономии социализма. М.: Изд-во Московского университета, 1965b. – 260 с.

Черковец В.Н. Политическая экономия как наука: историческая тенденция и социальная востребованность // Российский экономический журнал. 1996. № 3. С. 64-72.

Информация об авторе

Бабаев Алиджан Переджан оглы – доктор экономических наук, профессор кафедры экономических и технологических наук Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC), Баку, Азербайджан.

(E-mail: ababayev@rambler.ru)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

«Capital» and «Economics». Questions of methodology, theory, teaching. Issue 1. Under the general editorship of V.N. Cherkovets. M.: Publishing house «TEIS», 1998. – 220 p. (In Russ.)

Cherkovets V.N. The planning system of socialist production. M.: Publishing house «Ekonomika», 1965a. – 211 p. (In Russ.)

Cherkovets V.N. About the methodological principles of political economy as a scientific system. The logical method of K. Marx and the system of categories of political economy of socialism. M.: Publishing house of the Moscow University, 1965b. – 260 p. (In Russ.)

Cherkovets V.N. Political economy as science: historical tendency and social necessity. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal=Russian economic magazine. 1996;(3):64-72. (In Russ.)

Course of political economy. Vol. 1-2. Manual for economic high school institutions and faculties. Under the general editorship of N.A. Tsagolov. 3d edition. One of the authors. Vol. 1. M.: Publishing house «Ekonomika», 1973. – 831 p.

Course of political economy. Vol. 1-2. Manual for economic high school institutions and faculties. Under the general editorship of N.A. Tsagolov. 3d edition. One of the authors. Vol. 2. M.: Publishing house «Ekonomika», 1974. – 669 p. (In Russ.)

Human capital and education. Under the general editorship of V.N. Cherkovets, E.N. Zhiltsov, R.T. Zyablyk. M.: Publishing house «TEIS», 2009. – 334 p. (In Russ.)

Lenin's analysis of imperialism and contemporary capitalism. Under the general editorship of V.N. Cherkovets, I.P. Faminsky, V.A. Kirov. M.: Publishing house of the Moscow University, 1969. – 281 p. (In Russ.)

Property and Reform: Collection of articles. Under the general editorship of V.N. Cherkovets, V.V. Konyshov. M.: Economic Department of MSU, 1995. – 160 p. (In Russ.)

Property in Russian economic system. Under the general editorship of V.N. Cherkovets, V.M. Kulkov. M.: Publishing house «TEIS», 1998. – 556 p. (In Russ.)

Public reproduction in Russian mixed market economy: structure, contradictions, goal function of development. Under the general editorship of V.N. Cherkovets, A.M. Belyanova. M.: Economic Department of MSU, 2018. – 256 p. (In Russ.)

State property in Russian economy and other countries. Questions of history and theory. Under the general editorship of V.N. Cherkovets. M.: Publishing house «TEIS», 2002. – 593 p. (In Russ.)

Theoretical problems of forming and development of single economic complex. Under the general editorship of V.N. Cherkovets. Publishing house of the Moscow State «Lomonosov» University, 1985. – 182 p. (In Russ.)

Information about the author

Alidjan P. Babaev – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Economics and Technological Science of the Azerbaijani State Economic University (UNEC), Baku, Azerbaijan.

(E-mail: ababayev@rambler.ru)

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 21.09.2024; одобрена после рецензирования: 15.10.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

УДК: 330.1

DOI: 10.5281/zenodo.14509366 <https://zenodo.org/record/14509366>

ПОТЕНЦИАЛ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОДХОДА (К ЮБИЛЕЮ В.Н. ЧЕРКОВЦА)

Кульков Виктор Михайлович¹

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (profvmk@mail.ru), (ORCID: 0000-0002-35546869)

Ключевые слова: *воспроизводственный подход, политическая экономия, особенности национального воспроизводства, В.Н. Черковец*

Для цитирования: Кульков В.М. Потенциал воспроизводственного подхода (к юбилею В.Н. Черковца) // Вопросы политической экономии. 2024. № 4(40). С. 53-60.

THE POTENTIAL OF THE REPRODUCTIVE APPROACH (TO THE ANNIVERSARY OF VIKTOR CHERKOVETS)

Viktor M. Kulkov

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (profvmk@mail.ru), (ORCID: 0000-0002-3554-6869)

Keywords: *reproductive approach, political economy, features of national reproduction, V.N. Cherkovets*

For citation: Kulkov V.M. The potential of the reproductive approach (to the anniversary of Viktor Cherkovets). Problems in Political Economy. 2024. № 4(40). С. 53-60.

JEL codes: B31, E11, E20

Введение

Воспроизводственный подход вошел в арсенал экономической теории. Зародившись в знаменитой «Экономической таблице» физиократа Ф. Кенэ (1694–1774 гг. – годы его жизни, а стало быть, в этом году исполняется 330 лет со дня его рождения), он получил свое развернутое выражение в классической (прежде всего, в марксистской) политической экономии и закрепился в отечественной научной традиции (см. об этом: Кульков, Теняков, 2022, с. 48-52, 219-220). Видным выразителем и разработчиком данного подхода был доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Виктор Никитич Черковец (1924–2018), 100 лет со дня рождения которого отмечается в этом году. Он был ярким предста-

¹ © Кульков В.М., 2024

вителем университетской школы политэкономии, сподвижником Н.А. Цаголова, в определенные годы – заместителем директора Института экономики АН СССР, деканом экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главным редактором журнала «Вестник Московского университета, серия Экономика». Особо надо отметить то, что он основал в 1965 г. при кафедре политической экономии Проблемную группу под изначальным названием «Темпы, пропорции, эффективность общественного воспроизводства» (последнее ее название: «Воспроизводство и экономический рост») и руководил ею в течение более полувека. Именно в ее недрах шла кипучая научная работа по проблемам воспроизводства, генерировались идеи, формировались книги, проводились научные конференции. Велик вклад В.Н. Черковца в отстаивании роли воспроизводственного ракурса в экономических процессах и в научных исследованиях, что особенно проявилось в 1990-е годы, но имело значение и в последующий период (Черковец, 2014). Большой вклад в копилку воспроизводственного подхода внесли и другие российские исследователи: «нужно отметить, что часть ведущих российских экономистов никогда не соглашалась с исключением вопросов воспроизводства при обсуждении и обосновании экономической политики» (Широв, 2019, с. 37). Все эти усилия укрепили позиции данного подхода и способствовали расширению понимания его важного значения и в новое время.

Воспроизводственный подход имеет много разных аспектов. Они не могут быть рассмотрены в рамках одной статьи. Сосредоточим свое внимание на нескольких аспектах. Прежде всего, вспоминая разработчиков данного подхода, живших и творивших в разных эпохах, стоит задаться следующими вопросами: почему этот подход и в современных условиях может показать свой научный потенциал, свою востребованность? Каковы формы его реализации?

Содержание и системное значение воспроизводственного подхода

В самом общем виде воспроизводственный подход нацелен на рассмотрение экономики через призму воспроизводства, т.е. (в классическом выражении, по К. Марксу) такого «общественного процесса производства», который берется «в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления» (Маркс, 1969, с. 578). Данный подход выражает взаимосвязь социального содержания, структуры и динамики экономики, взаимодействие производительных сил (факторов производства) и экономических отношений, нацеливает на структуризацию фаз воспроизводства при признании особой роли процесса производства, подчеркивает связь сущностных основ экономических взаимодействий и конкретных форм функционирования и развития экономики. Относительно самостоятельная проблематика экономического роста в такой конструкции предстает как элемент расширенного воспроизводства. По своему масштабу, целостности, глубине и акцентированности воспроизводственный подход имеет немало преимуществ по сравнению с утвердившимися в микро- и макроэкономике моделями круговых потоков, основанных во многом на поверхностных функциональных связях. К тому же он позволяет высветить и увидеть новые (именно воспроизводственные) ракурсы, казалось бы, известных экономических категорий, явлений и процессов. В этом смысле данный подход может трактоваться как системно-воспроизводственный подход, соединяющий разные пласты экономической системы, раскрывающий их реальное мате-

риальное наполнение и показывающий динамику изменений, хотя могут быть и локальные формы его реализации.

Если взять современную российскую экономическую науку, то в ней, как представляется, наиболее выпукло воспроизводственный подход реализуется в трех основных направлениях (формах): социально-экономический (политэкономический) подход (его видный выразитель – В.Н. Черковец), структурно-ориентированный подход (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН – во многом это традиция, идущая от А.И. Анчишкина), техноукладный подход (Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев). Однако во многом эти направления реализуются порознь, что снижает их исследовательские возможности. При объединении их усилий можно добиться большого эффекта. В таком интегральном виде воспроизводственный подход способен обогатить представление о современных экономических процессах, расширить систему координат исследования актуальных проблем российской экономики, конкурируя с утвердившимися в мейнстриме моделями.

Будучи нацеленным на системность взаимодействий, данный подход сохраняет анализ современной экономики от крайностей: с одной стороны, от абсолютизации технократического ориентира, с другой стороны – от «социологического империализма». Первый из них довольно часто встречается при рассмотрении цифровой экономики, когда ее анализ сводится к чисто технологическим характеристикам и изменениям; другой – присущ многим исследованиям в области человеческого и особенно социального капитала, нередко перенасыщенным чисто социологической конкретикой. Воспроизводственный подход способен преодолеть эти односторонности, обогащая указанные выше характеристики (обозначим их здесь как технико-производственные и институционально-социологические) социально-экономическим (политэкономическим) измерением, включающим в себя характер и типы социального присвоения, проблемы интересов, неравенства и т.п. Так, существующая в России и в мире проблема социального неравенства предстает в таком случае как более объемная, поскольку берется в качестве тормозящего фактора экономического развития и источника многих острых структурных проблем. И таких примеров можно привести немало. Органически соединяя разные ракурсы и показывая их взаимосвязь, воспроизводственный подход формирует в итоге целостное представление об экономических процессах, функционировании и развитии экономики как системы.

С этим выводом сопрягается и важная роль характеристики воспроизводства экономических отношений как параметра общественного воспроизводства. Последнее есть воспроизводство не только продукта, факторов производства, но и экономических отношений. Такой подход, наиболее представленный в «Капитале» К. Маркса и активно развивавшийся в трудах В.Н. Черковца, как приверженца «методологии политэкономического анализа современных процессов в области реальных общественно-экономических, производственных отношений» (Черковец, 2014, с. 9; 2005, с. 42-43, 130), позволяет лучше понять логическую последовательность, восходящую от деформаций экономических отношений к деформированной структуре российской экономики в целом, а тем самым и о постоянно воспроизводимом наследии 90-х гг.: почему и как это происходит до сих пор в России? Как это отражается на технологическом уровне экономики, структуре национального хозяйства, социальном состоянии? Этот подход позволяет также наметить более

эффективные пути назревших преобразований в России и формирования в стране отношений «новой экономики», которые будут способны обеспечить простор развитию производительных сил, человеческого потенциала, достойных социальных условий в условиях цифровизации экономических процессов, формирования нового технологического уклада. Впрочем, надо видеть и противоречивость указанных трендов: с одной стороны, новые технологические и социальные возможности, а с другой – возможности иного рода: превращение человека в придаток цифры, изошренность форм подчинения труда капиталу, цифровой тоталитаризм, «надзорный капитализм» и т.п. На этой основе можно наметить эффективные и подлинно прогрессивные пути назревших преобразований в России, захватывающих сферы как производительных сил, так и экономических отношений. Они впишутся в воспроизводственную тематику, обогащая ее современными процессами и показывая тем самым ее богатые теоретические и практические возможности.

Использование известных классических схем общественного воспроизводства может быть расширено и продвинуто с учетом указанных новых трендов, меняющих как структуру экономики, так и характер экономических отношений с учетом обозначенных выше альтернатив. Небезуспешную попытку в этом направлении представил А.В. Бузгалин, выделивший и противопоставивший следующие подразделения общественного воспроизводства: 1) реальный (полезный) сектор, представленный материальным производством и сектором полезных услуг, сопряженных с развитием креатосферы и творческого труда, и 2) превратный (бесполезный) сектор, представленный производством благ, не содействующим прогрессу или противодействующим ему (Бузгалин, Колганов, 2019, с. 18-28). Таким образом, был показан исследовательский потенциал классических схем воспроизводства, способных отразить современные экономические, технологические и структурные изменения. Идущими в этом же направлении являются попытки определить тенденции развития индустриального производства и в этом контексте – «переход к новому индустриальному обществу второго поколения» (Бодрунов, Десаи, Фриман, 2022, с. 61-79). В одном из последних докладов Римского клуба (Weizsäcker, Wijkman, 2018, pp. 1-206) ставится проблема глубокой трансформации экономики, перехода от потребительской и финансово-спекулятивной доминант, погони за частной выгодой, ориентации на рост как таковой и валовые показатели к устойчивому развитию и ориентации на общее благо. Другими словами, речь идет об изменении экономических отношений и формировании адекватной политики и мировоззрения.

Касаясь возможностей преодоления односторонностей, содержащихся в воспроизводственном подходе, следует отметить и его способность преодолеть крайности наметившегося в современной экономической теории «эмпирического империализма» или «нового эмпиризма», нашедшего свое выражение в расширении доли и роли эмпирических исследований под предлогом большего приближения теории к практике. В связи с этим высказываются опасения относительно того, что «крен в сторону атеоретичности будет только усиливаться» (Капелюшников, 2018, с. 110). Но, как представляется, именно воспроизводственный подход в силу своей объемности и системности способен объединить и вобрать в себя разные уровни экономических взаимодействий (от глубинных до поверхностных), что было в свое время реализовано в трехслойной (трехтомной) структуре «Капитала».

Таким образом, указанный подход, снимая односторонности, позволяет расширить и обогатить исследовательские возможности изучения экономических процессов.

Национальная форма воспроизводственного подхода

Воспроизводственный подход имеет универсальное значение, усиливая целостное, системное представление об экономических процессах как таковых. Но вместе с тем, он способен уловить и отразить национальную специфику этих процессов. Как представляется, это особенно проявляется в следующих аспектах.

Во-первых, надо принимать во внимание уникальные условия, связанные с особенностями природно-климатического, географического (территориального) и иного характера, присущих России. Это то, что воплощается в характеристиках «цивилизации Севера», в «пространственной экономике», в социальных (в том числе в социокультурных) и других российских спецификациях. Они обуславливают определенную структуру экономики, высокую долю энергозатрат, транспортных издержек, большее значение инфляции издержек, повышенное внимание к региональным проблемам, выравниванию уровней социально-экономического развития регионов, большей значимости перераспределительных процессов и т.п. Все это не может не проявляться в отраслевой и региональной структуре национального хозяйства, в особой (более масштабной и активной) роли государственного (общественного) регулирования воспроизводственных процессов, в необходимости усиления степени их социализации.

Во-вторых, воспроизводство в России должно отражать особые геополитические условия страны, связанные с уязвимостью огромного пространственного поля, континентальностью территории, самыми протяженными в мире границами, необходимостью поддержания статуса мировой державы. Все это вызывает особое значение экономической и общей национальной безопасности страны, обеспечения ее экономического и политического суверенитета, самодостаточности по ключевым позициям, формирования особой структуры производства, включая поддержание высокого уровня и качества военно-промышленного комплекса, укрепления социальной консолидации общества и проведения социально-ориентированной политики. Нуждается в укреплении материально-техническая база суверенной экономики, способная быть фундаментом защищенности и развития страны, реализации национальных интересов. Данный ракурс воспроизводственного подхода особенно востребован в новых условиях геополитического давления на Россию и введения масштабных санкций против ее экономики, потребовавших расширения импортозамещения, проведения «новой индустриализации», освоения новых технологических укладов, понимания исходной роли именно сферы материального производства – в особенности, как часто подчеркивал В.Н. Черковец, машиностроительного комплекса и обновления основного капитала (Черковец, 2014, с. 171-172, 178-179) – в совокупности фаз воспроизводства в отечественной экономике.

В-третьих, весь комплекс указанных выше факторов, целей и интересов, характерных для России, требует формирования национальной модели воспроизводства, которая отражает как характеристики общей национальной модели российской экономики, так и особенности воспроизводственных процессов. Эта

модель вбирает в себя не только материально-технические, структурные и внешнеэкономические характеристики, но и фиксирует характер экономических отношений – прежде всего, выраженных в способе хозяйственной координации и типе социально-экономического присвоения, более конкретно – в степени и формах регулирования воспроизводственных процессов, в масштабах их социальной ориентации, в ограничениях относительно открытости национальной экономики и вовлеченности в глобализацию.

Более того, можно говорить об определенной предрасположенности самого воспроизводственного подхода к российским условиям. Это означает его зависимость не только от типа господствующей общественно-экономической системы, уровня и состояния ее развития и тем более от конъюнктурных обстоятельств и навязывания «импорта институтов», но и от глубинных характеристик самой национальной экономики и страны в целом, от характерных для них факторов, стратегических целей и интересов. Не случайно таким живучим и востребованным оказался данный подход в разные исторические эпохи общественно-экономической жизни России. Он показывает свою связь с национально ориентированным подходом, который «научно фиксирует особенности национальной экономики» (Кульков, 2023, с. 77). Понятно, что при этом он должен сопрягаться с современными процессами, проблемами и терминами.

Заключение

Таким образом, воспроизводственный подход формирует особый взгляд на экономику, во многом альтернативный мейнстриму. Он способен обогатить представление о современных экономических процессах, расширить систему координат исследования актуальных теоретических и практических проблем экономики. Возникнув на заре экономической теории, он выдержал испытание временем, несмотря на негативные оценки, особенно проявившиеся в 90-е годы прошлого века, когда страну захлестнул «рыночный фундаментализм» с его упором на обменные процессы, финансовые параметры и игнорированием структурной (промышленной) политики. Тем более, как уже было показано, имеет место предрасположенность данного подхода присущим России национальным факторам, целям и интересам, составляющим специфику страны. Нежелание считаться с этим выводом не может не приводить к отрицательным последствиям.

Воспроизводственный подход востребован в России, однако его потенциал реализуется не в полной мере. Во многом это связано с противоречивостью проводимой экономической политики, «фантомными болями» 90-х годов, боязнью упреков в индустриальной ортодоксии, продолжающимся давлением «Экономика» в сфере экономического образования. Сказывается и разрозненность усилий его сторонников, привыкших работать на своих локальных полях. Необходимо объединить эти усилия. Прежде всего это относится к представителям политэкономического, структурно-ориентированного и техноукладного направлений, о которых речь шла выше. Придется немало потрудиться, чтобы состыковать эти направления. Объединив их на первом этапе как сумму разных ракурсов воспроизводственного подхода, надо двигаться дальше, усиливая органичность возникших взаимосвязей. Так, В.Н. Черковец отмечал возможность включения проблематики межотраслевого баланса в политэкономическое поле, считая, что «проблема ме-

жотраслевого баланса, методология его теоретической разработки и объяснения его научного смысла должна занять подобающее место в ... общей экономической теории, политической экономии, макроэкономической теории, как существенный раздел теории воспроизводства и экономического роста» (Черковец, 2014, с. 239). Имеют перспективу и попытки более широкого синтеза. Одна из них связана с разработкой политэкономической модели неомарксистского синтеза, развивающей «классическую (материально-производственную) традицию с ее трактовкой как науки об экономических отношениях, возникающих в процессе воспроизводства благ, и вместе с тем вносит в него новые характеристики» (Рязанов, 2019, с. 259). Такого рода усилия, несмотря на наличие определенных отличий в позициях, являются востребованными и перспективными.

ЛИТЕРАТУРА

Бодрунов С., Десаи Р., Фриман А. По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия. СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. – 367 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформация социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18-28.

Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110-128.

Кульков В.М. Об актуализации национально ориентированного подхода в экономической теории // Вопросы политической экономии. 2023. № 3(35). С. 77-86. DOI: 10.5281/zenodo.8319999

Кульков В.М., Теняков И.М. Макроэкономика. М.: Юрайт, 2022. – 294 с.

Маркс К. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1969. – 907 с.

Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб: Алетейя, 2019. – 436 с.

Черковец В.Н. Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. М.: ТЕИС, 2005. – 373 с.

Черковец В.Н. Размышления о прошлом и настоящем. Очерки политической экономии. М.: РГ-Пресс, 2014. – 261 с.

Широв А.А. Проблемы воспроизводства в современной российской экономике // Вопросы политической экономии. 2019. № 2(18). С. 37-46.

Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. – 234 p. DOI 10.1007/978-1-4939-7419-1_1

Информация об авторе

Кульков Виктор Михайлович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: profvkm@mail.ru) (elibrary AuthorID: 630449) (ORCID: 0000-0002-35546869)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

- Bodrunov S., Desai R., Freeman A.* Beyond the global crisis: noonomics, creativity, geopolitical economy. St. Petersburg: INIR im. S.YU.Vitte, 2022. – 367 p. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskiye issledovaniya*= Sociological research. 2019;(1):18-28. (In Russ.)
- Cherkovets V.N.* Political Economy. Principles. Problems. Politics. M.: Teis, 2005. – 373 p. (In Russ.)
- Cherkovets V.N.* Reflections on the Past and Present. Essays on Political Economy. M.: RG-Press, 2014. – 261 p. (In Russ.)
- Kapeliushnikov R.I.* On current state of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy ekonomiki*. 2018;(5):110-128. (In Russ.)
- Kulkov V.M., Tenyakov I.M.* Macroeconomics. M.: Urait, 2022. – 294 p. (In Russ.)
- Kulkov V.M.* On the actualisation of a nationally-oriented approach in economic theory. *Voprosy politicheskoi ekonomii*=Problems in Political Economy. 2023;3(35):77-86. DOI: 10.5281/zenodo.8319999 (In Russ.)
- Marx K.* Capital. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 23. M.: Publishing of Political Literature. 1969:5-907. (In Russ.)
- Ryazanov V.T.* Contemporary Political Economy: Prospects for a Neo-Marxist Synthesis. St. Petersburg: Aletheia, 2019. – 436 p. (In Russ.)
- Shirov A.A.* Problems of reproduction in the modern Russian economy // *Voprosy politicheskoi ekonomii*=Problems in Political Economy. 2019;2(18):37-46. (In Russ.)
- Weizsaecker E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. – 234 p. DOI 10.1007/978-1-4939-7419-1_1

Information about the author

Viktor M. Kulkov – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
(E-mail: profvmk@mail.ru) (elibrary AuthorID: 630449) (ORCID: 0000-0002-3554-6869)

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2024; одобрена после рецензирования: 31.10.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ПОЭЗИИ

Виктор Андреевич Фролов родился в 1937 г. в Москве. На ранние годы его детства пришлось война. Он помнит, как бомбили Москву. С детства увлекался литературой, особенно поэзией. Однако ранние военные впечатления, воспоминания близких об этой поре тяжких испытаний для страны вызвали у него растущий интерес к проблемам развития общества. Демобилизовавшись после завершения службы в армии в 1960 г., Виктор Андреевич вернулся домой как раз накануне «хрущевской оттепели», когда общественная мысль страны испытала значительный подъем. Эти настроения захватили и пылкий ум юноши. Однажды он увидел в руках своего старшего брата учебник по политической экономии. Пусть эта работа страдала ограничениями, присущими идеологии того времени, но это был знаменитый в свое время первый учебник по данному предмету, подготовленный в 1954 г. под редакцией академика Островитянова К.В. Виктор Андреевич, проглотивший эту книгу, как говорится, на одном дыхании, был захвачен широкой картиной объяснения хозяйственной жизни, которая в ней предлагалась. Направление его интеллектуальных интересов определилось. Они и привели его на экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, который он блестяще закончил в 1967 г. Глубокий след от подробного знакомства с наследием классиков политической экономии остался на всю последующую жизнь. Он был единственным в своем курсе студентом-вечерником, которого с удовольствием взяли в аспирантуру. Виктор Андреевич стал аспирантом Н.А. Цаголова, возглавлявшего кафедру политической экономии экономического факультета МГУ. Он создал коллектив, открывавший новые пути в развитии политической экономии, ее методологии и системы понятий. Здесь Виктор Андреевич и остался работать на всю жизнь. Ему довелось общаться с крупнейшими умами этой дисциплины – Н.А. Цаголовым, В.Н. Черковцом, Н.В. Хессиным, Е.С. Городецким, Э.П. Дунаевым и другими, сделать вклад в оживленные дискуссии, в создание университетского курса политической экономии, в разработку проблем воспроизводства в советской экономике, преподавать любимый предмет студентам. Это была яркая, интеллектуально насыщенная, волнующая пора. Она вызывала много эмоций, которые просились на бумагу. Так Виктор Андреевич и начал писать стихи. Некоторые из них предлагаются ниже вниманию читателя.

Дзарасов Руслан Солтанович
доктор экономических наук, профессор

Фролов Виктор Андреевич

Политэкономия

Об истинах науки этой
Мошенники советуют забыть.
Но не дано компании отпетых
Вращение Земли остановить.

Озлобленность, стяжательство, корысть –
Идут иные с этим век, сгибаясь.
Всегда они за золото дрались,
Победами взаимно восхищаясь.

Наука наша в злые времена
Для всех отступников – обуза.
Сдирает «кожу» с них она,
За что и гнать ее хотят из ВУЗа.

Ноябрь 2001 г.

Фролов Виктор Андреевич

В.Н. Черковцу

Экономические скрепы бытия,
Законы жизни бедных и богатых –
Вот вечные вопросы для тебя,
С которыми повенчан навсегда ты.

На лекциях и мудрых семинарах
Научным почитался Ты Отцом.
И потому-то в разных мемуарах
Встречаться будут люди с Черковцом....

Ноябрь 2011 г.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 330.85

DOI: 10.5281/zenodo.14509400 <https://zenodo.org/record/14509400>

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НТП: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Толкачев Сергей Александрович¹

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, (satolkachev@fa.ru), (ORCID: 0000-0003-3766-2246)

Удалов Иван Дмитриевич²

Аспирант кафедры экономической теории, стажер-исследователь Института глобальных исследований Факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, (china.2012@mail.ru), (0000-0001-7924-9092)

Ключевые слова: *Научно-технический прогресс, научно-техническая революция, промышленная революция, марксизм, СССР*

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета 2024 года.

Для цитирования: Толкачев С.А., Удалов И.Д. Политико-экономические проблемы НТП: советский опыт и современность // Вопросы политической экономии. 2024. № 4(40). С. 63-84.

POLITICO-ECONOMIC PROBLEMS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS: SOVIET EXPERIENCE AND PRESENT DAY

Sergey A. Tolkachev

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, (satolkachev@fa.ru), (ORCID: 0000-0003-3766-2246)

Ivan D. Udalov

Ivan D. Udalov – postgraduate student of the Department of Economic Theory, research intern at the Institute of Global Studies of the Faculty of International Economic Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, (china.2012@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7924-9092)

Keywords: *Scientific and technological progress, scientific and technological revolution, industrial revolution, Marxism, the USSR*

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Finuniversity 2024.

¹ © Толкачев С.А., 2024

² © Удалов И.Д., 2024

For citation: Tolkachev S.A., Udalov I.D. Politico-economic problems of scientific and technical progress: Soviet experience and present day. Problems in Political Economy. 2024;4(40):63-84.

Введение

Политико-экономические аспекты теории научно-технического прогресса (НТП) в современной литературе практически отсутствуют. Они заменены вопросами перехода к новому (шестому) технологическому укладу, новой промышленной революции, наконец, проблемами перехода к низко-углеродной экономике, которая должна спасти человечество от неминуемого экологического коллапса. Фактически, концепция устойчивого развития (Арутюнов, 2021), Целей устойчивого развития (Бобылев, Соловьева, 2017), сегодня, спустя 50 лет после выхода знаменитого доклада «Пределы роста» (Ерофеев, 2007), воплощает тот «светлый» образ будущего, который на протяжении почти всего двадцатого века представлялся в совершенно иных прогрессивных и безоблачных ипостасях.

Теория НТП при социализме была неразрывно связана с классовым оттенком политэкономии советского периода. Разрушение советской модели социализма не могло не отринуть и основные положения места и роли НТП в «новой» рыночной России.

Перед непосредственным рассмотрением теории НТП следует определить основополагающие понятия работы. Для этого будут рассмотрены определения терминов «научно-техническая революция», «научно-технический прогресс» и приближенных к ним по смыслу, взятых из разных изданий Большой Советской энциклопедии (БСЭ).

Названные основные термины впервые фигурируют в третьем издании БСЭ³, изданного в позднесоветский период.

Научно-технический прогресс – это единое, взаимообусловленное, поступательное развитие науки и техники. В БСЭ обозначается его разделение на три этапа, критерии и характеристики которых не указываются. Вместе тем не обозначается процесс перехода между этапами.

Данное движение рассматривается как единство научного и технического развития, которые до определенного момента истории были относительно самостоятельными потоками человеческой деятельности.

В целом данное определение НТП соотносится с определением «прогресса в обществе», приведенного во втором издании БСЭ. Более любопытная ситуация отмечается с дефиницией сопутствующего термина.

Научно-техническая революция – это коренное, качественное преобразование производительных сил на основе превращения науки в ведущий фактор развития общественного производства⁴.

В энциклопедии отмечено, что по своей сути научно-техническая революция является длительным процессом, которому предшествует долгий процесс накопления качественных предпосылок. При этом ее начало датируется периодом начала 1950-х годов, когда, по мнению авторов статьи, удельный вес качественных характеристик накопился в достаточной степени.

³ Научно-техническая революция. Большая советская энциклопедия в 30-ти т. Т. 17. Моршин – Никиш / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1974. – 616 с.

⁴ Там же.

Здесь же приводится и тезис В.И. Ленина о том, что за каждым коренным техническим переворотом «...неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства...» (Ленин, 1971, с. 455). Тем самым, НТР представляется взаимоувязанным со сменой общественно-экономических формаций явлением, влекущем всеобъемлющее переустройство экономики и общества.

Отдельно БСЭ обособляет НТР от других исторических примеров комплексного и коренного переустройства национальных хозяйств (в XVIII и XIX–XX вв.), говоря о том, что изменения, происходящие в позднем СССР, носят принципиально иной характер.

Несмотря на то, что приведенное определение НТР третьего издания БСЭ полностью соотносится с определением «революции» из того же издания, оно имеет расхождения с трактовками, приведенными в первом и втором изданиях БСЭ. Помимо вышеуказанных характерных черт перехода от низшей к высшей ступени развития, определения более раннего периода обозначают революцию как «*резкий, скачкообразный переход*»⁵. Как мы покажем далее, изменения в трактовке имели политические причины.

Основы марксистской концепции научно-технического прогресса

К. Маркс рассматривал вопрос научно-технологического развития общества во взаимосвязи с другими социально-экономическими процессами, в особенности с накоплением капитала. Экономический базис влияет непосредственно на скорость научно-технического развития общества и определяет его ключевые направления. Кроме того, при переходе к капитализму темпы НТП ускоряются. Этому способствует усиление концентрации капитала: «По мере концентрации орудий развивается также разделение труда, и *vice versa*. Вот почему за каждым крупным механическим изобретением следует усиление разделения труда, а усиление этого разделения ведет, в свою очередь, к новым изобретениям в механике» (Ленин и др., 1934, с. 113).

Потребность в совершенствовании производств при капитализме продиктована стремлением капитала повысить величину прибавочной стоимости (относительной и абсолютной). В основе первой лежит снижение необходимого рабочего времени за счет инноваций и внедрения более современных средств производства и методов организации труда. Максимизация абсолютной прибавочной стоимости обеспечивается за счет увеличения числа занятых в производстве людей и продолжительности рабочего времени.

На определенном этапе увеличивать штат рабочих становится затруднительнее и затратнее, а рабочие борются за сокращение рабочего дня, поэтому капиталисты прибегают к интенсивным методам повышения производительности труда. В период жизни Маркса НТП был сконцентрирован, преимущественно, вокруг одного направления: *автоматизации ручного труда, т.е. освобождению производства от ручного труда*. На данном этапе (XIX век – начало XX века) это направление выражалось преимущественно во внедрении в производственный процесс сложных машин, служащих орудием труда человека, то есть в *механизации труда*: «Рабочая машина – это такой механизм, который, получив соответственное движение, со-

⁵ Революция. Большая советская энциклопедия. В 51 т. Т. 36. Раковник – «Ромэн» / Гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Советская энциклопедия, 1955. С. 185.

вершает своими орудиями те самые операции, которые раньше совершал рабочий подобными же орудиями. Исходит ли движущая сила от человека или же, в свою очередь, от машины – это ничего не изменяет в существе дела. После того как собственно орудие перешло от человека к механизму, машина заступает место простого орудия» (Маркс, 1969, с. 385). *Механизация не вытесняет человека из производственного процесса, однако разительно повышает производительность его труда и уменьшает общие физические усилия на производство отдельной единицы товара*⁶. Наряду с механизацией труда автоматизация включала в себя и другие составляющие, как, например, выработку и внедрение новых методов организации производства. Они рассматривались в комплексе с механизацией и были от нее зависимы.

Помимо вышесказанного К. Маркс и Ф. Энгельс выявили другие базовые закономерности НТП:

– прогресс способствует уничтожению антагонизма между городом и деревней, а также освобождает промышленность от местных (и национальных) границ (Ленин и др., 1934, с. 165); (Маркс, Энгельс, 1950);

– в производстве задействуется больший объем отходов производства (впрочем, данная закономерность базируется по большей части на государственных расходах, финансируемых за счет изъятой государством прибавочной стоимости⁷, так как капитал крайне расточителен в их использовании) (Ленин и др., 1934, с. 238);

– наука становится непосредственной производительной силой⁸.

В неопубликованных рукописях К. Маркса содержатся положения о том, что наука превратилась в производительную силу в ходе развития самих производительных сил, а затем стала подчинять его себе через реальные органы «общественной практики», а не только в форме знания⁹.

Советский ученый Ротницкий отмечал по этому поводу, что наука рассматривалась как особая форма общественного сознания, форма общественного разделения труда и с точки зрения практического применения ее результатов. Научное знание в процессе накопления опыта практической деятельности усилило свою взаимосвязь с производственным процессом настолько, что теперь он не может обходиться без регулярного обмена информацией с научной сферой (Ротницкий, 1970).

К. Маркс считал, что капиталистический способ производства способствует отделению научного развития от интересов рабочих и подчинению его интересам капитала (Ленин и др., 1934, с. 93). Возникающий здесь антагонизм усугубляется возникающим параллельно противостоянием ручного и умственного труда (Там же, с. 115) и разделением труда между городом и деревней. Данный антагонизм, как пишет К. Маркс, ведет не только к сильной фрагментации общества, но и сни-

⁶ Облегчение труда рабочего на производство одной единицы товара при капитализме не означает общее облегчение участи трудящегося. Прежняя продолжительность рабочего дня, соединенная с общим монотонным трудом, оказывают не меньший удручающий эффект на рабочего. Считалось, что облегчение положения рабочего наступает в результате классовой борьбы, а окончательно – при смене капитализма на более прогрессивный общественно-экономический строй.

⁷ Имеется в виду изъятая посредством налогов у капиталистов часть прибавочной стоимости или за счет труда наемных рабочих на государственных предприятиях.

⁸ Из неопубликованных рукописей К. Маркса // Большевик. 1939. № 11-12 с. 63.

⁹ Там же.

жает общие умственные способности у слоев общества, отделенных от умственного труда, т.н. профессиональный идиотизм. Возникает и проблема отчуждения труда. Научно-технический прогресс в данном случае используется крупными собственниками в качестве инструмента борьбы с пролетариатом, обостряя антагонистические отношения между двумя классами. Машины позволяют уменьшить штат рабочих, и вводятся зачастую после крупных забастовок (К. Маркс в «Капитале» отмечает, что с 1830 года многие изобретения возникают под влиянием стачек и борьбы рабочих за свои права) (Маркс, 1969, с. 445). Более того, оставшиеся на производстве рабочие сталкиваются с падением собственной квалификации, так как обращение с машиной требует меньшего количества навыков, а также повышает число случаев производственного травматизма. Борьба рабочих против технического прогресса, названная в общем дискурсе «луддизмом», выступает как форма классовой борьбы, возникшей из-за неспособности рабочих отделить капитал от средства труда (Ленин и др., 1934, с. 152).

В качестве силы, способствующей частичному уничтожению названных выше противоречий, Энгельс, заставший начало эпохи Второй промышленной революции в виде массового применения электричества, называл электротехнические средства труда (Там же, с. 165).

Несмотря на то, что капиталистическая система воспроизводит старое разделение труда и использует техническое развитие с целью подавления интересов рабочих, К. Маркс отмечает, что технический базис крупной промышленности по своему характеру – революционен (Там же, с. 154).

Позицию К. Маркса дополнил *В.И. Ленин*. Его вклад в теорию научно-технического прогресса можно выразить в следующих тезисах:

– движущей силой технического прогресса является противоречие между текущим уровнем/состоянием развития технической базы производства и растущими потребностями общества (Мелешенко, 1969)¹⁰;

– неотъемлемой составляющей производственного процесса является его стремление к непрерывности¹¹;

– главным критерием оценки степени технологичности оборудования следует считать производительность труда, а также эффективность работы механизмов¹².

Существует противоречие внутри капитализма, заключающееся в том, что общественный строй порождает инновации, но в то же время и всячески тормозит их появление. В итоге побеждает одна из этих тенденций, оказывая влияние на весь общественный уклад. Технологически развитые капиталистические нации способствуют замедлению прогресса в развивающихся странах не только потому, что не заинтересованы в появлении конкурентов, но и из-за того, что появление инноваций в данных странах может спровоцировать рост потребности в последующем технологическом развитии в самих технологических гигантах. Возникновение развитых технологий в отстающих странах может вызвать необходимость модернизации оборудования в странах-потребителях их продукции. Это, в свою очередь,

¹⁰ В материальном производстве данное противоречие разрешается за счет выполнения социального заказа на изготовление продуктов.

¹¹ Последующие технологии постепенно уменьшают величину простоев и снижают риски непредвиденных остановок производства.

¹² При этом цену нового оборудования учитывать не нужно было. Это вело к тому, что станок, производящий в 2 раза больше, но стоящий в 3 раза дороже, считался в 2 раза более технологичным.

будет сопровождаться возникновением дополнительных издержек. Кроме того, инновация или изобретение, возникшее в развивающихся странах, могут быть востребованы в развитых странах, что создает предпосылки к реструктуризации экономики в сторону менее рентабельных и более технологических отраслей. Это, в свою очередь, аналогично увеличивает издержки в краткосрочном периоде.

Приведенные выше положения, впоследствии стали базой для формирования представлений советских ученых об НТП. С одной стороны, основы марксистского понимания сформировали излишнюю убежденность в сдерживающем воздействии капитализма на НТП и обязательно благотворном влиянии социализма на него. С другой стороны, как будет показано далее, вопросы политико-экономического осмысления проблем управления НТП существенно запоздали по сравнению с реальным усложнением производительных сил, формирующихся под воздействием НТП.

Советский «научно-практический» период развития марксистской теории НТП (ранний советский период)

Главнейшей задачей молодого Советского правительства стало формирование материально-технической базы социализма, включавшее автоматизацию производств, развитие обрабатывающей промышленности для целей индустриализации и электрификацию – последняя подразумевала не просто создание отдельных электростанций, а перевод всей экономики на качественно новую техническую базу (Ленин и др., 1934, с. 505). Другими словами, речь шла о форсировании научно-технологической революции в СССР. Осуществляться же она должна была исключительно собственными силами без эксплуатации других стран и народов: «...советская власть, опираясь на внутренние силы и источники, на национализацию промышленности и банков, без какой-либо помощи извне, начала дело индустриализации страны с разрывания тяжелой индустрии...» (Журавлев, Лазарева, 2017).

На раннем этапе существования СССР все теоретические наработки в области НТП решали сугубо практические задачи по созданию комплексной экономической модели для скорейшего перехода к социализму. В 1929 году И.В. Сталин провозгласил это в рамках речи на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б): «Нам нужен не всякий рост производительности народного труда. Нам нужен определенный рост производительности народного труда, а именно – такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим» (Сталин, 1949, с. 1-107).

К разработке же собственно теоретических положений НТП вернулись только в 1947 году при обсуждении проекта новой программы ВКП(б). Над основными положениями работали четыре группы, разделенные по решению руководства общей рабочей группы во главе с А.А. Ждановым: 2 основных и 2 вспомогательных (Симонов, 2017). Именно в проектах основных групп содержатся теоретические положения относительно НТП. В наработках вспомогательных групп упоминания научно-технического прогресса приведены в небольшом количестве, смысл которых в целом соответствует наработкам основных групп. В рамках дискуссии Г.Ф. Александров, К.В. Островитянов и П.Н. Федосеев констатировали, что материально-техническая база социализма в основном построена, что, по их мнению, позволяет перейти к созиданию материально-технической базы коммунизма

(Журавлев, Лазарева, 2017). Октябрьская революция обозначается ими стартовой точкой научно-технической революции, чье окончание связывалось с решением основных задач индустриализации и коллективизации. Следующий технологический рывок, по мнению группы ученых, должен быть реализован за следующие 20 лет. В их понимании он должен был включать в себя ряд равнозначных технологических направлений: полную электрификацию страны, полную газификацию, полную автоматизацию ручного труда в промышленности и полную механизацию сельского хозяйства. Помимо этого, в рамках данного рывка предполагалось форсировать развитие энергетической отрасли, связи, транспорта. Фактически речь шла о том, что в СССР окончилась научно-техническая революция и необходимо было форсировать формирование нового качественного перехода в экономическом и технологическом аспектах.

Аналогичные мнения высказывались в группе *П.Н. Поспелова, М.Т. Иовчука, Д.Т. Шепилова*. Участники группы акцентировали внимание на создании автоматических систем машин на электрической основе, считая данную составляющую технического развития непосредственной основой материальной базы коммунизма. Это обосновывалось перспективой стремительного роста производительного труда, который позволит быстро «догнать и перегнать» капиталистические страны по уровню экономического развития.

В ходе обсуждения проекта Программы ВКП(б) Д.Т. Шепилов отмечал, что внедрение автоматических систем машин является прямым продолжением политики электрификации, так как увеличение доступности электроэнергии позволяет внедрять новейшие технологические решения в более широком масштабе (Журавлев, Лазарева, 2017). Следствием же должно было стать постепенное устранение различий между квалифицированным и неквалифицированным трудом рабочих.

По итогам дискуссии переработанная Программа ВКП(б) содержала в себе общее описание последующих этапов НТП в формулировке Д.Т. Шепилова, которая, аналогично выступлению И.В. Сталина в 1929 году, содержала положения о самостоятельном осуществлении НТП при социализме без эксплуатации других стран и какой-либо помощи со стороны других стран.

Обсуждение, помимо прочего, включало разработку вопроса о роли человека в рамках НТП. Участниками декларировалось, что автоматизация и механизация сократит противоречие между городом и деревней, позволит человеку освободиться от рутинного труда в пользу творческого.

Всесоюзная экономическая дискуссия 1951 года, происходившая в рамках создания учебника по политической экономии¹³, отчасти содержала обсуждение вопросов НТП.

Так, *Т.С. Хачатуров* выделил несколько ключевых черт НТР, происходившей в СССР в период правления И.В. Сталина (Журавлев, Лазарева, 2017):

- Развитие СССР в период индустриализации и коллективизации представляло по своему масштабу комплексный научно-технический переворот, во многом превосходящий промышленную революцию XVII–XVIII веков;
- НТР охватила не только СССР, но и социалистические страны (Китай, Польшу, Румынию, Венгрию и другие страны народной демократии);

¹³ Учебник политической экономии, вышедший в 1954 году под редакцией К.В. Островитянова.

- Ключевыми направлениями НТР в довоенный период были механизация (автоматизация), электрификация и химизация;
- В настоящее время НТП должен двигаться по направлению совершенствования существующей технологической базы, а также развивать транспорт, атомную энергетику и технологии связи.

Приведенные выше теоретические наработки отчасти легли в основу последующих научных изысканий советских ученых. Можно отметить, что на данном этапе исследователям был присущ определенный *технократический оптимизм*, не оставлявший места вопросу о возможном спаде темпов развития. С осмыслением этого столкнулись последующие поколения советских ученых, которым пришлось частично пересмотреть основы теории НТП.

НТП и промышленные революции в интерпретации советских политэкономов (позднесоветский период)

В 1960-е годы после XXII Съезда КПСС наметились попытки систематизировать итоги НТР в СССР, а также вновь выявить закономерности его протекания на этапе развернутого строительства коммунизма. Как пишет Г.А. Маслов, главными теоретическими положениями являлись утверждения об автоматизации как движущей силе НТР и НТП и утверждение о доминирующей роли крупного промышленного производства в технологическом развитии (Maslov, 2022).

Данные положения, хотя и были преемственными по отношению к тезисам дискуссий 1940–1950-х годов, не учитывали вероятность возникновения принципиально новых технологий, оставаясь проекцией в будущее сложившихся на тот момент трендов развития. Это способствовало превращению теории в догму для последующих поколений советских ученых, что впоследствии критиковалось новым поколением исследователей НТП, возвратившихся к методологии длинных циклов конъюнктуры, примыкающей к периодизации промышленных революций (Львов, Глазьев, 1989).

В советской политэкономии в 1960-е годы были сформированы основные характерные черты прогресса (Maslov, 2022), а также сформировалось ключевое противоречие: отрицание связи НТР в СССР с первой и второй промышленными революциями (Гатовский, 1968).

Как указывает Г.А. Маслов, данное решение было принято с целью обособления идеи социализма от капитализма, при попытке теоретически связать смену формаций со сменой технологических укладов. Пытаясь выявить закономерности научно-технического прогресса в СССР, принимая за начальную точку отсчета Октябрьскую революцию, исследователи сталкивались с проблемой выделения закономерностей развития. Здесь же виден отход от позиций специалистов прошлого этапа: последующее поколение ученых предпочло сместить акценты с диалектической связи Первой промышленной революции и советской НТР в сторону их четкого разделения. Фактически признавая их нахождение на стыке формаций, исследователи не пытались выявить на основе этого закономерности развития. *Внимание сместилось на политическую констатацию различий социалистического и капиталистического строя.*

Относительно небольшой период существования социализма, влияние наработки 40-х и 50-х годов, согласно которым последующая научно-техническая ре-

волюция должна непременно вести к установлению коммунизма, вынуждали исследователей идти на ухищрения, чтобы оставаться в рамках установленной парадигмы. Так, провозглашение «развитого социализма» и отход от лозунга «коммунизма к 1980-му году» вынудили ученых рассматривать НТР как продолжительный процесс, отличающийся от НТП тем, что в период революции процесс внедрения технологических новшеств ускоряется. Временные рамки, как и само понятие скорости прогресса, оставались достаточно расплывчатыми категориями.

Для обхода тех же ограничений экономистам приходилось, в том числе, фокусироваться на исследовании конкретных технологий в рамках НТР, происходящей в СССР, стараясь выделить закономерности развития каждой из них. В работах *Ю.С. Мелешенко* и *С.В. Шухардина* отмечается, что проводимые в СССР исследования, направленные на выявление закономерностей НТП, не приносят каких-либо весомых результатов (Мелешенко, Шухардин, 1969).

Сложная ситуация в теории НТП накладывала определенный отпечаток и на практику, что отмечалось *Л.М. Гатовским* (Гатовский, 1965). Так, в практической среде в рамках планирования НТП присутствовала «уровниловка»: мероприятия по внедрению техники обобщались в одну количественную категорию вне зависимости от их внутренней специфики и масштабов. Кроме того, отсутствовали четкие показатели НТП, а сами формулировки относительно него были расплывчатыми. Это создавало почву для субъективизма в оценке результатов НТП и перспектив его планирования.

Пытаясь выделить закономерности в имеющемся сравнительно небольшом опыте научно-технического развития отдельной страны в отрыве от общемировых трендов развития, советские ученые дробили процесс автоматизации производства на части, пытались привязывать этапы НТР к конкретным решениям Съездов КПСС или пытались объяснить замедление темпов технологического роста тем, что НТП является разновидностью НТР, ключевым различием которых является скорость возникновения инноваций.

Наглядно расплывчатость в обозначении временных рамок НТР прослеживалась в работах того же *Л.М. Гатовского*. Так, в 1971 году он писал о продолжающейся в последние десятилетия научно-технической революции, начавшейся в середине 20-го века (Гатовский, 1971). Тем самым возникает логический вопрос о том, являлась ли НТР начала 20-го века кардинальным изменением производственной базы, а не ускоряющим научно-техническое развитие явлением?

Л.М. Гатовский последовательно отстаивал позицию связи НТР со сменой формационного строя, одновременно с этим продолжая отстаивать принцип разного характера капиталистической НТР XVII–XVIII вв. и Советской НТР. Так, фундаментальной технологией, поспособствовавшей переходу от феодализма к капитализму, он называл паровой двигатель, что привело к постепенному вытеснению ручного труда, а средством перехода к коммунизму он называл технологии ЭВМ, которые, по его мнению, должны будут привести к автоматизации рутинных функций умственного труда и управления экономикой (Гатовский, 1971). Вместе с тем в его работах не рассмотрен этап перехода от капитализма к социализму, что свидетельствует о частично фрагментарном подходе к исследованию.

Известный философ того времени *Б.М. Кедров* также уделил внимание экономическим проблемам НТП в связи с промышленными революциями.

Он связал все происходившие в мире научно-технические революции в одну последовательность, не делая оговорки о разных законах протекания НТП при капитализме и социализме. Предметом его исследований было прежде всего соотношение развития теоретической науки и практической деятельности в области технических решений. Так, им была разработана концепция технологических этапов развития общества (Кедров, 1968)¹⁴:

1. XVII–XVIII века – Первая промышленная революция – наука отстает от технического развития и, в основном, служит для теоретического объяснения работы технических устройств. Лидирующая роль в естествознании – небесная механика и математика.

2. XIX век – Вторая промышленная революция – наука и техника идут поровну, производственно-технические решения на практике совершенствуются наукой. Лидирующая роль в естествознании – физика, химия и биология.

3. Первая половина XX века – Третья промышленная революция – наука становится источником идей для технического прогресса. Теоретические наработки опережают практическую реализацию. Лидирующая роль в естествознании – физика (ядерная).

4. Вторая половина XX века – Четвертая промышленная революция – Наука находится далеко впереди технического развития. Лидирующая роль в естествознании – физика, биология, химия, математика и кибернетика.

Отдельно исследователь отмечает, что прогностическая функция науки начинает возникать лишь на третьем этапе, а тенденция к ускорению НТП начинает проявляться на четвертом.

Исследования Б.М. Кедрова по своей сути соответствуют тезисам, которые высказывали К. Маркс и В.И. Ленин. В частности, Маркс писал о том, что научная деятельность родилась из практики. Так, ряд практических инженерных решений, например, ветряная мельница, стала отправной точкой для разработки ряда научных теорий, среди которых, к примеру, теория трения. Разработка часов привела к рождению теории автоматов и теории равномерных движений (Ленин и др., 1934). В начале XX века В.И. Ленин писал о глубоком единении научного и технического развития, то есть фактически речь шла о формировании единого научно-технического прогресса (Ленин и др., 1934).

По мере ускорения развития теоретической науки, революции в естествознании и технике объединяются в НТР, закрепляя непрерывность взаимопревращения идеального в материальное. То есть идеи, которые рождала наука, перестали объяснять уже свершившиеся технические решения и нововведения. Вместо этого теоретические концепции ложились в основу технологического развития (превращение идеального в материальное), а практический опыт использования результатов в виде обратной связи отражался в теории и влиял на ее изменения (превращение материального в идеальное) (Кедров, 1985).

Большинство исследований советских ученых по вопросу закономерностей развития научно-технического прогресса были рассмотрены и проанализированы Г.Д. Данилиным (Данилин, 1987), составившим научно-аналитический обзор по разработанным в период 1960–1980-х годов теориям НТП. Среди основных недо-

¹⁴ Представленная здесь схема содержит указания промышленных революций в современном понимании для наглядности. Сам Б.М. Кедров называл лишь временные периоды.

статков последних выделялось отсутствие четких критериев перехода от одного этапа НТП к другому, размытость временных рамок и произвольность выбора технологий при характеристике каждого из этапов научно-технологического развития. Работа ученого фактически наглядно отражает кризис теории НТП, который происходил в период «застоя».

Тем не менее, одна из концепций, предложенная *Ю.В. Яковцом*, имеет прогрессивные идеи, хотя, как указывал *Г.Д. Данилин*, не содержала обоснования выбора доминирующих технологий для характеристики конкретных этапов НТП (*Яковец, 1984*).

Ученый, принимая за основу жизненный цикл товара, определяет сущность процесса жизни любой технологии и НТП в целом. Данная концепция аналогична подходу к определению перехода общества из одной формации к другой, когда внутри развитого этапа формируются предпосылки к наступлению нового, стоящего качественно выше существующего.

В целом исследования на позднесоветском этапе имели двойственный характер. С другой стороны требования к НТП, поставленные на предыдущем этапе, были невыполнимы и это привело к тому, что примерные рамки НТР, этапы НТП, а также внедрение конкретных технологических решений стали растянутыми и неопределенными. А неопределенность сроков перехода к коммунизму и попытки теоретически обособиться от капитализма привели к размыванию понятия НТП и НТР: НТР стала пониматься как этап НТП, при котором развитие ускоряется. Положительным промежуточным итогом можно назвать то, что был определен диалектический характер прогресса, его двойственность. Объективное развитие науки и техники переплетено с общественной жизнью.

После распада СССР теоретическое развитие марксистской концепции НТП застопорилось и в настоящее время пребывает на этапе наработок прежних периодов. Ситуация еще более запутывается «примыканием» некоторых современных исследований марксистского толка к немарксистским теориям. С одной стороны, это позволяет марксистам перенимать весомые и не лишённые смысла концепции, а с другой – ставит их в подчинение сформировавшемуся нарративу, которые отрицают роль общественных отношений в рамках НТП, а также взаимосвязь с формационным подходом. Ситуация усугубляется еще и тем, что теоретики ряда немарксистских концепций открыто провозглашают себя «преемниками» Маркса или его последователями. Примером может являться *Д. Белл*, разработавший теорию «постиндустриального общества». Вопреки его заявлениям о том, что созданная им концепция основана в том числе на изысканиях Карла Маркса, в Советском Союзе она подвергалась критике за исключение субъектности человека в рамках научно-технического прогресса. Данная позиция была названа *техницизмом* (*Вольфсон, 1975*). Стремясь выявить закономерности развития общества, Белл исключает возможность воздействия онога на процесс собственного развития, сводя его к заранее определенному алгоритму. Это, как можно увидеть из вышеизложенного, идет вразрез с марксистской теорией, утверждающей диалектическую взаимосвязь объективного и субъективного в рамках НТП.

Одной из высших ступеней развития техницизма является теория о технологической сингулярности, ситуации, когда человечество не сможет оказывать какое-либо воздействие на развитие технологий (прежде всего, основанных на искусствен-

ном интеллекте). Сама концепция базируется на исследованиях *В.И. Вернадского* (Вернадский, 1997) об ускорении научного прогресса за счет роста объема знаний, произведенного прошлыми поколениями. Исчезновение человечества как вида является противоречивым утверждением, так как по сути оно лишает общество статуса субъекта общественного развития. Рождение всепоглощающего ИИ в данном случае рассматривается как объективный факт, не зависящий от воли общества.

На самом деле, ИИ, в сущности, является объективным отражением закономерностей НТП. Его изобретение будет обусловлено возникшими потребностями общества, например, для решения проблемы информационного барьера по *В.М. Глушкову* (Глушков, 1987).

Существует и полностью противоположная техницизму позиция, которая, наоборот, утверждает ведущую роль в определении НТП за обществом. В работе *А.А. Зворыкина* (Зворыкин, 1967) приводится мнение, что научно-техническая революция является разновидностью научно-технического прогресса, направления которого определяются потребностями конкретного общества. Воздействие же научных знаний на производство случайно. Данная позиция содержит несколько противоречий. Так, НТР и НТП рассматриваются как равноценные явления, при этом автор не приводит обоснования этому. Кроме того, не учитываются факторы объективной необходимости человека в защите от сил природы или совершенствования технологий для повышения их эффективности.

НТП и непосредственно общественный характер производства

Какие же политэкономические проблемы НТП исчезли из спектра экономических исследований вместе с крушением политической экономии социализма? Прежде всего, это проблемы непосредственно общественного характера труда и продукта труда, создаваемого в данной сфере. Советский социализм теоретически постулировал рост обобществления производства по мере приближения к коммунизму. Труд при социализме становится все более непосредственно общественным (не требующим опосредованного признания результатов труда в виде рынка), а труд в сфере науки является лидером в этом плане, поскольку НТП отражает осознанную, планомерную, целесообразную и коллективную деятельность людей, направленную на достижение опережающих и долгосрочных целей строительства нового общества. В отличие от сферы сохранявшихся при социализме рыночных отношений, связанных с обеспечением текущих потребностей населения, сфера науки и технологий рассматривалась как олицетворение планомерности и непосредственно общественного характера труда.

Увы, хозяйственная практика СССР отличалась от политэкономических установок. Огромный научно-технологический сектор советской экономики – академическая, отраслевая и вузовская наука – существовал по принципам организационной обособленности и закрытости. Пресловутая инновационная невосприимчивость гражданских отраслей промышленности, закрытость оборонных отраслей и отсутствие технологических спин-оф в пользу гражданского сектора, бюрократизация планирования НТП и другие недостатки советской плановой системы были объявлены главными причинами провала всей социалистической системы хозяйства, а главным рецептом преодоления ее недостатков был назван переход к рынку, т.е.

коммерциализация научно-технических разработок, приватизация объектов науки, отказ от планирования и пр.

На политэкономическом уровне это означало отказ от непосредственно общественного характера труда в сфере науки. Результаты этих реформ печально известны. Беспрецедентная деградация научно-технической сферы, утрата целых технологических направлений и отраслей в рыночной России. Этот закономерный результат лишней раз доказал простую политэкономическую мудрость: чем более долгосрочными и общественными являются цели той или иной целесообразной деятельности людей, тем менее она должна строиться на рыночных принципах и формах, тем более значима роль плановых механизмов и общественного финансирования.

Возврат «хозяйственной практики» новой России к фундаментальным положениям законов политэкономии в сфере НТП стал проявляться с 2008 года в виде массового формирования государственных компаний, в том числе в сфере высоких технологий («Ростехнологии»), что стало признанием необходимости повышения уровня обобществления производства (устранения неэффективных и паразитических рыночных звеньев в этих сферах) для сохранения остатков советского технологического наследия.

Политико-экономическим отзвуком указанной проблемы непосредственно общественного труда в современных условиях является спектр вопросов, изучаемых в рамках теорий креативной экономики и творческого труда, точнее, ее интерпретация авторами российской школы критического марксизма во главе с А.В. Бузгалиным (Бузгалин, 2017; 2018); (Степанова, 2020). Они исходят из того, что творческая деятельность в креативных сферах (учителей, врачей, деятелей искусства, инженеров, ученых, социальных работников, экологов и пр.) становится массовой, и это создает предпосылки для новых общественных отношений, отрицающих господство частной собственности на привычные всем объекты, включая объекты интеллектуальной собственности.

Применяя теорию креативного труда к сфере НТП, нужно, безусловно, согласиться с тем, что труд ученых обладает самыми креативными (творческими) качествами. Создаваемый в ходе научного творчества продукт (результат труда) носит характер максимально полезного продукта именно для общественного потребления. Открытие пенициллина означало резкий скачок вперед в сбережении всего человечества. Но не стоит забывать, что существующие возможности монополизировать результаты творческого труда (интеллектуальная частная собственность – ИЧС) позволяют получать сверхприбыли ее временным собственникам. Высокий уровень прибыльности таких проектов выдается за эффективность пресловутых рыночных механизмов, т.е. эффективность индивидуалистических стимулов к труду в сфере НТП. Но, на самом деле, высокие доходы от ИЧС в сфере НТП обусловлены организацией временного монопольного доступа немногих, наиболее богатых слоев общества, к продукту непосредственно общественного назначения (чистому общественному благу в терминах неоклассической школы). Приватизация результатов НТП за счет ИЧС – это организация закрытого аукциона во времени с предоставлением доступа к благу вначале самым богатым гражданам. На языке микроэкономики – это совершенная ценовая дискриминация, когда каждый покупатель приобретает продукт по максимально позволительной для него цене. Между про-

чим, в этом плане ИЧС противоречит базовым основам рыночной экономики, ратующей за совершенную конкуренцию и отрицающую монопольную власть.

Однако сторонники теорий креатосферы прекрасно показали, что неуклонный рост сфер творческого характера труда, будучи отражением закономерностей НТП, не может сопровождаться сохранением ИЧС. Последние, так или иначе, выступая превращенной формой обобществленных производительных сил, обеспечивают временное пользование результатами интеллектуального труда владельцам капитала, который благодаря финансовой форме может концентрироваться в индивидуальных руках. Но по своей природе результаты интеллектуального творческого труда являются продуктом непосредственно общественного характера труда. В современной хозяйственной практике данная глубокая закономерность пробивает себе дорогу в виде широкого распространения результатов НТП, особенно фундаментальных исследований, в виде дискуссий и призывов¹⁵ (Kianzad, Wested, 2021), отменить патенты как форму ИЧС.

Политико-экономические проблемы управления НТП

Еще одна важнейшая политэкономическая проблема НТП, которой занимались советские ученые, не нашедшая продолжения в нынешнем научном дискурсе – это поиск эффективной модели управления НТП, адекватной достигнутому уровню обобществления производства. К концу советского периода постепенно сложилось представление о том, что управление является неотъемлемым элементом системы производственных отношений, т.е. входит в объект экономической науки не как конкретно-функциональная дисциплина, а как необходимый элемент политэкономического анализа. Основу для такого понимания управления заложил академик Л.И. Абалкин в своем методологическом учении о структуре производственных отношений (Абалкин, 1970; 1973; 1981), выделяя систему организационно-экономических отношений как воплощение хозяйственного механизма или, иными словами, отношений управления общественным производством. Точнее, организационно-экономические отношения возникают и развиваются в процессе общественного разделения труда, и в их составе различают следующие группы: конкретные формы организации производства, хозяйственные связи между звеньями общественного разделения труда и отношения управления ими, более широко – отношения социалистического хозяйствования.

Развивая данную концепцию, В.М. Рулев в докторской диссертации 1989 года «Управление в системе производственных отношений» доказал, что «в совокупности отношений по производству, распределению, обмену, потреблению и присвоению целесообразно выделить особую область отношений управления» (Рулев, 1989, с. 6).

Понимая необходимость совершенствовать систему управления, наравне с другими элементами производственных отношений социализма, которые, в свою очередь, должны соответствовать непрерывно растущим и усложняющимся производительным силам, В.М. Рулев отмечал: «Основной задачей развития отношений управления при социализме является его дальнейшее обобществление.

¹⁵ S. Gabriele What Happened to the COVID-19 Vaccine Patent Waiver? [Электронный ресурс] / S. Gabriele: Bill of Health, the blog of the Petrie-Flom Center at Harvard Law School, 2022. URL: <https://blog.petrieflom.law.harvard.edu/2022/11/08/what-happened-to-the-covid-19-vaccine-patent-waiver/> (дата обращения: 20.03.2024).

Причем было неправильно отождествлять обобществление управления и его дальнейшую централизацию, поскольку децентрализованное управление – альтернативная форма синтеза сложных и сверхсложных систем управления» (Рулев, 1989, с. 6). Фактически, данный тезис отражал попытку политэкономического «переваживания» известного к тому времени кибернетического закона управления Эшби, согласно которому степень разнообразия и сложности управляющей системы не может быть ниже, чем управляемой системы. Усложнение системы управления на основе роста его обобществления ни в коем случае не означает усиления централизованных систем с сопутствующей бюрократизацией, а органическое соединение централизованных и децентрализованных систем.

Теоретическое углубление понимания организационно-управленческих отношений привело к выделению в их составе «организационно-технических» отношений. В.Д. Камаев характеризовал их как отношения между людьми в непосредственно материальном производстве по поводу технологических процессов. Они находятся на стыке между производительными силами и производственными отношениями, но со стороны производительных сил (Камаев, 1977, с. 82). Специфика этих отношений состоит в том, что они воплощают одновременно как элементы производительных сил, так и производственных отношений, и их нельзя всецело отнести ни к одной из рассмотренных групп.

На наш взгляд, данный компонент организационно-экономических отношений становился все более значимым в системе управления по мере развития информационных технологий. Информационная революция, начавшаяся в мире и СССР в конце 1950- начале 60-х годов, означала не столько изменения в производительных силах, сколько в системе управления через организационно-экономические отношения, преобразующихся за счет организационно-технических отношений.

Фактически, данную закономерность отразил в своих трудах совсем не политэкономом, но известный ученый-кибернетик В.М. Глушков. В 1979 году В.М. Глушков¹⁶ выпускает статью с критикой устоявшегося подхода к определению НТР (Глушков, 1979). Он писал, что вопреки сложившемуся представлению о НТР как об «ускорителе» прогресса, его следует рассматривать как перелом в способах управления научно-техническим прогрессом, происходящий вследствие качественного накопления принципиально новых технологий производства, являющихся на уровень сложнее, чем существовавшие до этого технологии. Сложность новых технологий обуславливает необходимость пересмотра механизмов управления ими, в том числе и в масштабах страны. В.М. Глушков выдвигает технологии ЭВМ и обработки информации на фундаментальный уровень, называя их непосредственной основой для последующего развития общества.

НТР, по мнению В.М. Глушкова, снимает противоречие на определенном уровне развития экономики посредством выработки новых методов управления сложными системами. Соответственно, одной из причин НТР является чрезмерное накопление сложных по своей структуре технологий, управление которыми старыми методами становится неэффективным, а зачастую приводит к негативным последствиям. Снятие данного противоречия происходит посредством разработки более сложных систем управления.

¹⁶ Виктор Михайлович Глушков (1923–1982) – д.ф.-м.н., проф., академик АН СССР, вице-президент АН УССР. Директор-основатель Института кибернетики АН УССР.

НТР, по В.М. Глушкову, явление ограниченное сравнительно небольшим временным периодом. После адаптации и начала практического использования новых технологий управления наступает новый период «аккумуляции новых технологий более высокого уровня сложности», который в итоге приведет к наступлению новой научно-технической революции.

Отдельно В.М. Глушков писал о промышленной революции, начавшейся в середине XX века. Одной из ее черт является стремление перевести управление НТП из последовательной схемы реализации нововведений к параллельному, что усложняет в разы процессы организационно-управленческого характера. Эта проблема должна решаться через внедрение автоматизированных систем управления в разных масштабах.

Заключение

Марксистский политико-экономический подход к теории НТП получил определенное развитие в советский период. Однако специфика развития Советского государства спровоцировала политизацию теории. Стремление достигнуть завышенных целей в короткие сроки привело к тому, что после осознания невозможности построения коммунизма к 1980 году теория начала размываться и принимать неопределенный вид как относительно своей сущности, так и относительно периодизации. Недостаточное внимание к творческому развитию марксизма, особенно в части политической экономии управления НТП, привело к формализации и бюрократизации процессов внедрения новейшей техники, к возникновению разрыва в технологическом развитии отраслей.

Изучение природы НТП и НТР не имело в СССР системного и упорядоченного характера, так как к концу 80-х годов в советской экономической науке возникло множество разнохарактерных концептов в области периодизации НТР, рассмотрении его сути. Не существовало также и взаимосвязи философского, экономического и социального аспектов НТР. Советские ученые попали в ловушку политических лозунгов и установок, строго задающих сроки нового витка развития общества.

Тем не менее, марксистская политэкономия обладает высоким концептуальным потенциалом, который может быть использован современным поколением исследователей для разработки единой концепции научно-технического прогресса с марксистской точки зрения. К таким концептуальным основам относятся следующие базовые положения, выработанные в советский период:

- НТП неотделим от существующих общественных отношений, находится с ним в диалектической взаимосвязи;
- автоматизация ручного и отчасти умственного труда – это ключевое направление НТП;
- научно-технический прогресс приводит к изменению не только производственного процесса, но и технологий управления обществом;
- при социализме для прогресса экономики не требуется эксплуатировать ресурсы других стран.

Необходимо учитывать, что несмотря на все попытки отделить НТР, происшедшую в СССР в 1920-е и 1960-е годы, от аналогичных процессов, происходивших в капиталистических странах, этот процесс является общим для всех экономических систем, в пользу чего говорят следующие выводы советских ученых:

- научно-техническая революция в СССР в 1920–1940-е годы сопоставима по масштабам с промышленной революцией XVII-XVIII веков;
- основой НТР в СССР стала электрификация;
- НТР имеет международный характер и охватила связанные с СССР страны социалистического лагеря.

Ряд положений теоретических изысканий советских ученых хотя и не оправдались буквально, но послужили основой для продуктивного переосмысления развивающихся процессов. Так, не подтвердились теоретические концепции соответствия каждой новой общественно-экономической формации новому этапу НТР (к концу двадцатого века обещанного перехода к коммунизму не произошло), но зато сегодня продуктивно развиваются теории существенной модификации капиталистической модели под влиянием взаимообусловленных технологических и мирохозяйственных изменений (Львов, Глазьев, 1986); (Глазьев, 2022). Международный характер и сущность НТР, обозначенные в работах советских ученых, соотносятся с тезисами теории смены мирохозяйственных укладов С.Ю. Глазьева. Смена лидера МХУ и переход к Интегральному укладу актуализируют положения марксистских методологов относительно гармоничного развития экономических систем со снижением степени антагонизма в рамках отношений «центр-периферия».

Одной из важных практических рекомендаций, выработанных советскими политэкономистами к концу существования СССР, стала необходимость приоритизации инвестиций в конкретные отрасли и смены модели управления технологическими преобразованиями. Применение данного подхода актуально сейчас, так как в научной среде существует устоявшиеся подходы к определению ключевых технологий в рамках длинных волн.

Еще одно политэкономическое положение о том, что крупное производство является локомотивом НТР было верным только лишь отчасти, так как эффективность производимой продукции находится в прямой зависимости от производства вспомогательных (дополнительных) средств и своевременного обслуживания, а также должном уровне материально-технического и энергетического обеспечения. В СССР не полное соответствие данным условиям привело к торможению технологического процесса в экономике.

Наконец, имплементация положений советских политэкономов об управлении НТП, включая накопление сложных технологий, сочетание централизованных и децентрализованных систем управления, непосредственное вовлечение общественных масс в процесс инициации технологических преобразований, автоматизация ручного и умственного труда позволит ускорить темпы научно-технического прогресса и обеспечить трансформацию общественного строя в соответствии с марксистской логикой эволюции общественно-экономических формаций.

ЛИТЕРАТУРА

Абалкин Л.И. Политическая экономия и экономическая политика. М.: Мысль, 1970. – 231 с.

Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1973. – 263 с.

Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики. М.: Мысль, 1981. – 351 с.

Арутюнов В.С. Концепция устойчивого развития и реальные вызовы цивилизации // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 3. С. 205-214. <https://doi.org/10.31857/S0869587321030026>

Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Цели устойчивого развития для будущего России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 26-33.

Бузгалин А.В. Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. 2017. № 7-8. С. 20-30.

Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10-38.

Вернадский В.И. О науке, Т.1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна: «Феникс», 1997. – 576 с.

Вольфсон Л.Ф. Теория постиндустриального общества Дэниела Белла: Обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1975. – 119 с.

Гатовский Л.М. Некоторые назревшие вопросы планирования технического прогресса. М.: [б.и.], 1965. – 26 с.

Гатовский Л.М. Экономика и технический прогресс. М.: Издательство «Знание», 1968. – 58 с.

Гатовский Л.М. Экономические проблемы научно-технического прогресса. М.: Наука, 1971. – 374 с.

Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 93-115. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6>

Глушков В.М. Социально-экономическое управление в эпоху научно-технической революции. Киев: Институт кибернетики, 1979. – 53 с.

Глушков В.М. Основы безбумажной информатики. М.: Наука, 1987. – 552 с.

Данилин Г.Д. Периодизация научно-технической революции: Науч.-аналит. обзор / АН СССР, Науч. совет при Президиуме ипо филос. и социал. пробл. науки и техники. М.: ИНИОН, 1987. – 45 с.

Ерофеев П.Ю. Особенности концепции устойчивого развития // Экономическое возрождение России. 2007. № 3. С. 20-29.

Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2017. – 646 с.

Зворыкин А.А. Научно-техническая революция и ее социальные последствия. М.: «Знание», 1967. – 62 с.

Камаев В.Д. Развитой социализм: темпы и качество экономического роста. М.: Мысль, 1977. – 212 с.

Кедров Б.М. Изменение связи между естествознанием и техникой. М.: [б.и.], 1968. – 16 с.

Кедров Б.М. К. Маркс о науке и техническом прогрессе. М.: издательство «Знание», 1985. – 64 с.

Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1971. – 792 с.

Ленин В.И., Маркс К., Сталин И.В., Энгельс Ф. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о технике / Под ред. С.Е. Аршона. Л.: Государственное технико-теоретическое издательство, 1934. – 636 с.

Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. Т. 22. №. 5. С. 793-804.

Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Новая концепция управления НТП. М.: Центр «Информэлектрон», 1989. – 30 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Л.: Госполитиздат, 1950. – 72 с.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Политиздат, 1969. – 908 с.

Мелещенко Ю.С. Теоретические и методологические проблемы техники в трудах В.И. Ленина: (Материал для участников Всесоюз. семинара на тему: «В.И. Ленин и науч.-техн. прогресс», 8-11 апр. 1969 г.). М.: Знание, 1969. – 32 с.

Мелещенко Ю.С., Шухардин С.В. Ленин и научно-технический прогресс. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 324 с.

Ротницкий В.И. Наука как непосредственная производительная сила: методологические исследования // Известия Томского политехнического института (Известия ТПИ). Т. 220: Социальные вопросы развития науки и высшего образования. 1970. С. 90-100.

Рулев В.М. Управление в системе производственных отношений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М.: МИУ им. С. Орджоникидзе, 1989. – 33 с.

Симонов М.А. Проект Программы ВКП(б) 1947 г.: причины и ход разработки // Манускрипт. 2017. № 2-3 (77). С. 157-161.

Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – 398 с.

Степанова Т.Д. Развитие теории креативного класса: зарубежная и российская экономическая мысль // Вопросы политической экономии. 2020. № 3. С. 153-169. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4067167>.

Яковец Ю.В. Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. М.: Экономика, 1984. – 239 с.

Kianzad B., Wested J. 'No-One Is Safe until Everyone Is Safe'-Patent Waiver, Compulsory Licensing and COVID-19 // EPLR. 2021. V. 5 Pp. 71-90.

Maslov G. Soviet and Post-Soviet Marxism: Braving the Challenges of the Technological Revolution // Critical Sociology. 2022. V. 48. №. 4-5. Pp. 659-678.

Информация об авторах

Сергей Александрович Толкачев – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

(E-mail: satolkahev@fa.ru) (ORCID: 0000-0003-3766-2246) (elibrary AuthorID: 452576)

Иван Дмитриевич Удалов – аспирант кафедры экономической теории, стажёр-исследователь Института глобальных исследований Факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

(E-mail: china.2012@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7924-9092) (elibrary AuthorID: 1025664)

Заявленный вклад авторов:

Толкачев С.А. – концепция исследования, научное редактирование, участие в разделах «НТП и непосредственно общественный характер производства», «Политико-экономические проблемы управления НТП».

Удалов И.Д. – концепция исследования, участие во всех разделах статьи, оформление библиографии.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

- Abalkin L.I.* Political economy and economic policy. M.: Mysl, 1970. – 231 p. (In Russ.)
- Abalkin L.I.* Economic mechanism of a developed socialist society. M.: Mysl, 1973. – 263 p. (In Russ.)
- Abalkin L.I.* Dialectics of socialist economics. M.: Mysl, 1981. – 351 p. (In Russ.)
- Arutyunov V.S.* The concept of sustainable development and real challenges of civilization. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Russian Academy of Sciences.* 2021;91(3):205-214. <https://doi.org/10.31857/S0869587321030026> (In Russ.)
- Bobylyov S.N., Solovyova S.V.* Sustainable development goals for the future of Russia. *Problemy prognozirovaniya=Forecasting problems.* 2017;(3):26-33. (In Russ.)
- Buzgalin A.V.* Creative economy: why and how private intellectual property can be limited. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological studies.* 2017;(7-8):20-30. (In Russ.)
- Buzgalin A.V.* Late capitalism and its limits: dialectics of productive forces and production relations (To the 200th anniversary of the birth of Karl Marx). *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy.* 2018;(2):10-38. (In Russ.)
- Danilin G.D.* Periodization of the scientific and technological revolution: Scientific-analytic review. The USSR Academy of sciences, Scientific council under the Presidium of philosophy and social problem science and technology. M.: INION, 1987. – 45 p. (In Russ.)
- Erofeev P.Yu.* Features of the concept of sustainable development. *Economic revival of Russia.* 2007;(3):20-29. (In Russ.)
- Gatovsky L.M.* Some pressing issues in planning technological progress. M.: (without publisher), 1965. – 26 p. (In Russ.)
- Gatovsky L.M.* Economics and technical progress. M.: Znaniye, 1968. – 58 p. (In Russ.)
- Gatovsky L.M.* Economic problems of scientific and technological progress. M.: Nauka, 1971. – 374 p. (In Russ.)
- Glazyev S.Yu.* Global transformation through the prism of changing technological and world economic structures. *AlterEconomics.* 2022;19(1):93-115. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6> (In Russ.)
- Glushkov V.M.* Socio-economic management in the era of scientific and technical revolution. Kyiv: Institute of cybernetics, 1979. – 53 p. (In Russ.)
- Glushkov V.M.* Fundamentals of paperless computer science. M.: Nauka, 1987. – 552 p. (In Russ.)
- Kamaev V.D.* Developed socialism: the pace and the quality of economic growth. M.: Mysl, 1977. – 212 p. (In Russ.)
- Kedrov B.M.* Change in the relationship between natural science and technology. M.: [without publisher], 1968. – 16 p. (In Russ.)
- Kedrov B.M.* K. Marx on science and technical progress. M.: Znaniye, 1985. – 64 p. (In Russ.)
- Kianzad B., Wested J.* 'No-One Is Safe until Everyone Is Safe'-Patent Waiver, Compulsory Licensing and COVID-19. *EPLR.* 2021;(5):71-90.
- Lenin V.I.* Complete set of works. 5th ed. V.3. M.: Publishing house of political literature, 1971. – 792 p. (In Russ.)
- Lenin V.I., Marx K., Stalin I.V., Engels F.* Marx, Engels, Lenin, Stalin on technology. L.: State technical and theoretical publishing house, 1934. – 636 p. (In Russ.)

L'vov D.S., Glazyev S.Yu. Theoretical and applied aspects of scientific and technological progress management. *Ekonomika i matematicheskie metody=*Economics and Mathematical Methods. 1986;22;(5):793-804. (In Russ.)

L'vov D.S., Glazyev S.Yu. New concept of scientific and technological progress management. USSR Academy of Sciences, Department of Economics. M.: Center Informelektro, 1989. – 30 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. L.: Gospolizdat, 1950. – 72 p. (In Russ.)

Marx K. Capital. Criticism of political economy. V.1. M.: Politizdat, 1969. – 908 p. (In Russ.)

Maslov G. Soviet and Post-Soviet Marxism: Braving the Challenges of the Technological Revolution. *Critical Sociology.* 2022;48(4-5):659-678.

Meleshchenko Yu.S. Theoretical and methodological problems of technology in the works of V.I. Lenin: (Material for participants of the All-Union seminar on the topic: «V.I. Lenin and scientific and technological progress», April 8-11, 1969) M.: Znaniye, 1969. – 32 p. (In Russ.)

Meleshchenko Yu.S., Shukhardin S.V. Lenin and scientific and technological progress. L.: Science. Leningrad department, 1969. – 324 p. (In Russ.)

Rotnitsky V.I. Science as a direct productive force: methodological research. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo instituta (Izvestiya TPI)=*Proceedings of the Tomsk Polytechnic Institute (Proceedings of TPI). V. 220: Social issues in the development of science and higher education. 1970;(220):90-100. (In Russ.)

Rulev V.M. Management in the industrial relations system. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Economics. M.: MIU im. S. Ordzhonikidze, 1989. – 33 p. (In Russ.)

Simonov M.A. Draft Program of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks) 1947: reasons and progress of development. Manuscript. 2017;(2-3): 157-161. (In Russ.)

Stalin I.V. On the right deviation in the VKP(b): Speech at the plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the VKP(b) in April 1929. *Stalin I.V. Essays.* V. 12. M.: State Publishing House of Political Literature, 1949. – 398 p. (In Russ.)

Stepanova T.D. Development of the theory of the creative class: foreign and Russian economic thought. *Voprosy politicheskoi ekonomii=*Problems in Political Economy. 2020;(3):153-169. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4067167> (In Russ.)

Vernadsky V.I. About science. V.1. Scientific knowledge. Scientific creativity. Scientific thought. Dubna: Fenix, 1997. – 576 p. (In Russ.)

Wolfson L.F. Daniel Bell's theory of post-industrial society: overview. M.: INION AN SSSR, 1975. – 119 p. (In Russ.)

Yakovets Yu.V. Patterns of scientific and technological progress and their systematic use. M.: Economics, 1984. – 239 p. (In Russ.)

Zhuravlev V.V., Lazareva L.N. Stalin's economic legacy: plans and discussions. 1947–1953: documents and materials. M.: ROSSPEN, 2017. – 646 p. (In Russ.)

Zvorykin A.A. Scientific and technological revolution and its social consequences. M.: Znaniye, 1967. – 62 p. (In Russ.)

Information about the author

Sergey A. Tolkachev – Doctor of Economics. Sciences, Professor, Professor of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

(E-mail: satolkachev@fa.ru) (ORCID: 0000-0003-3766-2246) (elibrary AuthorID: 452576)

Ivan D. Udalov – postgraduate student of the Department of Economic Theory, research intern at the Institute of Global Studies of the Faculty of International Economic Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

(E-mail: china.2012@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7924-9092) (elibrary AuthorID: 1025664)

Authors' declared contribution:

Tolkachev S.A. – research concept, scientific editing, participation in the sections «STP and the directly social nature of production», «Political economic problems of managing STP».

Udalov I.D. – research concept, participation in all sections of the article, bibliography design.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2024; одобрена после рецензирования: 26.10.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

УДК: 330.34

DOI: 10.5281/zenodo.14509432 <https://zenodo.org/record/14509432>

О МАЛОИЗВЕСТНЫХ СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ НТП В СССР

Павлов Михаил Юрьевич¹

Доктор экономических наук, доцент кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (1tm@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7416-0558)

Ключевые слова: НТП, СССР, разделение труда, дезурбанизм, город, диалектический материализм, размещение производства, Анти-Дюринг, Охитович

Для цитирования: Павлов М.Ю. О малоизвестных страницах истории НТП в СССР // Вопросы политической экономики. 2024. № 4(40). С. 85-95.

LESS KNOWN PAGES OF THE HISTORY OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS IN THE USSR

Mikhail Y. Pavlov

Doctor of Economic Science, Associate Professor, Political Economy Chair, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia, (1tm@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7416-0558)

Keywords: STP, USSR, division of labor, deurbanism, city, dialectical materialism, location of production, Anti-Düring, Okhitovich

For citation: Pavlov M.Y. Less known pages of the history of scientific and technical progress in the USSR. Problems in Political Economy. 2024;4(40):85-95.

JEL codes: O33, P29, L52

У науки имеется собственная специфическая логика развития, которую весьма важно учитывать. Наука всегда должна работать в запас, впрок, и только при этом условии она будет находиться в естественных для нее условиях.
С.И. Вавилов

Если техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от состояния и потребления техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов.
Ф. Энгельс

¹ © Павлов М.Ю., 2024

К очень интересной, содержательной картине советского опыта НТП, представленной в статье Толкачева С.А. и Удалова И.Д., хотелось бы добавить всего несколько штрихов, посвященных специфике, возникшей в условиях реального социализма. Дело в том, что советский опыт НТП обладает целым рядом особенностей, которые привычны и даже обыденны для человека, жившего в те времена, но не очень известны и понятны современному читателю. Эти особенности важно учитывать, поскольку цифровая эпоха требует видоизменения хозяйственной модели (Недзвецкая, 2023), а для этого надо понимать, как она устроена, какие ей были присущи особенности.

Одна из таких особенностей – это идеологическая борьба в науке, приводившая к резким сменам вектора НТП в советские времена. К примеру, борьба с генетикой (а затем – против «Лысенковщины»), с кибернетикой, с теорией резонанса молекул и мн. др. Теорию резонанса называл «ложной» тот же Б.М. Кедров, на работы которого ссылаются авторы статьи. Интересно, что Кедров получил образование в Институте красной профессуры, что заставляет задуматься о том, только ли при капитализме наука носит классовый характер и несет идеологию правящего класса.

Другая, не менее серьезная проблема НТП в СССР, которую условно можно назвать «Диамат против сопромата»: идеологи решали за технарей, за инженеров, в какие сроки и с какой интенсивностью должна работать новая техника. По этой причине произошло множество техногенных аварий и катастроф, среди которых и самые яркие и значимые – взрыв ракеты Р-16, гибель космонавта В.М. Комарова, авария на Чернобыльской атомной электростанции и др. Причем ни в политической экономии, ни в философии нигде не было утверждений, что новая техника должна быть введена в эксплуатацию к годовщине штурма Зимнего дворца или забастовки рабочих в Чикаго.

В результате новая техника не успевала пройти полного цикла испытаний, апробации и даже элементарных проверок. Горела, тонула, сходила с расчетных орбит, взрывалась и даже просто ломалась. И если намерение выиграть ту же космическую гонку еще можно объяснить с позиций борьбы за лидерство в соревновании двух систем, то обосновать «подарки съезду», стремления во что бы то ни стало, ценой отказа от проверок и контрольных измерений ради того, чтобы успеть к очередной советской годовщине, при этом поставив на карту жизни людей и огромные суммы, потраченные на разработку и внедрение новых образцов, вопреки мнению инженеров и испытателей, марксизм-ленинизм сможет обосновать разве что узкочастными интересами погони начальства за премиями, наградами и прочими почестями. Равно как и стремление перевыполнить план путем насилия над сопроматом.

Подобная гонка с недопустимым сокращением полного цикла испытаний приводила к колоссальной дискредитации как новой техники, так и науки, так и ученых в целом. К примеру, форсированное распространение борщевика Сосновского, оказавшегося крайне опасным, усиленное высаживание в Москве тополей, которые якобы не дают пуха, массово склонялись на все лады простыми людьми, как крайне непродуманные мероприятия, предложенные учеными, вызывая недоверие, формируя огромный разрыв между наукой и обществом, поскольку наука работала не на советский народ, а на правящую верхушку. А в случае ЧАЭС техногенная катастрофа создала мощнейшие предпосылки и к краху советской власти, и падению режима.

Авторы статьи великолепно «нащупали» разрыв в изучении теории НТП между 1929 и 1947 годами. Однако никак не объяснили его. Между тем, хотя такой разрыв — чрезвычайно малоисследованная тема, она крайне важна для понимания векторов развития науки и техники в советский период, да и ее судьбы в целом. В 1929 г. появился социальный заказ на новую, социалистическую модель развития техники (и, соответственно, науки) для целей индустриализации. На этот призыв откликнулось немало грамотных, компетентных и в высшей степени творческих (креативных) людей. Поскольку материализм требовал конкретики, предложения по развитию техники, производства и т.д., имели конкретные выражения в пространственных измерениях. Материализм по определению должен находить выражение в пространственном измерении (*«основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства»*) (Энгельс, 1961, с. 51). В отличие от более позднего этапа, когда дискуссии об НТП по большей части выродились в идеализм.

Предстояло буквально с чистого листа создать целые отрасли промышленности, организовать производство новой техники. И вдруг оказалось, что советская власть не готова ни к разработке, ни даже к восприятию новой материальной модели социализма. Классики марксизма-ленинизма хорошо изучили устройство капитализма (точнее, его внешние проявления), но имели крайне ограниченное представление о мире социализма, а тем более — о мире коммунизма. О материальных, наблюдаемых отличиях царства свободы и царства необходимости.

В этих условиях несколько неожиданно, но очень ярко материальные контуры социализма и коммунизма представил почти забытый и не совсем верно охарактеризованный как архитектор советский ученый М.А. Охитович. На самом деле он был политэкономом и, очень возможно, что в дальнейшем войдет в историю как один из наиболее значимых ученых-визионеров — наряду с К. Марксом, Э. Тоффлером и др. На основе тщательного изучения трудов классиков марксизма-ленинизма (на протяжении ряда лет отбиривший, редактировавший и публиковавший по заданию ВКП(б) их труды) далеко не рядовой сотрудник ИМЭЛ (тогда — Института Ленина) Охитович пришел к выводу о том, что коммунизм = максимально распределенному размещению производства и населения. Собственно, к такому тезису пришел еще Ф. Энгельс и представил его в своем Анти-Дюринге (Энгельс, 1961), а затем и дополнительно в малоизвестном письме Э. Бернштейну: «Круг завершен. Новейшее открытие Дебре, состоящее в том, что электрический ток очень высокого напряжения при сравнительно малой потере энергии можно передавать по простому телеграфному проводу на такие расстояния, о каких до сих пор и мечтать не смели, и использовать в конечном пункте, — дело это еще только в зародыше, — это открытие окончательно освобождает промышленность почти от всяких границ, полагаемых местными условиями, ... и если вначале оно будет полезно только для городов, то в конце концов оно станет самым мощным рычагом для устранения противоположности между городом и деревней» (Энгельс, 1964, с. 374).

Дискуссия об НТП так или иначе упирается в вопрос разделения труда. Энгельс в «Анти-Дюринге» специально подчеркивал, что в области практики социализма у него с Е. Дюрингом основное расхождение в том, что Энгельс считал отказ от больших городов, от разделения труда и, соответственно, от разделения между городом и деревней необходимыми и выполнимыми условиями коммунистического

строительства (Энгельс, 1961), а Дюринг считал, что это невыполнимо. Дюринг настаивал на планомерности, а Энгельс считал одну лишь планомерность совершенно недостаточной и настаивал на максимально распределенном планомерном размещении производства и населения (Энгельс, 1961). Однако, вопреки Энгельсу, но в точности по Дюрингу, в СССР реально была реализована как раз программа Дюринга.

Хотя Энгельс и доказывал, что реализация предложений Дюринга ничего не даст как социалистическая программа, поскольку представляет собой крайне непоследовательное, эклектичное движение. «Первым крупным общественным разделением труда является отделение города от деревни» (Энгельс, 1961, с. 301). Энгельс считал, что этот антагонизм устраним и именно на основе его устранения можно будет устранить разделение труда и в более мелком масштабе. Дюринг, напротив, считал, что этот антагонизм устранить невозможно. И в этом плане советские идеологи полностью повторили выводы Дюринга и воплотили его концепцию, а вовсе не концепцию Энгельса, Маркса, Ленина. Видимо, не случайно труды Дюринга не публиковались в СССР, – чтобы не было заметно насколько буквально реальный социализм построен по Дюрингу, а не по Энгельсу. В «Анти-Дюринге» Энгельс писал: «И Фурье, и Оуэн требовали уничтожения противоположности между городом и деревней как первого и основного условия для уничтожения старого разделения труда вообще. Согласно взгляду обоих, население должно распределяться по стране группами в 1600-3000 человек; каждая группа занимает в центре своей территории громадный дворец и ведет общее домашнее хозяйство. И хотя Фурье говорит местами о городах, однако сами эти города состоят только из четырех или пяти таких дворцов, расположенных по соседству друг с другом. Согласно взгляду обоих, каждый член общества занимается и земледелием, и промышленностью...

Следовательно, уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и с той стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. Правда, в лице крупных городов цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены – и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс. Какая бы участь ни была суждена германской империи прусской нации, Бисмарк может лечь в могилу с гордым сознанием, что его заветное желание, гибель больших городов, непременно осуществится» (Энгельс, 1961, с. 304-308).

Да и в 4-м сне Веры Павловны максимум 1% населения живет в городах, а остальные 99% жителей живут в небольших поселениях по 1000-2000 человек (Павлов, 2022а).

В короткой, но очень интересной и в высшей степени оригинальной дискуссии 1929–1930-го гг. М.А. Охитович не только убедительно доказал необходимость распределенного размещения производства, но и представил много десятков, если не сотен (к сожалению, в связи с последующими репрессиями даже следы деятельности этого талантливейшего марксиста намеренно уничтожались, поэтому до нашего времени дошло далеко не все его богатое политэкономическое и архитектурно-планировочное наследие) конкретных пространственных схем (Охитович, 1929а-с; 1930а-е); (Хан-Магомедов, 2009); (Стенограмма..., ед. хр. 13, ед. хр. 14). Крупнейшая

и до мельчайших деталей проработанная схема под названием «Магнитогорье» (Барц и др., 1930а, 1930б), выполненная в соавторстве с известными архитекторами, поскольку была опубликована в центральных изданиях дошла и до нашего времени.

Охитович показал, что крупные города тормозят научно-технический прогресс, искусственно останавливая развитие регулированием, необходимым в силу наличия пересечений, а также скученностью и трансформации творческой деятельности в борьбу за центральные позиции, более выгодные в условиях разделения труда. Все эти тезисы были блестяще подкреплены соответствующими цитатами из произведений Маркса, Энгельса и Ленина, да так, что их никто не смог опровергнуть.

Кроме того, он предложил сетевое (лентами вдоль шоссе) размещение промышленности и населения. Одновременно и в близости с природой («Человек живет природой» – К. Маркс) и с весьма высокоразвитой системой обслуживания, воспитания и образования, культуры и быта. Его проект предполагал заказ всего необходимого для жизни прямо-таки на уровне наших дней – по каталогам посредством телефонов или радио и с последующей доставкой автомобильным транспортом. Индивидуальные модульные дома-трансформеры минимум с 14 метрами жилой площади, с обязательным навесом-гаражом для автомобиля, большим участком (примерно 0,5 га) с одной стороны, обещали быстрое развитие науки, техники и человеческих качеств, а с другой стороны требовали настолько развитой материальной базы, которой и близко не было в то время.

В 1930 году в ЦК ВКП(б) вдруг осознали, что надо строить буквально новую страну, а к предложениям Охитовича руководство страны катастрофически не готово – ни теоретически (в плане знания и понимания произведения классиков марксизма-ленинизма), ни практически (ресурсов в таких объемах нет). Поэтому были приняты экстренные меры – даже знаменитый Дом на Набережной решили сильно удешевить и вместо отделки красным гранитом (наподобие Кремля и Мавзолея) отделали предельно дешево и практично – серо и однообразно. В качестве реакции ЦК ВКП (б) издал постановление от 16 мая 1930 г. «О работе по перестройке быта»².

В этом постановлении новаторские марксистские идеи отвергались под очень витиеватыми и замысловатыми предложениями, прямо-таки шедеврами бюрократического крючкотворчества: «ЦК отмечает, что наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные полужанитарные, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой – в необходимости в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрой индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта.

Проведение этих вредных, утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта»³.

² Постановление ЦК ВКП(б). О работе по перестройке быта. 16 мая 1930 г. (Печатается по тексту газеты «Правда». 29 мая 1930. № 146).

³ Там же.

После чего в ВКП(б) приняли целый ряд решений, которые в дальнейшем как раз и дискредитировали социализм: во-первых, пока не был решен вопрос о модели расселения будущего, рекомендовалось строительство дешевого жилья, что выразилось в строительстве «временного» жилья – преимущественно бараков. Во-вторых, вместо разработки социалистической, полностью оригинальной модели, была скопирована капиталистическая модель организации промышленности, городов и т.д. В 1935 году Охитович резко раскритиковал эту модель, прямо заявив, что строительство в СССР в точности повторяет строительство в капстранах, в частности, в Италии и в Германии, а значит, повторяет капитализм.

За это К.С. Алабян организовал написание доноса, причем несколько не смог предъявить претензии к речи Охитовича, а лишь обрушил гнев за то, что критиковался великий товарищ Сталина, и что заранее не было согласовано содержание речи⁴. Это послужило сигналом для всех, что дискуссия о развитии в материальном измерении – свернута.

Долгие годы этот вопрос даже не осмеливались поднимать. А затем, в связи с острой необходимостью опережающего развития науки и техники (под влиянием очень быстрого развития науки и технологий по требованиям Второй мировой войны, к примеру, именно тогда ботаника в кратчайшие сроки сумела продемонстрировать населению СССР досконально особенности и нюансы различных частей даже условно съедобных и лекарственных растений, а гляциология позволила реализовать сложнейший и высокорисковый проект интенсивных перевозок грузов и людей по льду Ладожского озера) дискуссия частично и крайне ограниченно возобновилась, но уже в измерении идеализма. Помня судьбу Охитовича, никто из ученых так и не решился уточнить, что значит «одним прыжком» или не одним перескочить через преграды «отсталости». Ведь так и не было предъявлено обвинения по существу. Выводы и постулаты несколько не были опровергнуты, но Охитович М.А. лишился положения в обществе, работы, мастерской, экспериментальных площадок, а в итоге – и жизни, причем при невыясненных обстоятельствах (его арестовали, но так и не осудили; по некоторым сведениям, он умер на этапе пересылки в еще достаточно молодом возрасте, около 40 лет).

Что касается воспроизводства, особенно расширенного, научно-технических кадров в СССР наблюдался ряд парадоксов: при достаточно большом и впечатляющем списке советских ученых и конструкторов большинство из них родились в царские времена, а главное – и образование получили в царские времена. Советская система, бесспорно, на порядки улучшила массовость и охват образования, но что касается качества образования – вопрос весьма дискуссионный. Достаточно вспомнить учебник устного счета С.А. Рачинского.

В СССР «не приживались», сталкиваясь с угрозами своей жизни со стороны властей, многие ученые и изобретатели с мировыми именами. Например, экономист В.В. Леонтьев, авиаконструктор И.И. Сикорский, изобретатель телевидения В.К. Зворыкин.

Еще один парадокс: достижения СССР в области естественных наук и ученые-естественники высоко ценились во всем мире, а вот что гуманитарные науки, что

⁴ См.: Стенограмма партгруппы Оргкомитета по обсуждению тезисов Охитовича М.А. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 13, а также: Стенограмма заседаний партгруппы по делу Охитовича М.А. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 14.

сами ученые-гуманитарии котировались в мире крайне ограниченно, хотя гуманитарные науки довольно строго координировались руководством страны на протяжении всего периода существования СССР, а естественные науки – лишь по начало 1950-х, позднее постепенно все пришло к тому, что те же Сулов и Брежнев консультировались у М.В. Келдыша (возглавлявшего АН СССР) по естественнонаучным вопросам, но в то же время диктовали, что делать представителям гуманитарных наук. Один из главных идеологов СССР рассказал мне в личной беседе, что В.А. Медведев прочитал книгу Э. Тоффлера «Футурошок» и пересказал М.С. Горбачеву идею ускорения. Это был один из немногих эпизодов, когда руководство страны прислушалось к словам ученых-гуманитариев.

Также интересно вспомнить, что в СССР наука официально изучала различного рода экстрасенсорные феномены – телепатию и передачу мыслей на расстояние, телекинез, гипноз, магию и т.п. (В.М. Бехтерев, Г.И. Бокий, А.В. Барченко и др.). Многочисленные публикации об этом сохранились в научно-популярных журналах тех времен. Однако в 1928 году, после смерти В.М. Бехтерева, публикации резко сошли на нет, хотя исследования продолжались в таких странах как Италия и США. США позднее рассекретили материалы весьма любопытного проекта по изучению экстрасенсорники – Stargate⁵, подтвердившего многие выводы советских исследователей, сделанных еще в 1920-х годах.

Поскольку экстрасенсорные явления в 1920-х годах считались не чем-то из ряда вон выходящими, а вполне естественными феноменами, просто еще недостаточно изученными наукой, не удивительно высказывание Л. Красина (вопреки воле Н. Крупской и других родных запретивший хоронить тело Ленина), который прямо заявлял: «Наука, не останавливаясь на том, чтобы только лечить, восстанавливать здоровье заболевшего организма, уже ставит вопрос о произвольном создании пола, об омоложении и т.д. Я уверен, что наступит момент, когда наука станет так могущественна, что в состоянии будет воссоздать погибший организм. И я уверен, что, когда наступит такой момент, когда освобожденное человечество, пользуясь всем могуществом науки и техники, силу и величие которых нельзя сейчас себе представить, сможет воскрешать великих деятелей, борцов за освобождение человечества» (Красин, 1928).

Момент так и не наступил, да и не суть, к чему относилось это высказывание – к официальной медицине или паранормальным явлениям. Главное – что наука в СССР 1920-х годов находилась на совершенно особом, отличном от последующих, этапе своего развития, кардинально отличаясь от науки 1930-х, военной и послевоенной науки.

В 1940-х годах был разработан «Великий план преобразования природы» – уникальный план, основанный на тезисе Вернадского о превращении человечества в силу геологического масштаба. В 1960-х этот же тезис был реализован при строительстве СССР Асуанской ГЭС в Египте – крупнейшего переноса течения реки, уникальной операции по переносу мегалитических памятников культуры. Реализация тезиса В.И. Вернадского особенно интересна для политэкономии, поскольку ставит вопрос о превращении науки не просто в производительную силу, а в производительную силу геологического масштаба. Тем более интересно, почему подобные проекты не получили не только развития, но даже продолжения, в то

⁵ Проект Stargate. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/collection/stargate> (дата обращения: 29.07.2024).

время как США пытались значительно расширить свои возможности средствами фундаментальной науки – проект SETI, телескоп Hubble на околоземной орбите и запуск Вояджеров с целями выхода за пределы Солнечной системы и даже инициирования коммуникаций с внеземным разумом, HAARP для управления погодой. В СССР ослабело и постепенно сошло практически на нет исследование микромира – нанотехнологии и электронная микроскопия, причем нанотехнологии блестяще разрабатывались еще в 1930–1940-е годы в Советском Союзе с опережением всего мира (под названием «ультрадисперсные материалы»), но к 1980-м уже были на излете своего существования (моя мама – к.т.н. Зуева Альбина Алексеевна, зав. лабораторией оборонного завода, один из лучших специалистов по данному вопросу, подробно мне рассказывала об этом).

В истории советской науки очень много интересных страниц. Что же касается ее «официальной» библиографии, вспомним одну из самых значимых, если не самую значимую работу непосредственно по теме (Маркс и др., 1985а-б).

Также очень подробно роль науки и техники в экономике и их отражение в политической экономии анализировал С.Г. Струмилин (см.: Павлов, 2022б).

ЛИТЕРАТУРА

Барц М., Владимиров В., Охитович М., Соколов Н. Магнитогорье // Современная архитектура. 1930а. № 1-2. С. 38-57.

Барц М., Владимиров В., Охитович М., Соколов Н. Пояснительная записка к проекту социалистического расселения Магнитогорья // Современная архитектура. 1930б. № 5. С. 40-57.

Красин Л.Б. Памяти Л.Я. Карпова. В сб.: Лев Яковлевич Карпов. Сборник статей и воспоминаний. Истпарт Отдел ЦК.ВКП(б). М.-Л.: Изд. Московский Рабочий, 1928. – 96 с.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О науке и технике. В 2-х т. Т. 1. Общие проблемы и закономерности развития науки и техники / ред.-сост. С.В. Александров; ред. А.Г. Егоров, С.Р. Микулинский, М.П. Мчедлов. М.: Наука, 1985а. – 520 с.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О науке и технике. В 2-х т. Т. 2. Роль науки и техники в развитии общества / ред.-сост. С.В. Александров; ред. А.Г. Егоров, С.Р. Микулинский, М.П. Мчедлов. М.: Наука, 1985б. – 480 с.

Недзвецкая Н.П. Необходимость видоизменения хозяйственной модели в цифровую эпоху // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 52-60.

Охитович М.А. К проблеме города // Современная архитектура. 1929а. № 4. С. 130-134.

Охитович М.А. Не город, а новый тип расселения // Экономическая жизнь. 1929б. № 282. С. 3.

Охитович М.А. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья // Вестник Коммунистической Академии. 1929с. № 35-36. С. 334-344.

Охитович М.А. Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930а. № 1-2. С. 7-16.

Охитович М.А. К проблеме планировки соцгорода // Вестник Коммунистической Академии. 1930б. № 42. С. 109-147.

Охитович М.А. Марксистская защита коммунального социализма // Современная архитектура. 1930с. № 5. С. 7-14.

Охитович М.А. Отчего гибнет город? // Строительство Москвы. 1930d. № 1. С. 9-11.

Охитович М.А. Социализм города (ответ т. Черня) // Революция и культура. 1930e. № 3. С. 50-58.

Павлов М.Ю. Будущее экономического образования: многоликая дескриптивистика или... // Философия хозяйства. 2022a. № 6. С. 126-138.

Павлов М.Ю. Как измерить креативную деятельность? // Экономическое возрождение России. 2022b. Т. 4. № 74. С. 68–74. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-4-74-68-74

Хан-Магомедов С.О. Михаил Охитович. М.: Фонд «Русский авангард». 2009. – 192 с.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1961. – 828 с.

Энгельс Ф. Энгельс – Эдуарду Бернштейну, 27, 28 февраля, 1 марта 1883. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1964. – 526 с.

Информация об авторе

Павлов Михаил Юрьевич – доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: 1tm@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7416-0558) (SPIN-code: 7028-6769) (Elibrary AuthorID: 718261)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

Barshh M., Vladimirov V., Ohitovich M., Sokolov N. Magnitogorye. Sovremennaja arhitektura=Modern Architecture. 1930a;(1-2):38-57. (In Russ.)

Barshh M., Vladimirov V., Ohitovich M., Sokolov N. Explanatory Note to the Draft Socialist Resettlement of Magnitogorye. Sovremennaja arhitektura=Modern Architecture. 1930b;(5):40-57. (In Russ.)

Engels F. Anti-Dühring. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 20. М.: State Publishing House of Political Literature, 1961. – 828 p. (In Russ.)

Engels F. Engels – to Eduard Bernstein, 27th, 28th February, 1st March 1883& In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 35. М.: State Publishing House of Political Literature, 1964.– 526 p. (In Russ.)

Khan-Magomedov S.O. Mikhail Okhitovich. М.: Fund «Russian vanguard», 2009. – 192 p. (In Russ.)

Krasin L.B. L.Ya. Karpov's Memory. In: Lev Yakovlevich Karpov. Collected Works of Papers and Memories. Istpart Dept. CC.VKP(b). М.-L.: Moskovskij Rabochij Publ., 1928. – 96 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F., Lenin V.I. On Science and Technic. Vol. 1. General Problems and Logic of Science and Technology Development. Ed.: S.V. Aleksandrov; ed. A.G. Egorov, S.R. Mikulinskij, M.P. Mchedlov. М.: Nauka, 1985a. – 520 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F., Lenin V.I. On Science and Technic. Vol. 2. The Role of Science and Technology in the Society Development. Ed. S.V. Aleksandrov; ed. A.G. Egorov, S.R. Mikulinskij, M.P. Mchedlov. М.: Nauka, 1985b. – 480 p. (In Russ.)

Nedzvetskaya N.P. The Necessity to Modify the Economic Model in the Digital Age. *Filosofija hozjajstva=Philosophy of Economy*. 2023;(2):52-60. (In Russ.)

Okhitovich M.A. On City Problem. *Sovremennaja arhitektura=Modern Architecture*. 1929a;(4):130-134. (In Russ.)

Okhitovich M.A. Not City, but a New Type of Resettlement. *Jekonomicheskaja zhizn'*. 1929b;(282):3. (In Russ.)

Okhitovich M.A. Socialist Mode of Settlement and Socialist Type of Housing. *Vestnik Kommunisticheskoy Akademii=Journal of the Communist Academy*. 1929c;(35-36):334-344. (In Russ.)

Okhitovich M.A. Notes on Settlement Theory. *Sovremennaja arhitektura=Modern Architecture*. 1930a;(1-2):7-16. (In Russ.)

Okhitovich M.A. To the Problem of Social City Planning. *Vestnik Kommunisticheskoy Akademii=Journal of the Communist Academy*. 1930b;(42):109-147. (In Russ.)

Okhitovich M.A. Marxist Defense of Communal Socialism. *Sovremennaja arhitektura=Modern Architecture*. 1930c;(5):7-14. (In Russ.)

Okhitovich M.A. Why City Dying? *Stroitel'stvo Moskvy*. 1930d;(1):9-11. (In Russ.)

Okhitovich M.A. City's Socialism (answer to Comrade Chernya). *Revoljucija i kul'tura*. 1930e;(3):50-58. (In Russ.)

Pavlov M.Yu. The Future of Economic Education: Many-Faced «Descriptivistics» or... *Filosofija hozjajstva=Philosophy of Economy*. 2022a;(6):126-138. (In Russ.)

Pavlov M.Yu. How to Measure Creative Activity? *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=Economic Revival of Russia*. 2022b;4(74):68-74. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-4-74-68-74 (In Russ.)

Information about the author

Mikhail Y. Pavlov – Doctor of Economic Science, Associate Professor, Political Economy Chair, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia.

(E-mail: 1tm@mail.ru) (SPIN-code: 7028-6769, Elibrary AuthorID: 718261) (ORCID: 0000-0001-7416-0558)

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 27.09.2024; одобрена после рецензирования: 29.10.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 330.857

DOI: 10.5281/zenodo.14509467 <https://zenodo.org/record/14509467>

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ 1930-х ГОДОВ

Маслов Глеб Андреевич¹

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН, Москва, Россия, (glemiach@yandex.ru), (ORCID: 0000-0002-4955-2303)

Ключевые слова: *вторая промышленная революция; планирование; индустриализация; коллективизация; механизация; автоматизация; электрификация; стандартизация; интеграция производства, науки, образования; развитие человеческого потенциала*

Для цитирования: Маслов Г.А. Научно-технический прогресс и советская экономическая мысль 1930-х годов // Вопросы политической экономии. 2024. № 4(40). С. 95-115.

SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS AND SOVIET ECONOMIC THOUGHT OF THE 1930s

Gleb A. Maslov

Cand. of Economic Sc., Senior Researcher at the Center for Methodological and Historico-Economic Studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (glemiach@yandex.ru), (ORCID: 0000-0002-4955-2303)

Keywords: *the second Industrial Revolution; planning; industrialization; collectivization; mechanization; automation; electrification; standardization; integration of production, science, education; human development*

For citation: Maslov G.A. Scientific and technical progress and Soviet economic thought of the 1930s. Problems in Political Economy. 2024;4(40):95-115.

JEL codes: B24, O33

Введение

Изучаемые в данной статье теоретические разработки экономистов и политических деятелей СССР первой половины 1930-х годов (периода оформления основных подходов и относительно меньшего идеологического давления в сравнении со второй половиной десятилетия), касающиеся проблем последствий и потенциала технологических трансформаций в контексте догоняющего развития, безусловно, требуют критического подхода с учетом специфики эпохи, характера советской

¹ © Маслов Г.А., 2024

моделью данного периода. В то же время, несмотря на все различия между той системой и нынешней, представляется ценным обратиться к ряду положений рассматриваемых авторов.

Во-первых, как и в 1930-е годы, перед нашей страной стоит задача ускоренного догоняющего технико-экономического развития в условиях роста напряженности геэкономической обстановки. Как отмечается многими исследователями (James, 2018); (Комолов, 2021); (Paul, 2023), в наше время мировая экономика уже несколько лет (начиная еще с первых лет после кризиса 2008–2009 гг.) испытывает на себе явления деглобализации. Расширяется использование протекционистских мер, увеличивается санкционное давление (Россия столкнулась с этим в наибольшей степени), растет геополитическая напряженность, интенсифицируются военные конфликты, к власти в ряде стран приходят политики с крайне правыми взглядами. Периоду 1930-х также были свойственны тенденции экономической изоляции и торговых войн (так, 1930-е, как и 2010-е, стали единственными десятилетиями в эру индустриального капитализма, когда темпы прироста мирового экспорта были ниже, чем темпы прироста объема мирового производства (Маслов, 2021а)), нарастание праворадикального политического курса, рост милитаризации, проявившейся в итоге в катастрофе Второй мировой войны.

Во-вторых, характер технологического развития довоенного периода при всех своих существенных различиях имеет и определенные значимые сходства с современностью. 1930-е ознаменованы переходным этапом между второй промышленной революцией рубежа XIX-XX веков и послевоенной научно-технической революцией. В настоящее время происходит переход от пятого технологического уклада к шестому при более стремительных его темпах ввиду общего ускорения распространения научных знаний. Самим новым технологиям в обоих случаях свойственен фундаментальный характер, обуславливающий обновление энергетической инфраструктуры, внедрение новых механизмов автоматизации, производство более качественных и дешевых материалов. В наше время, как и почти 100 лет назад, перед страной встает вызов достижения определенного уровня экономической безопасности, технологической независимости, освоения достижений нового технологического уклада при том, что наша страна находится, как и тогда, в положении отстающей относительно ведущих стран. Это отражается и в экономико-политических установках руководства страны².

Важно подчеркнуть, что отмеченные сходства лежат не просто на поверхностном уровне внешних признаков, вызывающих определенные исторические аналогии. Трансформации, в основе которых лежат новые технологии, затрагивают основу социально-экономической системы. В результате данные внешние факторы могут вызывать схожие закономерности развития даже принципиально различных экономических систем (каковыми по отношению друг к другу и являются современная российская модель и советская модель первой половины 1930-х годов). К примеру, в обоих случаях интеграция производства, науки и образования на этапе технологического перехода предполагает активную государственную политику по подготовке новых высококвалифицированных кадров, задачи импортозамещения связаны с поддержкой приоритетных отраслей и особой политикой междуна-

² Необходимо добиться технологического суверенитета, заявил Путин. РИА Новости, 29.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240229/putin-1930212072.html> (дата обращения: 7.10.2024).

родной торговли, использование эффектов масштаба при развитии определенных технологий предполагает укрупнение производственных единиц с реализацией соответствующих управленческих моделей. Подобный перечень можно продолжить.

Тем самым возникают основы выявления на основе историко-логического метода сохраняющих актуальность теоретических положений, которые могут быть использованы при решении текущих практических задач. При этом, безусловно, необходимо очертить границы их применимости с учетом различия экономических условий, провести соотнесение с положениями экономистов других периодов. В работе будет проведена систематизация исследовательских разработок, касающихся разных уровней технико-экономической системы, сфер развития человеческого потенциала как неотъемлемой составляющей наукоемкого воспроизводства национальной экономики.

Основные подходы советских авторов первой половины 1930-х в области технико-экономического развития

Монополизация и «общий кризис капитализма»

На формирование идей советских экономистов и политических деятелей естественным образом очень существенное влияние оказали условия экономической реальности. Во-первых, была поставлена задача проведения ускоренной индустриализации с последующей реализацией принципа «догнать и перегнать» ведущие капиталистические страны. Хотя термин второй промышленной революции закрепился в отечественной литературе спустя несколько десятилетий, а был «признан» только в перестройку (на Западе сам термин появился в начале XX века, но соответствующие концепции также стали развиваться значительно позже, уже в послевоенное время (Худокормов, 2022); (Гловели и др., 2024)), специфика новых технико-экономических реалий фактически стала учитываться и отдельно изучаться. На уровне теории имел место рост публикаций по осмыслению научных и технологических трансформаций, ход которых следовало направить на обновление отечественной хозяйственной системы на основе государственного планирования. В частности, одним из главных изданий стал журнал «Социалистическая реконструкция и наука», где публиковались материалы по самым различным научным дисциплинам. В числе редакторов и одним из наиболее активных авторов данного журнала был в том числе Н.И. Бухарин. Во-вторых, капитализм переживал невиданный ранее по глубине и продолжительности кризис, Великую депрессию, что создало почву для его более радикальной критики.

Отмечалось, что нынешний кризис является не просто одним из циклических, а становится системным, что свидетельствует о закате всего капитализма. В технико-экономическом базисе в наиболее обостренном виде проявляется основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Ввиду технологического развития доля стоимостного вклада основного капитала становится все больше, что ведет к относительному сокращению переменного капитала. В результате недостаточный спрос с ростом эксплуатации подорывает основу капиталистического воспроизводства³. Новые технологии по своему характеру предполагают применение крупного капитала, что ускоряет процессы

³ Тем самым в наиболее общем виде была изложена суть тенденции нормы прибыли к понижению, описанная К. Марксом (Маркс, 1961, с. 231-292).

монополизации. У крупных компаний появляется рыночная власть, подрывающая исходный рыночный принцип свободной конкуренции. Хотя, согласно закону о неравномерном капиталистическом развитии, это не ведет к ликвидации конкуренции как таковой, она приобретает более деструктивные формы. В результате, в том числе обостряются международные конфликты, усиливается колониальный гнет. В то же время крупное капиталистическое производство выражает собой переходную, подготовительную ступень к социализму, становясь его материальной предпосылкой (Бухарин, 1932а)^{4,5}. Более конкретно, монополии в конкурентной борьбе идут на непроизводительные траты, растрачивая национальный доход. Растут расходы на рекламу, для заманивания потребителя раздувается ассортимент продукции, что сокращает технологический потенциал стандартизации производства (Рубинштейн, 1932). Монополии, обладая и так достаточным уровнем прибыльности, могут избегать рискованных и на первых порах заведомо нерентабельных вложений в новые технологии, задерживая технологическое развитие производства (Щепотьев, 1932).

Использование новых машин при капитализме становится фактором интенсификации труда, большей эксплуатации работников, примитивизации их труда. Отчуждение работника приобретает новые формы. При социализме же машина высвобождает человека, стирая границы между умственным и физическим трудом, что является ключевым механизмом ликвидации остатков классовых противоречий (Бухарин, 1932b); (Зискинд, Лазарев, 1932). Н.И. Бухарин специально подчеркивал технологический аспект, критикуя западных экономистов, «обвинявших» сами машины в кризисных явлениях и росте социальной напряженности, а не капиталистические производственные отношения.

В отношении будущего капитализма советские исследователи рассматриваемого периода выражали радикальную позицию, недооценивая возможности его восстановления и адаптируемости. Ряд явлений, свойственных специфическому периоду в истории капитализма, выдавался за всеобщую долгосрочную тенденцию. Например, специфика технологического развития того времени действительно вела к эффекту замещения работника, сокращению переменной доли капитала. Однако со временем, по мере роста социальной борьбы, а также потребности в более квалифицированных работниках, появилась тенденция к росту доли зарплат в издержках фирм. Кроме того, последующий технологический прогресс в первом подразделении удешевлял средства производства, что стало фактором снижения относительных затрат на основной капитал.

Помимо наблюдаемой беспрецедентной глубины кризиса столь категоричную оценку судьбы капитализма во многом можно объяснить, во-первых, «бескомпромиссной» идеологической составляющей и, во-вторых, реальным мощным энтузиазмом в попытке построить новое общество. Последнее естественным образом вело к чрезмерному оптимизму в отношении потенциала социализма и, соответственно, при сравнении двух систем преувеличивало проблемы капитализма.

⁴ Это максимально близко к ленинскому выражению о социализме как монополии, поставленной на пользу всему обществу (Ленин, 1969, с. 151-199).

⁵ Здесь и далее будут приводиться ссылки на работы, наиболее «концентрированно» выражающие те или иные положения. Однако они не сводятся к позиции отдельных авторов, их можно назвать отражающими общее видение тех или иных вопросов советскими исследователями.

В то же время стали просматриваться определенные ростки новой модели капитализма, которая вывела бы его из депрессии. Главным из них была обозначена милитаризация экономики. Она описывалась в качестве средства приложения как отдельных отраслей, например, химической промышленности (Рубинштейн, 1932), так и в целом способом удовлетворения недостающего в гражданской сфере спроса. Кроме этого, выделялись и другие объективные основы милитаризма, связанные с нарастанием международной напряженности и ростом фашизации (в том числе отдельно говорилось о «фашизирующей» Германии еще до прихода А. Гитлера к власти). В целом можно констатировать, что в советских публикациях еще начала 1930-х годов давались многочисленные прямые и, как оказалось, точные прогнозы наступления новой мировой войны в близкой перспективе (особенно примечательной можно назвать работу Е. Хмельницкой (Хмельницкая, 1932)). Естественным образом это актуализировало проблему производства военной техники в СССР (Бобинский и др., 1931), хотя на первом плане в начале 1930-х гг. ее все же еще не было.

*Технико-экономические трансформации и развитие
материального производства на социалистической основе*

Задачи индустриализации теоретически обосновывались сквозь призму общей логики научно-технического развития. Подход технологического детерминизма не поддерживался (более того, как было отмечено выше, недооценка фактора общественных отношений прямо критиковалась), однако явным образом очерчивались определенные рамки, которые обуславливали направления технологического перевооружения и соответствующие механизмы социально-экономической политики. Множество публикаций носили прикладной характер, где предполагалось воплощение содержащихся в них положений на практике в ближайшее время. Логичным образом, на начальном этапе индустриализации исследовательское внимание было особенно приковано сфере материального производства и в первую очередь отраслям первого подразделения.

Однозначно подчеркивалось, что в противовес традиционной рыночной идеологии поддержки малого бизнеса передовые технологии реализуют себя в тяжелой промышленности и в работе крупных производственных единиц. При этом с точки зрения формирования производственных отношений укрупнение производства предполагает основу обобществления, формирование базы социалистического строительства (Розенталь, 1930); (Бобинский и др., 1931). Основа экономического роста на новом качественном уровне лежит в области первого подразделения, в машиностроении. Должна сформироваться новая производственная база путем ускоренной электрификации, автоматизации, химизации, внедрения конвейерно-поточной системы организации труда (Бобинский и др., 1931); (Бухарин, 1933). Естественным образом на начальном этапе это предполагает ориентацию на приоритетное развитие добывающих отраслей, обеспечивающих сырьевую базу, интенсификацию геологоразведочных работ. Как отмечал А.А. Зернов, в годы первой пятилетки имелся дефицит сырья в металлургии, что тормозило процессы технологического обновления. В то же время само развитие технологий, в частности автоматизация, способствует меньшему потреблению ресурсов (Зернов, 1932).

Говоря отдельно об автоматизации, нужно подчеркнуть, что в работах советских авторов 1930-х годов она понималась иначе, чем в послевоенное время развертывания научно-технической революции. Под ней подразумевался некий дополнительный функционал машин, заменявших ручной труд в ряде «второстепенных» механических операций, которые дополняют основное воздействие машины на предмет труда. В послевоенное же время автор термина «научно-техническая революция» Дж. Бернал автоматизацией называл процесс частичной «замены» умственных операций человека (Бернал, 1956), что получило признание в советской литературе и стало связываться с первыми информационными технологиями, кибернетикой. Автоматизация вкупе с механизацией позволяет усилить эффект непрерывности при конвейерно-поточном производстве (Зворыкин, 1932). Следует отметить работу Ф.Р. Дунаевского, который сделал прогноз о распространении постфорддовской модели производства, развитию заводов-автоматов, используя отдельные примеры из американской практики (Дунаевский, 1932). Данная модель в условиях социализма, предполагающего высвобождение человека в пространство высококвалифицированного творческого труда в противовес ориентации капитализма на интенсификацию труда на конвейере для извлечения прибавочной стоимости, рассматривалась как ключевое преимущество при решении задачи «догнать и перегнать». Такой взгляд, можно сказать, опередил свое время – в советской литературе он станет распространенным через 30-40 лет.

Потенциал химизации, создания более качественных и дешевых материалов виделся в ее повсеместном применении. Внимание к химической промышленности поощрялось и первыми значимыми успехами, такими как освоение производства синтетического каучука уже в первой пятилетке (Лебедев, 1933), и в видении особых преимуществ социализма в данной области, поскольку, как подчеркивалось, при капитализме при всей динамичности развития данной отрасли она сопровождалось неравномерностью, провоцирующей перепроизводство и кризисы (Рубинштейн, 1932). Другие ключевые отрасли будущей научно-технической революции так же освещались, однако поскольку они находились еще на заре своего развития преимущественно в области фундаментальных теоретических разработок, нельзя сказать, что им уделялось большое внимание и давались оптимистичные прогнозы реализации в производстве в ближайшее время. В частности, отмечалось, что наследие К.Э. Циолковского в области ракетостроения очень перспективно, оно имеет сейчас большую важность и «на Земле», однако пока предпосылок для скорого космического запуска нет (Лангемак, 1935). По мере милитаризации производства естественным образом данная сфера получала большой интерес. То же самое касается и освоения атомной энергии, где подчеркивалась теоретическая значимость изучения свойств атома, но перспективные выходы в сферу материального производства еще акцентированно не выделялись (Иоффе, 1932).

Советские авторы 1930-х отмечали преимущества социализма в ускорении развития материального производства в тесной связи с конкретными технологическими условиями. Реализация такого масштабного проекта как электрификация, создание единой энергосистемы, объединяющей крупные взаимозависимые производства виделась значительно более эффективной именно в плановой социалистической экономике (по выражению Н.И. Бухарина, век электричества – это век

социализма), поскольку система капитализма с разрозненными конкурирующими между собой производителями и анархией рынка по своей сущности не ориентирована на такие инфраструктурные мегапроекты. Препятствием также становится нестабильность и непредсказуемость экономики, свойственная капитализму: ограниченный и неустойчивый потребительский спрос и непредсказуемое, движимое решением сиюминутных конъюнктурных задач государственное вмешательство в виде изменения налогообложения, введения пошлин и т.д. Отмечалось, что в западных странах начинают прощупывать возможности использования механизмов планирования, однако реализация таких программ называлась утопичной в силу их прямо противоположного характера относительно законов рынка (Бухарин, 1932b). Как в данной статье отмечалось ранее, значительным препятствием технологического развития при капитализме становится монополизация. Хотя крупные компании, в отличие от мелких, могут позволить себе аккумуляцию больших ресурсов на освоение и внедрение новой техники, они зачастую, особенно в период кризисов, не рискуют вкладываться в новые проекты, поскольку уже извлекают большие прибыли. Кроме того, владельцы производств заинтересованы в сдерживании роста заработной платы, а это, в свою очередь, дестимулирует внедрять новую технику, замещающую дешевый труд. Впоследствии это также ведет к недопотреблению, кризису, простаиванию техники и подрыву источников ресурсов для будущих инвестиций (Бухарин, 1932a).

В планомерном хозяйстве при большой взаимосвязанности крупных производств с иногда очень продолжительным периодом окупаемости полноценно реализуются преимущества технического комбинирования, кооперирования, специализации (Бухарин, 1932b); (Хмельницкая, 1932). Поскольку при социализме отдельное предприятие застраховано от негативных последствий рыночной конъюнктуры, оно может позволить себе высокую степень специализации. Максимальная специализация заводов при выстраивании прочных межотраслевых связей и стандартизация продукции сокращают совокупные издержки, в то время как при капитализме раздробленность производителей и погоня за товарной дифференциацией, уникальным продуктом, который можно запатентовать, препятствуют развитию прогрессивных форм глубокого разделения труда (Бобинский и др., 1931); (Зискинд, Лазарев, 1932). В этих условиях дополнительными преимуществами социализма становится комплексное планирование географического размещения заводов (что также способно решить и социальные задачи в менее развитых регионах), а также гибкая перемещаемость рабочей силы (Зернов, 1932); (Кузнецов, 1932).

Ведущей, направляющей отраслью хозяйства социалистического планирования однозначно выделялась промышленность, а не изначально более массовое по числу работников сельское хозяйство. Во-первых, это было обусловлено ее технологическим «лидерством» и, во-вторых, как отмечал С.Г. Струмилин: «Отправляться в построении плана с того участка, где в наибольшей мере царит косная частнохозяйственная стихия, чтобы затем по законам цепной связи сконструировать и работу наиболее социализированных участков народного хозяйства – это значило бы обеспечить перевес рыночной стихии над планом во всем народном хозяйстве» (Струмилин, 1932, с. 60). В то же время помимо преимуществ и достижений выделялись и недостатки реализуемого на практике планового механизма. В частности,

отмечалась определенная неустойчивость производственных цепочек из-за неравномерности степени и динамики производительности труда на разных ее этапах. Ввиду во многом еще несформировавшейся научной базы проявлялись недостатки технического планирования. Наличие слишком детализированных планов лишало систему планирования гибкости, а также стимулировало отдельные предприятия во избежание срыва плана складировать излишние запасы, что вело, с одной стороны, к недоиспользованию ресурсов и, с другой стороны, к их дефициту (Бухарин, 1933); (Сорокин, 1935).

При решении задач индустриализации, технологической модернизации в непростой международной обстановке естественным образом ставился вопрос необходимости ускоренного импортозамещения, говоря современным языком. Приоритетным при этом выделялось первое подразделение общественного воспроизводства, машиностроение. Теоретически полностью поддерживалась на первых порах политика закупки и освоения зарубежного оборудования при скромном экспортном потенциале (негативные стороны данного процесса, в частности, продажа продуктов первой необходимости при их недостатке внутри страны по понятным идеологическим причинам не афишировалась). Впоследствии, по мере овладения новыми технологиями⁶ подчеркивалась необходимость поддержания собственного производства, обеспечивавшего высокий уровень экономической самодостаточности (Бухарин, 1933).

Основной задачей социализма, как и в другие периоды, советские экономисты называли освобождение человека от эксплуатации, улучшение условий труда, формирование более квалифицированных рабочих мест. Подчеркивалось, что автоматизация на основе электрификации при социализме способна ликвидировать низкоквалифицированный труд, в то время как капитализм останавливается на полпути. С одной стороны, капитал заинтересован в росте производительности, вводятся новые машины. С другой стороны, источником прибавочной стоимости является человеческий труд, поэтому простая низкооплачиваемая работа, уже более интенсивная, не должна полностью замещаться. При этом рабочие зачастую противятся внедрению новой техники, так как часть из них все же будет заменена машиной, и люди останутся без источника заработка, в то время как другая часть будет еще больше отчуждена от продуктов своего труда и испытает ухудшение своего положения на рабочем месте (Зворыкин, 1932); (Сорокин, 1935)⁷. В СССР же человек становится не «рабом машины», а «директором станка» (Зискинд, Лазарев, 1932). Советские авторы отмечали и более широкие направления повышения качества жизни, хотя в 1930-е гг. акцент на этом был намного меньший, чем в последующие этапы. К примеру, ставились вопросы развития общественной инфраструктуры, которая, в частности, выводила бы женщин из «кухонного рабства», облагораживания территорий, улучшения рабочего пространства (Зискинд, Лазарев, 1932); (Рубинштейн, 1935). Капитализм же многие технологические нововведения направляет на жесткий контроль за работниками с целью повышения интенсификации их труда (Бухарин, 1932а).

⁶ Переломным моментом можно назвать вторую пятилетку (Розенфельд, Клименко, 1961).

⁷ В данном случае нет принципиальных отличий от видения К. Марксом последствий промышленной революции, описанной в главе «Машины и крупная промышленность» первого тома «Капитала» (Маркс, 1960, с. 382-515).

Снятие отчуждения виделось и в качественно иных возможностях низового управления на рабочих местах, более прогрессивных формах стимулирования роста производительности по сравнению с жесткой капиталистической конкуренцией (хотя инструменты материального стимулирования, премирования в ограниченных масштабах также поощрялись). Поддерживались формы социалистического соревнования, ударничества, разработки встречных планов (Бобинский и др., 1931). Примером прогрессивной созидательной мотивации выделялось стахановское движение, в основе которой лежали энтузиазм, активное рационализаторство на рабочих местах, оптимизация рабочего времени (при этом отмечалось, что пока оно значительно распространено лишь в добывающих отраслях). Одновременно с этим критиковалась имевшая место в хозяйственной практике инерционность управляющих работников, директоров на местах в вопросе внедрения новой техники. Отмечалось сохранение устаревших технических норм, ориентированных на менее квалифицированный труд (Каганович, 1935); (Сорокин, 1935).

Отдельно стоит выделить ключевые подходы советских исследователей в вопросах развития сельского хозяйства. Техническая революция, ускоренная механизация, электрификация и автоматизация (хотя в силу специфики производственного процесса в данной отрасли потенциал автоматизации виделся значительно меньшим, чем в промышленности) являются основой ликвидации противоречий между городом и деревней (Бобинский и др., 1931). Подчеркивалось, что политика коллективизации проводится не автономно, а в связи с индустриализацией, так как создает аналогичную промышленным организационную форму производственных единиц для использования преимуществ крупных производств фабричного типа на основе новой техники. Кроме того, акцентировалось внимание на задачах ускоренного производства искусственных удобрений, развития растениеводства. Сельское хозяйство выделялась как отстающая сфера, где схожие относительно промышленности проблемы проявляют себя более остро. При капитализме данная отрасль в силу специфики процесса производства и спроса на готовую продукцию имеет меньше ресурсов для инвестиций, что еще больше препятствует рискованному и затратному внедрению новой техники. В условиях же советской практики в силу большего консерватизма деревни имеет место меньшая готовность принимать как технические, так и организационные нововведения (Рутгерс, 1934).

Интеграция производства, науки, образования и развитие человеческого потенциала

Новый этап развития технологий предполагает более тесную и уже непрерывную связь научных исследований и производства, что регулярно стало подчеркиваться в работах советских авторов 1930-х гг. Наука выделялась как составная часть производственного процесса⁸. Ставилась задача обратить работу НИИ на производственные нужды конкретных заводов, «обинженерить» науку, стимулируя также и сами заводы на тесную взаимосвязь с НИИ (Бухарин, 1932а). Поощрялось развитие института хоздоговоров НИИ, что повышало их заинтересованность в реализации новых разработок на производстве. Наиболее значительные успехи в

⁸ Это очень близко к формулировке более поздних периодов о науке как непосредственной производительной силе. В целом о наследии советских экономистов послевоенного времени, касающихся проблем научно-технического прогресса см. в (Маслов, 2021b).

этом процессе проявили себя в тяжелой промышленности. Особо подчеркивалась важность поддержания и развития международных научных связей, несмотря на напряженную геополитическую обстановку (Бухарин, 1934).

Одновременно с этим по отношению к области науки, пересечении науки и производства, активно высвечивались различные недостатки, проявлявшиеся на практике. В наполнении кадрами наука сильно отстает от промышленности при своем малом пополнении бывшими представителями рабочего класса, крестьянства. Как следствие, исследовательская переориентация на решение прикладных производственных задач негативным образом влияет на фундаментальные теоретические области (Шмидт, 1930). Отмечалось, что реальная связь НИИ с производством еще недостаточно тесна, представители обеих сторон нередко демонстрируют определенную инерционность, консерватизм. К примеру, даже при создании и поставке нового сложного оборудования проявляется нехватка квалификации рабочих завода для его освоения. При этом при всех положительных сторонах хозяйственной системы в ней проявляется недостаток чрезмерного обращения к слишком узким и не имеющим серьезного значения вопросам ввиду заинтересованности институтов в сиюминутной выгоде. В целом, еще имеет место разобщенность между производством, НИИ, вузами и втузами (Бухарин, 1933).

Очень важной проблемой является недостаток качественного отслеживания непосредственной работы институтов, что затрудняет работу еще и без того неотлаженной и недостаточно развернутой системы планирования в области исследований («руль слишком сильно повернут в сторону производства»). Это усугубляется тем, что сфера умственного труда, где сложнее непосредственно отследить реальную эффективность работы, дает большее пространство для «бюрократических извращений». Нередко происходит тяготение к учету «формальных достижений» (количество статей, проведенных конференций и т.д.) без должной оценки качественной стороны. Современное планирование науки нужно сдвинуть от чрезмерной детализации при решении относительно второстепенных вопросов к более крупным фундаментальным проблемам. При необходимости количественного роста НИИ, их географического расширения, децентрализации одновременно следует сокращать институты-«пустышки», чья деятельность уже не отвечает вызовам времени (Бухарин, 1933).

Поскольку наука становится более сращенной с производством, естественным образом и сфера образования играет все большую роль в устойчивом воспроизводстве национальной экономической системы, становясь приоритетом национального развития. Еще до периода политики ускоренной индустриализации, в середине 1920-х гг. С.Г. Струмилин статистически обосновал многократные размеры экономической окупаемости от массовых образовательных программ (Струмилин, 1924). По мере развития новых технологий повышается роль человека, его уникальных качеств и умений. Требуется более квалифицированный, разносторонний по своим способностям работник, готовый оперативно переключаться на новый тип задач. На смену лозунгу «техника решает все» приходит «кадры решают все» (Рубинштейн, 1935). В то же время указывалось наличие и противоположной тенденции, которую нужно учитывать. А именно, более совершенные, узкоспециализированные станки могут и понижать требования к рабочей силе, поскольку упрощают трудовые операции. Тем самым нужно ставить вопрос каким образом переключить работника

на новые, более сложные задачи, чтобы не растрчивать впустую его человеческий потенциал (Зернов, 1932). Преимущество социализма в данном случае состоит в возможностях планомерного становления системы массового образования, нацеленного на формирование всестороннее развитых личностей с высоким творческим потенциалом. Капитализм же, движимый более узкими и краткосрочными задачами извлечения прибыли, отстает от вызовов времени, ориентируясь на подготовку узкоспециализированных кадров. Кроме того, при капитализме в образовании ограничивается расширение кругозора, формируется более скудная картина мира, что препятствует развитию личности человека, но «страхует» капитализм от вовлечения населения в протестную политическую активность (Рубинштейн, 1935).

Среди проблем сферы образования прежде всего выделялся дефицит кадров, особенно преподавательских. Констатировалось, что преподавание гуманитарных дисциплин значительно отстает от естественных наук (Стецкий, 1935). В частности, в политической экономии до сих пор не выработана фундаментальная теория советского социалистического хозяйства. В преподавании сохраняется схематизм, декларативность, оторванность от конкретных исторических практик. Примечательна такая цитата из работы А.И. Стецкого: «Наши преподаватели почему-то тщательнейшим образом избегают иллюстраций, избегают примеров. Между тем это имеет самое существенное значение, и такого рода иллюстрации нужны не только в учебниках экономики советского хозяйства, но и в учебниках философских, в учебниках по историческому и диалектическому материализму, которые носят точно так же чрезвычайно сухой, абстрактный, схоластический характер... Замечается какое-то бегство от конкретных иллюстраций, нежелание наполнить конкретным содержанием изложение тех или других философских проблем. У нас, например, исторический материализм совершенно отрывают от исторического материала и превращают его во что-то чрезвычайно отвлеченное, сухое. Живая наука об историческом развитии общества совершенно оторвана от исторического материала» (Стецкий, 1935, с. 57). Данное замечание применимо и к современности. Однако если ранее, применительно к экономике прежде всего ставился вопрос об абстрактном и декларативном преподавании политической экономии, что сдерживает раскрытие этой дисциплины перед обучающимися, то сейчас справедливо говорится о чрезмерно абстрактном, упрощенном, недостаточно связанном с куда более сложной и противоречивой действительностью содержанием экономического «мейнстрима» как такового (см., например, (Fine, Milonakis, 2009)).

Уникальной особенностью рассматриваемого периода является большой акцент на воспитательной и идеологических компонентах обучения. Отмечалось, что нужно повышать политическую сознательность рабочих, чтобы в перспективе перейти на рабочее самоуправление с постепенной ликвидацией института государства как такового (Зискинд, Лазарев, 1932). Ключевой задачей выступает дальнейшее развитие институтов красной профессуры, усиление принципа партийности в образовании (Стецкий, 1935). В процессе повышения идейно-культурного уровня работников появляются препятствия, связанные с классовыми противоречиями. К примеру, крестьянство больше тяготеет к воспроизводству различного рода устаревших привычек, прежних ориентиров, чем рабочий класс (Рубинштейн, 1935). В публикациях имели место и более категоричные положения. Авангардом прогрессивных изменений однозначно провозглашался рабочий класс (что значи-

тельно отличается от исходной, более «консолидирующей» ленинской формулы союза рабочего класса и крестьянства). Сфера науки и техники остается предметом классовой борьбы, проявляет себя недостаток ученых, имеющих пролетарское происхождение. Верхняя прослойка инженеров может играть роль «обманщиков», тормозить научно-техническое развитие, потеряв свое былое особо привилегированное положение в социальной структуре (Розенталь, 1930); (Шмидт, 1930).

Развитие человеческого потенциала на разных уровнях можно назвать более комплексной, долгосрочной задачей, чем совершенствование производственных механизмов на уже заданной к определенному моменту технологической основе. Сложнее выработать критерии эффективности, контролировать качество творческого по своему содержанию труда. Неудивительно, что советские авторы сравнительно много писали о текущих практических проблемах. На теоретическом уровне были выделены важные предпосылки новой роли фундаментальных и прикладных исследований, интеграции производства, науки и образования, предвосхищены положения, раскрытые уже в послевоенное время научно-технической революции. Особенностью рассматриваемого этапа стало большое внимание важному вопросу стимулирования и мотивации к труду в различных социальных группах. Впрочем, ряд подходов в данном случае можно охарактеризовать как слишком обобщающие и категоричные, что было обусловлено политико-идеологической опорой на классический пролетариат.

Выводы

Спустя практически 100 лет сложно дать однозначную оценку теоретического наследия советских экономистов и политических деятелей. Как и весь период, это наследие можно назвать очень противоречивым. Стране с изначально слабым материальным базисом при всех проблемах, особенно в первой пятилетке, удалось в кратчайшие сроки нарастить промышленный потенциал на новом технологическом уровне, обеспечить динамичный рост доходов населения. Выдающимся проектом стало создание масштабной сети научных, образовательных учреждений, что позволило вывести огромные массы населения из неграмотности, развить человеческий потенциал, обеспечивший впоследствии большие достижения в науке и технике⁹. Послереволюционный энтузиазм, связанный с резким ростом социальной мобильности, надеждами на построение общества без социального отчуждения, нашел свое воплощение и развитие в освоении новой техники, масштабном строительстве, разработке новых месторождений, исследовательской, педагогической работе и многих других сферах. Одновременно с этим в грубых формах усиливалось идеологическое давление, развивался и активизировался репрессивный

⁹ Объем промышленного производства вырос с 1928 по 1940 в 6,5 раз (в том числе по группе «Б» в 4,2 раза) (Белоусов, 2002, с. 319). За это же время потребление электроэнергии увеличилось в 9,7 раз, производительность труда в промышленности в 3,4 раза (Там же, с. 344). С 1929 по 1939 г. рост народного дохода на душу населения в постоянных ценах составил 3,4 раза (Там же, с. 315). С 1928 по 1941 гг. численность школ выросла со 119 до 191 тыс., число учителей с 347 тыс. до 1,216 млн (Там же, с. 321). В 1928-м году в вузы на очное отделение было принято 42,8 тыс. студентов, в 1940-м – 263,4 тыс. (Там же, с. 322). Для соотношения роста абсолютных показателей с ростом численности населения стоит указать, что население СССР с 1928 по 1940 гг. выросло со 151,6 млн человек до 192,6 млн, то есть прирост составил 1,27 раз (Там же, с. 329). Автор книги, на которую дается ссылка, Р.А. Белоусов, делает оговорку, что вероятно определенная погрешность в ряде количественных показателей, но более точных и достоверных исходных данных им не обнаружено.

аппарат, нередко принимались волюнтаристские решения, институты реальной низовой демократии стали подавляться, по большому счету, не успев и развиваться. Вместо ленинской формулы союза рабочих и крестьян, как справедливо отмечает Р.А. Белоусов, неравновесие между городом и деревней стало усиливаться (Белоусов, 2002). При всех достижениях в области механизации труда на селе жесткие меры реализации политики коллективизации и извлечения большого объема продукции в пользу города привели к стагнации отрасли¹⁰, недостатку воспроизводственных ресурсов, что привело к массовому голоду.

Исследовательские разработки носили на себе отпечаток эпохи со всей ее спецификой. С одной стороны, тексты работ были ориентированы на решение конкретных острых задач, стоявших перед страной, имело место глубокое погружение в рассматриваемый объект с активным использованием зарубежного опыта, выделением новизны и выходом на практику (особенно это касается статей с большим техническим уклоном), предвосхищением тенденций, которые полноценно станут заметны позже. Как представляется, по сравнению с более поздними советскими периодами была меньшей доля публикаций, воспроизводящих в размытом виде уже давно известные положения по «модной» теме. С другой стороны, даже на коротком промежутке первой половины 1930-х годов явно прослеживается тенденция более частых дежурных реверансов в сторону власти и лично И.В. Сталина, догматического воспроизводства партийных идеологических установок в порой довольно агрессивной для исследовательских текстов риторике, механистичного и огрубленного использования марксистско-ленинских положений, тенденциозного преувеличения проблем капитализма и преимуществ социализма.

Предмет публикаций тесно пересекался с материалами XVI и XVII съездов ВКП(б) 1930-го и 1934-го годов, имела место тесная содержательная сращенность партийных установок и научных исследований (XVI съезд..., 1930); (XVII съезд..., 1934). В качестве небольших содержательных отличий можно отметить бóльший акцент на угрозах войны и необходимости подготовки к ней, а также политических сторонах экономических процессов (в том числе это касается борьбы с «правой оппозицией» и пережитками досоциалистической системы) в выступлениях на съездах.

Естественным образом главным предметом стала сфера материального производства. Акцент на добывающих отраслях, на тяжелой промышленности был предопределен технико-экономическими реалиями и задачами индустриализации. Тезис об отмирании мелкого производства в контексте роста технологических нововведений, как показала история, оказался как минимум очень поспешным. В то же время можно говорить об определенном циклическом процессе. Если в середине XX века действительно крупное индустриальное производство концентрировалось в себе передовые технологии, то последующая информационная революция с ее миниатюризацией производства, ускоренным развитием сферы услуг дала толчок развитию малого инновационного бизнеса. Однако в настоящее время, в эпоху наступления четвертой промышленной революции (Schwab, 2017), вновь передовые наукоемкие области главным образом контролируются компаниями-гигантами¹¹, что также обусловлено технологической составляющей. К примеру, развитие

¹⁰ Темп роста производства сельскохозяйственной продукции с 1928 по 1940 гг. составил всего 1,3 раза (Белоусов, 2002, с. 319).

¹¹ Это отражается и в представительстве высокотехнологичных фирм в рейтинге компаний с наибольшей капитализацией. См. рейтинг Fortune 500. URL: <https://fortune.com/ranking/global500/> (дата обращения: 7.10.2024).

искусственного интеллекта подразумевает продолжительную работу с огромным объемом данных. Разработка новых материалов, лекарств, медицинского оборудования требует больших производственных ресурсов, а затраты на современные исследовательские проекты требуют крупных капиталов. При всем разнообразии продукции сохраняются преимущества стандартизации производства, эффектов масштаба.

Такие трансформации актуализируют ряд положений рассматриваемых советских исследователей. Хотя прогрессивные стороны процесса рыночной конкуренции были затушеваны, отмеченные негативные последствия проявляются и в наше время. Так, по мере роста «запаса прочности» крупные компании начинают меньше инвестировать в перспективные разработки¹². В мире информационного шума большие ресурсы расходуются на маркетинг, рекламу вместо дальнейшего улучшения технических характеристик продукта. Многие технологические нововведения не оборачиваются существенным ростом благосостояния широких слоев населения, а приводят к росту интенсификации порой примитивного труда¹³.

Для устойчивого инновационного процесса в наши дни требуется создание технической инфраструктуры, поддерживающей новый тип технологий, которая ранее проводилась в виде электрификации. Как пронципально отмечали советские экономисты уже послевоенного времени, такую роль выполняет автоматизация (Камаев, 1972); (Волков, 1976), что сегодня воплощается через всеобщее распространение различного вида информационных технологий и в науке, и в производстве. Развитие инфраструктурных проектов, сглаживание рыночных диспропорций в динамичной инновационной экономике, поддержка наиболее перспективных отраслей и торговых связей в настоящее время сопровождается более активной ролью государства. Расширяются формы государственно-частного партнерства, используются механизмы индикативного планирования, особенно в «догоняющих» странах. Тем самым советские экономисты 1930-х годов, недооценив адаптируемость капитализма, все же нащупали ряд системных изъянов рыночной системы по мере развития новых технологий, вызывающие необходимость вмешательства внешней силы, государства.

Внимание к более широким, непосредственно неэкономическим критериям качества жизни в текстах 1930-х в условиях еще недостаточной материальной основы уделялось меньше, чем, например, в позднесоветских работах, но вопросы об освобождении человека для более творческой деятельности, всестороннего развития личности также ставились в качестве имманентных социализму целей. Проблемы воспитания личности с классовых позиций, рассмотрение роли классовой структуры с продолжающейся, порой и незримой, классовой борьбой в контексте научно-технического, экономического развития страны отражались в связи с общим настроением эпохи, и применительно к современности это во многом кажется анахронизмом. Однако при этом нужно сказать, что в наше время во многих странах, в том числе в России, имеет место очень неоднородная социальная структура. Без учета этого едва ли можно выработать эффективную и гибкую программу

¹² Diez F., Leigh D. Chart of the Week: The Rise of Corporate Giants. Сайт МВФ. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2018/06/06/blog-the-rise-of-corporate-giants> (дата обращения: 7.10.2024).

¹³ Характерным и известным примером является система наблюдения за работниками компании Amazon. См. Большой брат не дремлет: как Amazon усиливает контроль за сотрудниками. Сайт РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617a56829a79475f60332969> (дата обращения: 7.10.2024).

социально-экономического развития. По мере роста производительности труда и достижения высокого уровня благосостояния в ведущих странах ставятся вопросы об удовлетворении более широких, нематериальных потребностей (создание благоприятной окружающей среды, улучшение условий труда, решение экологических проблем и т.д.). Решение таких вопросов выходит за рамки «рыночноцентричных» экономических моделей, нацеленных на максимизацию экономической выгоды. В данном случае требуется более широкий междисциплинарный подход, которого придерживались в том числе советские экономисты. Таким образом, важно обращаться к политэкономической методологии по изучению неоднородного общества, внутри которого может сосуществовать множество противоположных общественных интересов, а также использовать политэкономический инструментарий при выработке широких целей производства, путей их достижения с соответствующей системой стимулов.

Переход на новый технологический уровень меняет требования к системе подготовки кадров, образования, науки. Советские исследователи 1930-х годов столкнулись с грандиозным вызовом проведения фактически революции в сфере развития человеческого потенциала. Сложность и новизна задач обусловили освещение очень широкого круга вопросов, необходимость нахождения путей разнообразного круга проблем от интеграции научной работы с производством, разработки учебных программ до вопросов бюрократии внутри учреждений на местах. Нужно при этом отметить, что сфера развития человеческого потенциала при всех современных тенденциях маркетизации во многом находится «по ту сторону» рынка с коммерческими отношениями купли-продажи, существенным образом управляясь и поддерживаясь государством (особенно в сфере фундаментальных уровней науки и образования (Яковлева, 2022)). Таким образом, различие способов производства в нашей стране сегодня и в 1930-х гг. в данном случае существенно меньше влияет на возможности заимствования теоретического и практического опыта прошлого. Отдельно следует выделить изложенный советскими исследователями тезис о важности комплексного образования, ориентированного на развитие творческих навыков, умении осваивать решение новых задач на междисциплинарном уровне. Это полностью соответствует требованиям современности, когда научное знание постоянно обновляется, переплетается между разными областями, и очень быстро материализуется в производстве.

Наконец, переходя к специфике современности и задач, стоящих перед нашей страной в настоящее время, важно отметить качественный анализ международных противоречий, осуществленный советскими авторами. Ими удалось сделать многие точные прогнозы, в том числе и трагичные, касающиеся предпосылок новой мировой войны. Значительным образом на этой основе были выработаны ключевые направления социально-экономической политики. Одно из них состояло в политике импорта и последующего освоения передовых технологий, оборудования с последующим развитием собственного достаточного для экономической безопасности производства. Сегодня в условиях санкционного давления и роста протекционистских практик стоит вызов перехода на новую экономическую модель, ориентированную на производство продукции с высокой добавленной стоимостью в широком отраслевом спектре, обеспечивающей технологический суверенитет. Как и в начале 1930-х, в нашей стране имеет место недостаток исходной техно-

логической базы. Как представляется, сейчас так же важно использовать сохраняющиеся возможности заимствования зарубежных технологий в начале процесса технического перевооружения. При этом такая импортная политика должна играть вспомогательную, ограниченную по срокам роль, а не закрепляться как системная основа воспроизводства национальной экономики. Таким образом, в настоящее время важно развивать опыт политэкономической исследовательской традиции и в данных вопросах, связанных с международными аспектами, ввиду сходства внешних условий и задач национального развития.

ЛИТЕРАТУРА

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.–Л.: ГИЗ, 1930. – VIII, 782 с.

XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. – 716 с.

Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. М.: ИздАТ, 2002. – 400 с.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – 735 с.

Бобинский С., Бурдянский И., Дзевис О., Кольман Э., Милонов Ю., Рубинштейн М., Галь Б. Задачи теоретического фронта в области техники и технической политики // Вестник Коммунистической академии. 1931. № 1. С. 60-69.

Бухарин Н.И. Техника и экономика современного капитализма // Социалистическая реконструкция и наука. 1932а. № 3. С. 8-40.

Бухарин Н.И. Мировой кризис, СССР и техника // Социалистическая реконструкция и наука. 1932b. № 9-10. С. 3-22.

Бухарин Н.И. Техническая реконструкция и текущие проблемы научно-исследовательской работы // Социалистическая реконструкция и наука. 1933. № 1. С. 5-35.

Бухарин Н.И. Научно-техническое обслуживание промышленности // Социалистическая реконструкция и наука. 1934. № 3. С. 3-20.

Волков Г.Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М.: Политиздат, 1976. – 335 с.

Гловели Г.Д., Зайцева М.С., Минаева Е.А. Концепция промышленных революций: вклад Н. Винера и А.И. Анчишкина // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 2. С. 86-102. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102

Дунаевский Ф.Р. После-фордская техника. Завод-автомат // Социалистическая реконструкция и наука. 1932. № 3. С. 114-127.

Зворыкин А. О непрерывном потоке в каменноугольной промышленности // Большевик. 1932. № 7. С. 29-45.

Зернов А.А. Итоги и задачи советского станкостроения // Социалистическая реконструкция и наука. 1932. № 9-10. С. 81-93.

Зискинд А.В., Лазарев Н.Н. Научно-исследовательская работа в тяжелой промышленности во второй пятилетке // Социалистическая реконструкция и наука. 1932. № 6. С. 128-141.

Иоффе А.Ф. Атомное ядро // Социалистическая реконструкция и наука. 1932. № 6. С. 26-47.

Каганович М. Стахановское движение и задачи командиров промышленности // *Большевик*. 1935. № 23-24. С. 17-32.

Камаев В.Д. Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности. М.: Мысль, 1972. – 261 с.

Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2021. Т. 18. № 2. С. 34-47. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-34-47

Кузнецов Б.Г. Энергетические ресурсы СССР и роль электропередач в их использовании // *Социалистическая реконструкция и наука*. 1932. № 3. С. 76-91.

Лангемак Г.Э. Ракеты Циолковского // *Социалистическая реконструкция и наука*. 1935. № 9. С. 32-40.

Лебедев С.В. О синтетическом каучуке и о создании промышленности синтетического каучука в СССР // *Социалистическая реконструкция и наука*. 1933. № 1. С. 127-136.

Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. В.И. Ленин. ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. М: Издательство политической литературы, 1969. – VII, 585 с.

Маркс К. Капитал. Т. I. К. Маркс, Ф. Энгельс. ПСС. Изд. 2-е. Т. 23. М: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 907 с.

Маркс К. Капитал. Т. III. Маркс, Ф. Энгельс. ПСС. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 1. М: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 545 с.

Маслов Г.А. Теория технологических укладов: осмысливая смены волн глобализации // *Проблемы современной экономики*. 2021а. № 1. С. 65-70.

Маслов Г.А. Научно-технический прогресс и преимущества социализма: эволюция советской экономической мысли // *Вестник Московского университета*. Серия 6: экономика. 2021б. № 3. С. 20-42. DOI: 10.38050/01300105202132

Розенталь К. О новом этапе (доклад и прения) // *Вестник Коммунистической академии*. 1930. № 37-38. С. 43-123.

Розенфельд Я.С., Клименко К.И. История машиностроения СССР. М: изд-во АН СССР, 1961. – 499 с.

Рубинштейн М. Вопросы технической реконструкции во второй пятилетке // *Большевик*. 1932. № 7. С. 11-28.

Рубинштейн М. Борьба за социалистические кадры // *Большевик*. 1935. № 12. С. 46-62.

Рутгерс С.В. Новые фабричные методы в полеводстве // *Социалистическая реконструкция и наука*. 1934. № 3. С. 63-84.

Сорокин М. Старое и новое во взглядах на технику, технические нормы и проектные мощности // *Большевик*. 1935. № 23-24. С. 61-69.

Стецкий А. Об институтах Красной профессуры // *Большевик*. 1935. № 23-24. С. 40-60.

Струмилин С.Г. Хозяйственное значение народного образования. М.; Л.: Экономическая жизнь, 1924. – 63 с.

Струмилин С.Г. Проблемы планирования в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1932. – 541 с.

Хмельницкая Е. Военная индустрия капиталистических стран // *Большевик*. 1932. № 7. С. 46-60.

Худокормов А.Г. История второй промышленной революции (в помощь лектору) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. Т. 14. № 4. С. 24-41. DOI: 10.38050/2078-3809-2022-14-4-24-41

Шмидт О. Проблема научных кадров // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 37-38. С. 15-23.

Щепотьев К. Добыть девяносто миллионов тонн угля в 1932 году // Большевик. 1932. № 7. С. 76-85.

Яковлева Н.Г. Образовательный империализм: вызовы развитию человеческого потенциала // Вопросы политической экономии. 2022. № 3. С. 58-75. DOI: 10.5281/zenodo.7278269

Fine B., Milonakis D. From political economy to economics: Method, the social and the historical in the evolution of economic theory. London and New York: Routledge, 2009. – 368 p.

James H. Deglobalization: The Rise of Disembedded Unilateralism. Annual review of financial economics. 2018. Vol. 10. Pp. 219-237. DOI: 10.1146/annurev-financial-110217-022625

Paul T.V. The Specter of Deglobalization. Current History. 2023. Vol. 122. № 840. Pp. 3–8. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. London: Penguin Books, 2017. – 192 p.

Информация об авторе

Маслов Глеб Андреевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН, Москва, Россия.

(E-mail: glemiach@yandex.ru) (elibrary AuthorID: 1010122) (ORCID: 0000-0002-4955-2303)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). Verbatim report. M.–L.: GIZ, 1930. – VIII, 782 p.

XVII Congress of the All-Union Communist Party (b), January 26 - February 10, 1934. Verbatim report. – M.: Partizdat, 1934. – 716 p.

Belousov R.A. The economic history of Russia: the XX century. M.: Izdat, 2002. – 400 p. (In Russ.)

Bernal J. Science in the History of Society. M.: Izd-vo inostranoj literatury, 1956. – 735 p. (In Russ.)

Bobinsky S., Burdyansky I., Deviz O., Kolman E., Limonov Yu., Rubinstein M., Gal B. Challenges of the theoretical front in the field of technology and technical policy. Vestnik Kommunisticheskoy akademii=Bulletin of the Communist Academy. 1931;(1):60-69. (In Russ.)

Bukharin N.I. Technique and economy of modern capitalism. Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka=Socialist reconstruction and science. 1932a;(3):8-40. (In Russ.)

Bukharin N.I. The world crisis, the USSR and technology. Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka=Socialist reconstruction and science. 1932b;(9-10):3-22. (In Russ.)

Bukharin N.I. Technical reconstruction and current problems of scientific research. *Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka*=Socialist reconstruction and science. 1933;(1):5-35. (In Russ.)

Bukharin N.I. Scientific and technical maintenance of industry. *Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka*=Socialist reconstruction and science. 1934;(3):3-20. (In Russ.)

Dunaevsky F.R. Post-Ford technology. Automatic factory. *Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka*=Socialist reconstruction and science. 1932;(3):114-127. (In Russ.)

Fine B., Milonakis D. From political economy to economics: Method, the social and the historical in the evolution of economic theory. London and New York: Routledge, 2009. – 368 p.

Gloveli G.D., Zaitseva M.S., Minaeva E.A. The concept of industrial revolutions: the contribution of N. Wiener and A.I. Anchishkin. *Voprosy teoreticheskoy jekonomiki*=Problems in theoretical Economics. 2024;(2):86-102. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102 (In Russ.)

Ioffe A.F. Atomic nucleus. *Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka*=Socialist reconstruction and science. 1932;(6):26-47. (In Russ.)

James H. Deglobalization: The Rise of Disembedded Unilateralism. *Annual review of financial economics*. 2018;(10):219-237. DOI: 10.1146/annurev-financial-110217-022625

Kaganovich M. Stakhanov movement and challenges for commanders of industry. *Bol'shevik=Bolshevik*. 1935;(23-24):17-32. (In Russ.)

Kamaev V.D. Modern scientific and technical revolution: economic forms and patterns. M.: Mysl', 1972. – 261 p. (In Russ.)

Khmel'nitskaya E. The military industry of capitalist countries. *Bol'shevik=Bolshevik*. 1932;(7):46-60. (In Russ.)

Khudokormov A.G. The history of the second Industrial Revolution (to help the lecturer). *Nauchnye issledovanija jekonomicheskogo fakul'teta. Jelektronnyj zhurnal=Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal*. 2022;14(4):24-41. DOI: 10.38050/2078-3809-2022-14-4-24-41 (In Russ.)

Komolov O.O. Deglobalization: new trends and challenges to the world economy. *Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plehanova=Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2021;18(2):34-47. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-34-47 (In Russ.)

Kuznetsov B.G. Energy resources of the USSR and the role of power transmission in their use. *Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka*=Socialist reconstruction and science. 1932;(3):76-91. (In Russ.)

Langemak G.E. Tsiolkovsky rockets. *Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka*=Socialist reconstruction and science. 1935;(9):32-40. (In Russ.)

Lebedev S.V. On the synthetic rubber and the creation of the synthetic rubber industry in the USSR. *Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka*=Socialist reconstruction and science. 1933;(1):127-136. (In Russ.)

Lenin V.I. The Impending Catastrophe and How to Combat It. V.I. Lenin. The complete works. Fifth edition. Vol. 34. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969. – VII, 585 p. (In Russ.)

Marx K. Capital. Vol. I. K. Marx, F. Engels. The complete works. Fifth edition. Vol. 23. M: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960. – 907 p. (In Russ.)

Marx K. Capital. Vol. III. K. Marx, F. Engels. The complete works. Fifth edition. Vol. 25. Part 1. M: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961. – 545 p. (In Russ.)

Maslov G.A. Theory of technological structures: comprehending the changing waves of globalization. Problemy sovremennoj jekonomiki=Problems of the modern economy. 2021a;(1):65-70. (In Russ.)

Maslov G.A. Scientific and technical progress and the advantages of socialism: the evolution of Soviet economic thought. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: jekonomika=Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics. 2021b;(3):20-42. DOI: 10.38050/01300105202132 (In Russ.)

Paul T.V. The Specter of Deglobalization. Current History. 2023;122(840):3-8. DOI: 10.1525/curh.2023.122.840.3

Rosenfeld Ya.S., Klimenko K.I. History of mechanical engineering of the USSR. M: izd-vo AN SSSR, 1961. – 499 p. (In Russ.)

Rosenthal K. On the new stage (report and debate). Vestnik Kommunisticheskoy akademii=Bulletin of the Communist Academy. 1930;(37-38):43-123. (In Russ.)

Rubinstein M. Issues of technical reconstruction in the second five-year plan. Bol'shevik=Bolshevik. 1932;(7):11-28. (In Russ.)

Rubinstein M. The struggle for socialist cadres. Bol'shevik=Bolshevik. 1935;(12):46-62. (In Russ.)

Rutgers S.V. New factory methods in field production. Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka=Socialist reconstruction and science. 1934;(3):63-84. (In Russ.)

Schmidt O. The problem of scientific personnel. Vestnik Kommunisticheskoy akademii=Bulletin of the Communist Academy. 1930;(37-38):15-23. (In Russ.)

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. London: Penguin Books, 2017. – 192 p.

Shchepotyev K. To extract ninety million tons of coal in 1932. Bol'shevik=Bolshevik. 1932;(7):76-85. (In Russ.)

Sorokin M. Old and new in views on technology, technical standards and design capacities. Bol'shevik=Bolshevik. 1935;(23-24):61-69. (In Russ.)

Stetskiy A. On the institutes of the Red Professorship. Bol'shevik=Bolshevik. 1935;(23-34):40-60. (In Russ.)

Strumilin S.G. The economic importance of public education. M.; L.: Economic life, 1924. – 63 p. (In Russ.)

Strumilin S.G. Problems of planning in the USSR. M.: Izd-vo An SSSR, 1932. – 541 p. (In Russ.)

Volkov G.N. The origins and horizons of progress. Sociological problems of the development of science and technology. M.: Politizdat, 1976. – 335 p. (In Russ.)

Yakovleva N.G. Educational imperialism: challenges to human potential development. Voprosy politicheskoy jekonomii=Problems in political economy. 2022;(3):58-75. DOI: 10.5281/zenodo.7278269 (In Russ.)

Zernov A.A. Results and objectives of the Soviet machine tool industry. Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka=Socialist reconstruction and science. 1932;(9-10):81-93. (In Russ.)

Ziskind A.V., Lazarev N.N. Research work in heavy industry in the second five-year plan. Socialisticheskaja rekonstrukcija i nauka=Socialist reconstruction and science. 1932;(6):128-141. (In Russ.)

Zvorykin A. On the continuous flow in the coal industry. Bol'shevik=Bolshevik. 1932;(7):29-45. (In Russ.)

Information about the author

Gleb A. Maslov – Cand. of Economic Sc., Senior Researcher at the Center for Methodological and Historico-Economic Studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

(E-mail: glemiach@yandex.ru) (elibrary AuthorID: 1010122) (ORCID: 0000-0002-4955-2303)

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024; одобрена после рецензирования: 30.10.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

УДК: 338; 339.9

DOI: 10.5281/zenodo.14509501 <https://zenodo.org/record/14509501>

СРАВНЕНИЕ ДИНАМИКИ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОЩИ СССР И США: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Чен Эньфу¹

главный профессор Университета Китайской академии общественных наук (UCASS), академик Китайской академии общественных наук (CASS), директор Центра исследований экономического и социального развития Китайской академии общественных наук, член Комитета ЮНЕСКО Всекитайского собрания народных представителей, президент Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE), президент отделения инновационных исследований марксизма, Пекин, КНР, (chengef@cass.org.cn), (ORCID: 0000-0002-9236-1916)

Ли Чжожу²

аспирант социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия; заместитель генерального секретаря Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE), приглашенный научный сотрудник Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете, КНР, (liz@my.msu.ru)

***Ключевые слова:** всеобъемлющая национальная мощь, совокупная национальная мощь, комплексная мощь государства, социализм, капитализм, социально-экономическое развитие СССР, сравнительный анализ развития СССР и США, распад СССР, уроки истории СССР*

Для цитирования: Чен Эньфу, Ли Чжожу. Сравнение динамики всеобъемлющей национальной мощи СССР и США: к вопросу о причинах распада Советского Союза // Вопросы политической экономии. 2024. № 4(40). С. 116-141.

COMPARISON OF THE DYNAMICS OF COMPREHENSIVE NATIONAL POWER OF THE USSR AND THE UNITED STATES: THE CAUSES OF THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION

Cheng Enfu

Chief Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences (UCASS), Academician of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), Director of the Research Center of Economic and Social Development at the Chinese Academy of Social Sciences, Member of the UNESCO Committee of the National People's Congress, Chairman of the World Association of Political Economy (WAPE), President of the Innovative Marxism Research Division, Beijing, PRC, (chengef@cass.org.cn), (ORCID: 0000-0002-9236-1916)

¹ © Чэн Эньфу, 2024

² © Ли Чжожу, 2024

Li Zhuoru

PhD student, Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Russia; Deputy Secretary General, World Association for Political Economy (WAPE), Visiting Fellow, Institute for State Security Studies, Nankai University, PRC, (liz@my.msu.ru)

Keywords: *comprehensive national power, socialism, capitalism, socio-economic development of the USSR, comparative analysis of the development of the USSR and the USA, the collapse of the USSR, lessons from the history of the USSR*

For citation: Cheng Enfu, Li Zhuoru. Comparison of the dynamics of comprehensive national power of the USSR and the United States: the causes of the collapse of the Soviet Union. Problems in Political Economy. 2024;4(40):116-141.

JEL codes: B51, O57, P27, P52

Введение. Историческая гипотеза: логический горизонт исследования³

В 21 веке важно по-новому осмыслить историю подъема и падения СССР, используя новые методы исследования. Научная группа, работающая в направлении, получившем название «китайского новаторского марксизма»⁴, ранее аргументировала, что исследования в области гуманитарных и социальных наук (например, исторические исследования), по аналогии с исследованиями в области естественных наук, также могут требовать выдвижения гипотез – определенных допущений о причинности и закономерности исследуемых объектов, основанных на известном фактическом материале и научной логике. *Изучение опыта СССР через призму исторических гипотез является подходом, который авторы используют в настоящей статье.*

Мы выдвигаем в качестве исходного положения (гипотезы) историческую позицию «двух если» – предположений, касающихся всеобъемлющей национальной мощи (или совокупной национальной мощи)⁵ Советского Союза: 1) «первое если»: если бы не было больших потерь СССР в результате вторжения фашистской Германии в период Второй мировой войны, то всеобъемлющая национальная мощь СССР накануне его распада превысила бы всеобъемлющую национальную

³ Перевод статьи на русский язык выполнен Ли Чжожу. Научный редактор перевода: Барашкова О.В., к.э.н., с.н.с. лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ст. преп. научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁴ Подробнее о методологии и теоретических разработках этого научного направления см. в работе: (Чен Энфу, 2021).

⁵ В настоящей статье понятия «всеобъемлющая национальная мощь» (англ. – Comprehensive National Power (CNP)) и «совокупная национальная мощь» употребляются как синонимы. В работах по данной проблематике также встречается такой аналог перевода этих понятий на русский язык, как «комплексная мощь государства» (см., напр.: Портяков В.Я. К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIX. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 6-21), но в настоящей статье будут использоваться преимущественно первые две версии обозначения этого понятия. Также хотелось бы обратить внимание читателей на то, что концепция всеобъемлющей национальной мощи является своего рода предшественником концепции «мягкой силы». Одним из фактов, свидетельствующих о значимости двух этих концепций в современном дискурсе, является то, что они являются элементами официальных внешнеполитических доктрин КНР (прим. научного редактора перевода).

мощь США; 2) «второе если»: если бы СССР не прекратил свое существование в период руководства М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, то всеобъемлющая национальная мощь Советского Союза сегодня была бы больше, чем у США, при условии экстраполяции тенденций развития обеих стран.

Термин «всеобъемлющая национальная мощь» (или «совокупная национальная мощь») означает «совокупную силу (материальную и духовную) суверенного государства, необходимую для его выживания и развития, а также совокупную силу его международного влияния» (Хуан Шуофэн, 1992, с. 102). Причина выбора всеобъемлющей национальной мощи в качестве объекта наблюдения и исследования заключается в том, что «сущность ...международной конкуренции – в состязании совокупной государственной мощи на базе реальной мощи экономики, науки и техники» (Цзян Цзэминь, 2010(1992), с. 253).

Ретроспективный анализ опыта советской истории, со всеми ее возможностями, на базе исторической логики «двух если» и оценки всеобъемлющей национальной мощи Советского Союза в сравнении с США даст убедительные, пусть и гипотетические, выводы благодаря оригинальному интроспективному исследованию. Два «если» (и особенно «второе если») – это наиболее вероятные пути развития событий. К сожалению, на обоих исторических этапах наиболее вероятное не стало реальностью, и история приняла нехарактерный для нее поворот, когда очень маловероятная возможность сосуществования различных возможностей стала реальностью. Изучение исторической логики «двух если» применительно к оценкам всеобъемлющей национальной мощи имеют целью обобщение уроков международного коммунистического движения, чтобы избежать ошибок истории, глубоко понять и умело применить законы социалистического строительства и социального развития человека, повысить нашу способность ориентироваться в потоке истории и по возможности направлять его. Советский Союз оставил миру лучший «живой урок» для истории, и изучение этого опыта является источником ценных выводов для поиска ответов на вызовы 21 века.

Важно отметить, что разные исследователи пришли к несколько иным выводам относительно сравнения совокупной национальной мощи Советского Союза и США. В ходе нашего исследования мы попытались синтезировать, насколько это возможно, результаты исследований, основанных на разных позициях и взглядах, с целью приближения к пониманию истинного значения этого периода в истории.

1. Меняющиеся исторические возможности «первого если»

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Ленин осуществлял политику «военного коммунизма» и «новую экономическую политику» в ответ на потребности ситуации. После смерти Ленина дело создания в Советском Союзе первой в истории базовой системы социализма было продолжено И.В. Сталиным. Эта система функционировала в очень сложном историческом контексте кануна Второй мировой войны. Накануне полномасштабного экономического кризиса в капиталистическом мире И.В. Сталин скорректировал успешную, но впоследствии устаревшую «новую экономическую политику», нацелив ее на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. В начале всеобъемлющего экономического кризиса, охватившего весь капиталистический мир в тот период, страна воспользовалась возможностью использовать капитал, человеческие ресур-

сы и научно-технические достижения западного капиталистического мира, создав своего рода «мировое чудо» быстрого развития в мировой экономике того времени и заложив прочную материальную основу для будущей победы над фашизмом во Второй мировой войне.

Социалистическое государство отразило военную осаду десятка европейских капиталистических стран и всего за двадцать лет превратилось из «слабого звена империализма» в промышленную страну номер один в Европе, а во время мирового экономического кризиса 1929-1933 годов только Советский Союз продолжал расти высокими темпами. «В первой половине XX века, когда капиталистические страны переживали тяжелый экономический кризис, ...Советский Союз завершил индустриализацию и практически ликвидировал безработицу, введя бесплатное медицинское обслуживание, социальное страхование и пенсии. Это показывает, что социалистическая экономическая система обладает большей жизнеспособностью и большим превосходством над капиталистической экономической системой» (Ли Янь, 2021). Накануне Великой Отечественной войны Советский Союз был одним из лидеров в экономическом и социальном развитии, и выступал лидером развивающегося мирового социалистического движения.

1.1. Советская экономика в реальной истории

Институциональной основой, на которой советская экономика смогла так быстро развиваться в 1930-е годы, стало устранение противоречия, которое не мог преодолеть сам капитализм – противоречия между непрерывным обобществлением производства и частной собственностью на средства производства (что, в свою очередь, стало возможным в результате ликвидации отношений эксплуатации). Рост валового промышленного производства в Советском Союзе до вторжения Германии в СССР представлен на Рис. 1.

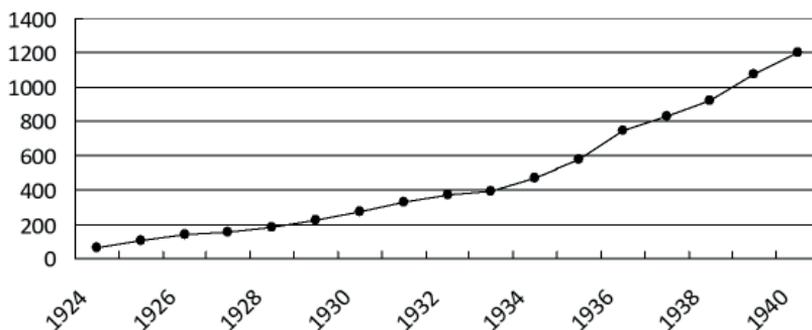

Рис. 1. Индекс валовой промышленной продукции в СССР, 1924-1940 гг. (%)⁶

Источник: Построено авторами по данным: (Народное хозяйство СССР..., 1957).

Как представлено на Рис. 1, советское промышленное производство продолжало расти высокими темпами в период с 1924 по 1940 гг. Темпы роста были намного выше, чем в капиталистических странах в тот же период, и к 1937 году объем промышленного производства СССР значительно превысил объем производства

⁶ При уровне валовой промышленной продукции в 1917 г., составлявшем 100 (%).

всех капиталистических стран, кроме США (Июффе, 1939, с. 29). После завершения двух пятилеток Советский Союз стал второй по уровню индустриализации страной в мире после США» (Ли Янь, 2021). Когда второй пятилетний план был выполнен досрочно, одновременно были завершены индустриализация и коллективизация сельского хозяйства. Всего за десять лет Советский Союз совершил скачок в развитии и стал одной из ведущих промышленных и военных держав своего времени, сотворив чудо в истории промышленного развития.

К кануну Великой Отечественной войны Советский Союз создал полный комплекс военной промышленности, а мощность и скорость производства самолетов были одними из самых высоких в мире; в 1940 году общий объем промышленного производства Советского Союза в 12 раз превышал уровень 1917 года. Быстрое продвижение Советского Союза по пути к социализму вызвало большую обеспокоенность в западном капиталистическом мире, поскольку Советский Союз своим примером показывал, что «растущий капитализм стал умирающим капитализмом» (Краткий курс..., 1975, с. 392). Война фашистской Германии против Советского Союза была инициирована не только для захвата его территории и ресурсов, но и для уничтожения социалистической системы Советского Союза. В этом заключалось фундаментальное различие между войной империалистической фашистской Германии против Советского Союза и ее войной против других империалистических или слаборазвитых стран.

Во время Великой Отечественной войны Советский Союз понес чрезвычайно тяжелые разрушения⁷, в результате войны погибло 27 млн человек (Донскова, 2010). При этом в годы войны, несмотря на огромный ущерб, нанесенный советской экономике, последняя в целом продолжала расти высокими темпами, за исключением 1941–1942 гг., когда перевод промышленности на военные рельсы еще не был завершен. Это показано в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1

ВВП СССР во время Великой Отечественной войны (млрд. долл. США)

Годы	1941	1942	1943	1944	1945
ВВП	359	274	305	362	343

Источник: (Попов, 2021, с. 53-67).

В военные 1942 и 1943 годы Советский Союз построил на 26 тыс. танков и 20 тыс. самолетов больше, чем Германия (Ли Янь, 2021). Мощная материально-техническая база, созданная в предвоенные годы, стала надежной основой того, что Советский Союз сыграет решающую роль в войне против фашизма и тем самым внесет огромный вклад в дело мира во всем мире, освободит половину Европы и приведет к созданию одного за другим социалистических государств Восточной Европы.

При этом цена победы была огромной: Советский Союз страдал от острой нехватки рабочей силы, разрушения всех видов сельскохозяйственной техники и

⁷ О масштабах потерь можно судить по следующим данным: было повреждено 1710 городов, 70 тыс. сел, 31,9 тыс. промышленных и горнодобывающих предприятий, 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций, 65 тыс. км железных дорог и 4100 железнодорожных станций. 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, десятки миллионов свиней, овец, коз и более 100 млн голов домашней птицы было забито, конфисковано и вывезено в Германию (Ли Шэньмин, 2012а, с. 37).

снижения производства тракторов до уровня 1930 г. В 1945 г. производство потребительских товаров составляло лишь 59% от довоенного уровня, и восстановить разрушенную войной экономику было невообразимо трудно (История СССР, 1960, с. 750-752). Несмотря на трудности, после войны СССР смог запустить новую волну социалистического строительства, что привело к быстрому восстановлению и бурному развитию советской экономики. «Любой капиталистической стране потребовались бы десятилетия, чтобы полностью самостоятельно восстановить и перестроить свою промышленность и сельское хозяйство, но к моменту завершения четвертого пятилетнего плана в 1950 году, то есть всего за пять послевоенных лет, вся валовая продукция промышленности Советского Союза выросла на 73% по сравнению с уровнем до Второй мировой войны, и, за исключением нескольких показателей, все промышленные показатели достигли и превысили уровни, существовавшие до Второй мировой войны» (История КПСС, 1960, с. 652).

В международном плане Советский Союз стал мощной опорой для других социалистических стран, активно помогая развитию социализма в них.

Во время правления Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.) советская экономика продолжала быстро расти, среднегодовой темп роста валового общественного продукта в 1950–1965 гг. составил свыше 9% (Советский Союз, 1979, с. 88). Быстрое восстановление экономики сопровождалось такими достижениями, как запуск ракет и подводных лодок, первого искусственного спутника Земли, запуск первой пилотируемой ракеты, первой космической станции и первого лунного зонда. За 18 лет правления Л.И. Брежнева (1964–1982) темпы экономического роста хотя и несколько снизились, но оставались более высокими, чем в странах западного капиталистического мира: за период с 1965 по 1981 гг. валовой общественный продукт и валовой национальный доход увеличивались в среднем на 5,8% в год (на 146% и на 144% за весь период соответственно) (Народное хозяйство СССР, 1922–1982..., 1982, с. 59). В 1960 году национальный доход Советского Союза составлял 58% от США, к 1975 году этот показатель вырос до 67% и оставался на этом уровне до 1982 года; валовая продукция советской промышленности составляла более 75% от уровня США в 1970 году и оставалась выше 80% в 1975–1982 годах; а валовая продукция сельского хозяйства СССР составляла примерно 85% от уровня США в 1971–1982 гг. (Цзинь Вань, Лу Наньцюань, 1985, с. 438).

Таким образом, до правления М.С. Горбачева Советский Союз находился на пике своей совокупной национальной мощи и стал сверхдержавой, обогнавшей США. Затем, в результате серии реформ в период перестройки, означавших, по своей сути, отступление от социализма, в период правления М.С. Горбачева темпы роста снизились: валовой общественный продукт Советского Союза с 1985 по 1989 год увеличился на 13,4% (среднегодовой темп роста составил 3,2%), а национальный доход вырос на 13,5% (среднегодовой темп роста также составил 3,2%) (Народное хозяйство СССР в 1989 г., 1990).

1.2 Теоретические расчеты показателей экономики СССР по сценарию «первого если»

Если оставить в стороне такие вопросы, как качество статистики, то причина, по которой советская экономика была слабее американской в 1990 году, заключалась в том, что, помимо снижения темпов роста советской экономики в результате отсту-

пления от курса социалистических реформ в период перестройки, более важным фактором были значительные потери, понесенные Советским Союзом в результате вторжения фашистской Германии. Гипотеза «первого если» означает, что если бы Советский Союз не понес больших потерь во Второй мировой войне (в СССР это историческое событие получило название «Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»), то накануне распада в 1990 году всеобъемлющая национальная мощь Советского Союза превысила бы национальную мощь США. Теоретический расчет экономической мощи Советского Союза на базе данных официального статистического ежегодника народного хозяйства СССР, без учета других факторов, таких как природные ресурсы, показывает, что экономическая мощь Советского Союза превысила бы экономическую мощь США уже в 1970-х гг.

Ежегодник народнохозяйственной статистики СССР предоставляет статистику по показателю национального дохода СССР, который не влияет на анализ тенденций развития советской экономики. Данные за соответствующие годы «Ежегодника государственной экономической статистики СССР» были преобразованы нами в форму индексов, для которых в качестве базисного периода выступал 1913 год, как показано в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2

Индекс национального дохода СССР и теоретические расчетные показатели, 1913–1975 гг.

Годы	Соответствующие показатели по данным статистического ежегодника народного хозяйства СССР		Теоретические (расчетные) показатели согласно сценарию «первого если»	
	Индекс национального дохода	Среднегодовой темп роста ⁸	Индекс национального дохода	Среднегодовой темп роста
1913	100	-	100	-
1940	611	6,93	611	6,93
1945	-	-	-	-
1950	1003	5,07	1614	10,20
1955	1716	11,33	-	-
1960	2658	9,02	4263	10,20
1965	3651	6,50	5840	6,50
1970	5276	7,71	8466	7,71
1975	6981	5,70	11171	5,70
Среднегодовые темпы роста 1940-1975		7,21	-	8,67

Источник: Расчеты авторов по данным: (Народное хозяйство СССР..., 1957); (Народное хозяйство СССР..., 1960); (Народное хозяйство СССР за 60 лет..., 1977).

Если бы не разрушительная Вторая мировая война, советская экономика не испытала бы отрицательного роста в период с 1940 по 1945 гг., а продолжила бы тенденцию поддержания высоких темпов роста. С 1945 по 1950 гг. послевоенный гиперрост может быть связан с взрывным ростом инвестиций в основной капитал из-за разрушительной войны, и поэтому консервативную оценку можно сде-

⁸ Среднегодовой темп роста здесь – это среднегодовой темп роста между годом Банка и годом, по которому имеются данные в предыдущем ряду.

лять, используя среднегодовые темпы роста за десятилетие с 1950 по 1960 гг. Это даст среднегодовой темп роста национального дохода Советского Союза в период 1940–1950 гг. в 10,2%. Согласно анализируемому нами сценарию «первого если», валовой национальный доход Советского Союза после 1950 года, полученный на основе таких оценок, примерно в 1,6 раза превышает реальный статистически наблюдаемый исторический показатель. Соотношение национального дохода СССР и национального дохода США уже в 1970 году составляло более 65%, согласно реальным историческим данным (Народное хозяйство СССР..., 1981, с. 59). Если бы не крупные потери Советского Союза, вызванные немецким вторжением, национальный доход СССР в 1970 году был бы в 1,04 раза больше, чем в США, исходя из сделанных нами теоретических прогнозов национального дохода, полученные нами оценки которого в 1,6 раза больше зафиксированного в статистических ежегодниках исторического значения.

Такой же результат можно получить, если использовать статистику, опубликованную в США. Сектор материального производства – это сектор производственной деятельности, который создает материальные блага и добавляет к ним стоимость, и включает пять основных секторов материального производства – промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство, строительство, транспорт, почту и телекоммуникации, которые обслуживают производство, а также включает ту часть оптовой и розничной торговли и ресторанов (то есть труд по сортировке, ремонту, упаковке и хранению товаров), которая является продолжением производственного процесса в сфере распределения. Поэтому этот компонент необходимо сохранить при расчете национального дохода в производственном секторе США.

Согласно данным, опубликованным Бюро экономического анализа Министерства торговли США, в 1977 году секторы услуг оптовой и розничной торговли, транспорта и связи, а также услуги электрической связи, газоснабжения и водоснабжения составили 16,4%, 6,3% и 2,6% ВВП США соответственно, а прочие услуги – 41,1%⁹. Напротив, такие виды труда, как сортировка, ремонт, упаковка и хранение товаров, составляли небольшую долю оптовой и розничной торговли, а некоторые услуги по электроснабжению, газоснабжению и водоснабжению относились к непроизводственным секторам. Видно, что, по консервативной оценке, стоимость услуг в непроизводственном секторе составляла более 50% ВВП США в 1977 году. Из-за ограниченности данных для оценки доли выпуска в непроизводственном секторе в США в 1976 году нами использовались данные за 1977 год. Валовой национальный доход США в 1976 году составил 186,96 млрд долларов США¹⁰, а консервативная оценка непроизводственной сферы в 50% от национального дохода дает национальный доход США в производственной сфере в 1976 году¹¹ в размере 934,8 млрд долларов США. Национальный доход СССР в 1976 году составил 622 млрд долларов США (Советский Союз, 1979, с. 89). По сценарию «первого если» национальный доход Советского Союза в 1,6 раза превышает истинную

⁹ Министерство торговли США, Бюро экономического анализа. URL: https://apps.bea.gov/scb/account_articles/national/0896gpo/table3.htm (дата обращения: 01.09.2022).

¹⁰ Статистический отдел ООН. URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Basic> (дата обращения: 30.08.2024).

¹¹ Взаимосвязь между ними можно выразить следующей формулой: ВНД = ВВП + чистый факторный доход. Эти два показателя незначительно отличаются друг от друга тем, что применение доли услуг в непроизводственном секторе ВВП к ВНД не влияет на конечный результат.

цифру, то есть национальный доход Советского Союза составляет 995,2 миллиарда долларов, или в 1,06 раза больше национального дохода США в производственном секторе.

1.3 Оценки всеобъемлющей национальной мощи Советского Союза и США

Исследователи по-разному оценивают всеобъемлющую национальную мощь Советского Союза и США. Ряд исследователей (включая китайского исследователя Хуан Шуофэна) утверждают, что Советский Союз уже превзошел США к 1990 году, а другие (включая Р.С. Клайна – одного из первых исследователей этой проблематики, кто ввел в научный оборот так называемое «уравнение силы» для оценки совокупной национальной мощи) утверждают, что примерно до 1990 года между Советским Союзом и Соединенными Штатами все еще существовал разрыв. Однако, если использовать теоретические оценки показателей советской экономики по сценарию «если бы», то совокупная мощь Советского Союза превысила бы мощь США, что мы подробно покажем далее в настоящем разделе.

1.3.1 Оценки всеобъемлющей национальной мощи Советского Союза и США: подход Р.С. Клайна

Р.С. Клайн, один из известных исследователей в этой области, предложил использовать так называемое «уравнение силы» для оценки национальной мощи. Формула «уравнения силы» выглядит следующим образом (формула 1):

$$P_p = (C + E + M) \times (S + W) \quad (1),$$

где P_p обозначает величину национальной мощи; C , E и M обозначают базовую сущность, экономический потенциал и военный потенциал соответственно; S и W обозначают стратегическое намерение и волю к реализации национальной стратегии соответственно (Хуан Шуофэн, 1992, с. 24). В частности, базовый субъект (C), включает население и земельную площадь; экономический потенциал (E), включает валовой национальный продукт и промышленную структуру; военный потенциал (M) означает сумму стратегических ядерных сил и обычных сил страны; в совокупности эти три составляющих представляют собой материальную основу всеобъемлющей национальной мощи, с общей максимальной оценкой в 500 баллов.

Стратегическое намерение (S) состоит в основном из стратегических целей как центрального выражения фундаментальных интересов страны, а воля к осуществлению национальной стратегии (W) относится к «степени доверия и поддержки мобилизуемым внутренним населением оборонной политики и правительственной дипломатии» (Хуан Шуофэн, 1992, с. 25), обе из которых определяют степень, в которой материальная форма национальной мощи может быть эффективно осуществлена.

Р.С. Клайн устанавливает общую оценку национальной мощи в 1000 баллов, и, согласно этой формуле «уравнения национальной мощи», оценки национальной мощи Советского Союза и США в 1975, 1977 и 1978 годах выглядят следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

Оценка национальной мощи Советского Союза и США согласно подходу Р.С. Клайна для 1975, 1977 и 1978 гг. (в условных балльных единицах)

Год	Страна	C	E	M	S	W	Pp
1975	СССР	100	160	190	0,8	0,7	675
	США	100	200	200	0,3	0,4	350
1977	СССР	100	105	197	0,8	0,5	523
	США	100	174	194	0,4	0,5	421
1978	СССР	100	85	197	0,7	0,5	458
	США	100	146	188	0,3	0,4	304

Источник: Составлено авторами по материалам: (Cline, 1975; 1977; 1981); (Хуан Шуофэн, 1992).

В отношении стратегических ядерных сил Р.С. Клайн также спрогнозировал, что показатели советской и американской мощи в 1979 году составили 100 и 95 баллов соответственно; в отношении обычных сил показатели советской и американской мощи составили 91 и 93 балла соответственно. С точки зрения общей военной мощи, показатели мощи СССР и США составляли 191 и 188 баллов соответственно (Cline, 1982, pp. 166-168). Выводы на основе уравнения Р.С. Клайна ясно показывают, что к концу 1970-х годов Советский Союз превзошел США по общему значению национальной силы Pp. Поэтому, в соответствии с инерцией развития Советского Союза и США, уравнение силы предполагает, что Советский Союз накануне распада все еще будет более мощным, чем США.

1.3.2 *Оценки всеобъемлющей национальной мощи Советского Союза и США: подход Хуан Шуофэна*

Хуан Шуофэн является одним из первых исследователей всеобъемлющей национальной мощи Китая, и его исследования по всеобъемлющей национальной мощи пользуются влиянием в академических кругах. Чтобы оценить всеобъемлющую национальную мощь страны и найти точное отражение эволюции системы всеобъемлющей национальной мощи, Хуан Шуофэн предложил теорию *динамического уравнения всеобъемлющей национальной мощи*, которое позволяет определить всеобъемлющую национальную мощь страны путем комплексной оценки ее компонент: жесткой силы (материальной мощи), мягкой силы (духовной мощи), синергии (мощи макрокоординации и контроля) и функции влияния. Для количественной оценки показателей, составляющих всеобъемлющую национальную мощь, Хуан Шуофэн применил уникальный подход, состоящий в сочетании нескольких методов. Так, для расчета «жестких» переменных используется индексный метод, для «мягких» переменных и переменных «синергии» – метод экспертных оценок, а для количественной оценки некоторых неопределенных элементов используются методы нечеткой математики и анализа так называемых «серых систем». Используя такой подход, Хуан Шуофэн провел систематическую оценку всеобъемлющей национальной мощи крупнейших стран мира. Далее в таблице 4 приведены сравнительные данные по Советскому Союзу и США.

Таблица 4

Сравнение всеобъемлющей национальной мощи Советского Союза и США в 1989 году (в условных балльных единицах)

Страна	Жесткие переменные				α	Мягкие переменные			β	Синергетические переменные	Всеобъемлющая национальная мощь
	Ресурсная мощь	Технологическая мощь	Экономическая мощь	Силы обороны		Культурная и образовательная мощь	Дипломатическая мощь	Национальная сплоченность			
СССР	98	156	192	248	0,78	0,51	0,60	0,55	0,71	1,64	386,72
США	92	234	269	249	0,83	0,54	0,61	0,43	0,72	1,59	593,33

Источник: (Хуан Шуофэн, 1992, с. 218).

Как мы видим из табл. 4, в 1989 году Советский Союз был слабее США с точки зрения всеобъемлющей национальной мощи, при этом его экономическая мощь значительно отставала, и что соперничество между Советским Союзом и Соединенными Штатами было сосредоточено на «всесторонней экономической войне» (Хуан Шуофэн, 1992, с. 219). Экономическая мощь Советского Союза превзошла экономическую мощь США в 1970-х годах, предполагая увеличение национального дохода в 1,6 раза по сценарию «первого если». Динамическое уравнение комбинированной мощи включает множество переменных, и увеличение экономической мощи Советского Союза неизбежно приведет к увеличению других связанных «жестких переменных», и индекс жесткой эластичности α также увеличится, и остальные переменные и индексы также будут затронуты, что затрудняет получение точного значения комбинированной мощи только через теоретические измерения темпов экономического развития.

Советский Союз, хотя и понес экономические, культурные и социальные потери во время Второй мировой войны, все же демонстрировал более высокие темпы роста, чем США, и во время «холодной войны» сумел достичь очень высокого уровня всеобъемлющей национальной мощи, поэтому легко представить, что всеобъемлющая национальная мощь Советского Союза накануне распада СССР была бы больше, чем у США при «первом если», соизмеримо с большим развитием его экономической мощи, и, должно быть, превзошла бы аналогичный показатель США.

Синтез выводов вышеупомянутых ученых и анализ различных источников данных позволяет предположить, что если бы не военная катастрофа, навязанная Советскому Союзу империалистическим германским фашизмом, то в 1990 году, накануне своего распада, Советский Союз, безусловно, превзошел бы США по всеобъемлющей национальной мощи.

2. Меняющиеся исторические возможности «второго если»

В апреле 1985 года группа во главе с новым Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым постепенно осуществила так называемые реформы, приведшие в конечном итоге к разрушению КПСС, социалистической системы Советского Союза и мирового социалистического лагеря, что, соответственно, привело к подрыву и распаду Советского Союза и замене его 15 новыми суверенными государствами, что стало крупным поражением международного коммунистического движения и серьезным ударом по миру, справедливости и цивилизации во всем мире. После активного подрыва и разрушения враждебными силами внутри страны и за рубежом Советский Союз был быстро разрушен, а экономический, политический, социальный, культурный регресс стал необратимым.

2.1 Разрушительные последствия распада Советского Союза

В результате распада Советского Союза в экономическом плане некогда современная промышленная держава «превратилась в страну-поставщика сырья, а уровень ВВП обвалился. Менее чем за десять лет, с момента разрушения Советского Союза в 1991 году по 1999 год, ВВП России упал на 52%, при этом промышленное производство сократилось на 64,5%, а сельскохозяйственное – на 60,4%; рубль обесценился, цены увеличились в 5000 раз» (Ли Шэньмин, 2012а, с. 4). Исследование показывает, что «в период между 1990 и 1993 годами в других странах СНГ также наблюдалось значительное снижение ВВП: в Армении – более чем на 50%, в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Молдове и Таджикистане – примерно на 40%, в Украине – более чем на 30%, а в Узбекистане и Беларуси, где ситуация была более стабильной, снижение ВВП составило 17% и 24%» (Ли Шэньмин, 2012а, с. 10).

По воспоминаниям Н.А. Паничева, возглавлявшего Министерство станкостроения и инструментальной промышленности при Совете Министров СССР, «все наши отраслевые НИИ погибли после приватизации (...). По выпуску металлообрабатывающего оборудования СССР занимал 3-е место в мире. Когда в 1986 г. я возглавил министерство, наши предприятия выпускали в год 220 тыс. разных станков. Сейчас – не больше 14 тыс.»¹² Действительно, за исключением Беларуси, в которой в значительной степени сохранилась социалистическая государственная система, и Казахстана, богатого природными ресурсами, экономика бывших республик также претерпела существенные разрушения после распада Советского Союза и очень медленно восстанавливалась после этого спада в дальнейшем.

При оценке последствий распада Советского Союза исследователи отмечали, что «духовные и материальные потери, которые понесла Россия за эти годы, неисчислимы. ... Речь идет о масштабной деиндустриализации страны. Проведенная с огромным трудом и напряжением сил в 30–50-х гг. индустриализация России во многом обращена вспять» (Добренков, 2004, с. 26-27).

В социальном плане усилилось неравенство, наблюдалось сокращение населения. По данным Н.И. Рыжкова, «разрушение единого экономического пространства, народного хозяйства и науки в Советском Союзе породило почти десяти-

¹² См.: Макурин А. «Я не жил в 5-звездочных отелях». Что советские министры советуют нынешним? [Интервью с Н.А. Паничевым] // Аргументы и факты. Дата публикации: 25.07.2019. URL: https://aif.ru/money/ekonomu/ya_ne_zhil_v_5-zvyozdochnyh_otelyah_chno_sovetskie_ministry_sovetuyut_nyneshnim (дата обращения: 30.08.2024).

лионную армию безработных (...). 20% населения сосредоточили в своих руках более половины валового национального дохода, а основную часть дохода присвоили 200-300 семей, которые захватили львиную долю богатства страны, а вместе с тем и власть в государстве» (Рыжков, 2008, с. 374). В 1989 году соотношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых составляло 1 к 4,7, а в 1999 году – 1 к 60-79 (Добренев, 2004, с. 29). А.Л. Кудрин, занимавший пост вице-премьера и министра финансов России, сообщал в интервью в 2021 году, что только примерно в 2004–2006 гг. уровень жизни россиян вернулся к среднему уровню жизни советских граждан в 1990 г., но при этом оставался чрезвычайно высоким разрыв между богатыми и бедными, тогда как в советское время разрыва между богатыми и бедными практически не было¹³. Страны СНГ также сталкиваются со все более серьезными демографическими проблемами, как отмечает академик А.Г. Аганбегян: «Новая Россия, образованная на базе РСФСР после разрушения СССР, постепенно вымирает. Во время 20-летнего демографического кризиса в России (1992–2012 гг.), когда рождаемость резко упала, а смертность быстро росла, население стремительно сокращалось. В целом, общая естественная убыль населения за эти годы оценивается в 13,5 миллионов человек» (Аганбегян, 2022, с. 15).

2.2 Теоретические расчеты советской экономической мощи в рамках «второго если»

Сценарий «второго если» означает, что если бы Советский Союз не был разрушен враждебными силами внутри страны и за рубежом, то в 2020 году, в соответствии с инерцией развития, Советский Союз превзошел бы США по всеобъемлющей национальной мощи. Поскольку экономическая мощь является важной основой и компонентом общей национальной мощи, то для «второго если» эти показатели можно рассчитать, вычислив среднегодовые темпы роста Советского Союза до его распада.

Общий национальный доход Советского Союза в 1976 году, рассчитанный в абсолютном выражении по данным статистики СССР, составил 62,2 млрд долларов США (Статистический ежегодник..., 1979, с. 89) (на пропорциональной основе), а согласно индексу национального дохода, приведенному в статистических ежегодниках (см.: (Народное хозяйство СССР..., 1981, с. 43); (Народное хозяйство СССР..., 1988, с. 5)), можно подсчитать, что национальный доход Советского Союза в 1985 году составил приблизительно 903,7 млрд. долларов США.

Поскольку в период перестройки курс реформ был нацелен на отход от принципов социализма, то в нашем исследовании для теоретического измерения советской экономики мы полагаем целесообразным использовать средние темпы роста Советского Союза до прихода М.С. Горбачева к власти. В 1961–1985 годах среднегодовые темпы роста составляли 5,6% (Народное хозяйство СССР..., 1986, с. 582). При таких среднегодовых темпах роста, используя в качестве отправной точки национальный доход Советского Союза в 1985 году, наши расчеты дают национальный доход в размере 6 085 млрд долларов США в 2020 году. Национальный доход США в 2020 году составляет 21 286,6 млрд долларов США¹⁴, а доля услуг в производ-

¹³ «Когда все застаивается, зовут либералов» / Коммерсантъ. Дата публикации: 17.07.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4898660> (дата обращения: 30.08.2024).

¹⁴ Статистический отдел ООН. URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Basic> (дата обращения: 01.09.2022).

ственном секторе составляет около 72%¹⁵, что дает национальный доход в производственном секторе в 2020 году около 5 960,248 млрд долларов США.

Как видно, национальный доход СССР в 2020 году в 1,02 раза больше, чем в США. При этом среднегодовые темпы роста национального дохода за 1961–1985 годы, приведенные в статистическом ежегоднике СССР, основаны на сопоставимых ценах и не учитывают изменения цен. В Советском Союзе не существовало понятия «потребительская корзина» или «уровень изменения потребительских цен», а были «национальный индекс розничных цен», «национальный и кооперативный индекс розничных цен» и другие аналогичные показатели. Согласно таким показателям, как «государственный индекс розничных цен» и «индекс розничных цен государственных и кооперативных предприятий», средние розничные цены на все товары в СССР в период с 1960 по 1985 год выросли на 7,9%, за исключением алкогольных напитков, которые подорожали на 4,7%¹⁶. Поскольку данные о национальном доходе США, публикуемые в рамках официальной статистики, включают фактор изменения цен, то использование среднегодовых темпов роста национального дохода СССР за 1961–1985 гг. существенно занижает темпы роста Советского Союза в 2020 году. По этой причине полученная нами расчетная оценка, использующая среднегодовые темпы роста национального дохода СССР в 1961–1985 годах, является существенно заниженной оценкой национального дохода СССР в 2020 году. Этот показатель был бы намного выше, чем в США, если бы при его расчете в данных по СССР, используемых для расчетов, учитывались изменения цен.

Таким образом, проведенные нами расчеты показывают, что если бы Советский Союз не распался и продолжал расти со среднегодовыми темпами роста 1961–1985 гг., то к 2020 году национальный доход Советского Союза превысил бы таковой показатель США.

2.3 Теоретические прогнозы советской и американской всеобъемлющей национальной мощи по сценарию «второго если»

В случае, если бы СССР не распался, он намного превзошел бы США не только по экономической мощи, представленной национальным доходом, но и по всеобъемлющей национальной мощи, если учитывать инерцию развития как Советского Союза, так и США. Далее мы аргументируем это более подробно.

2.3.1 Теоретическое измерение советской и американской совокупной национальной мощи на основе уравнения национальной мощи Р.С. Клайна

«Уравнение силы» Р.С. Клайна включает в себя экономический потенциал (E), который включает валовой национальный продукт и промышленную структуру, оба показателя оцениваются из 100 баллов, в общей сложности 200 баллов. Оценка Клайном экономической мощи Советского Союза показывает, что в 1975–1978 го-

¹⁵ Рассчитано на основе данных, опубликованных Бюро экономического анализа Министерства торговли США, доля некоторых отраслей сферы услуг, участвующих в производстве, является оценочной. См.: U.S. Bureau of Economic Analysis (2021). Gross Domestic Product (Third Estimate), Corporate Profits, and GDP by Industry, Fourth Quarter and Year 2020. Published on March 25, 2021. URL: https://www.bea.gov/sites/default/files/2021-03/gdp4q20_3rd.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

¹⁶ Приводится по данным: Калабеков И.Г. Инфляция в СССР. В кн.: Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах, 2008–2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://su90.ru/inflation.html> (дата обращения: 30.08.2024).

дах США набрали 200, 174 и 146 баллов, а Советский Союз – 160, 105 и 85 баллов за тот же период. Относительная экономическая мощь двух стран измеряется с помощью национального дохода вместо ВВП¹⁷, без учета других факторов, т.е. сохраняя остальные оценки 1978 года неизменными и рассматривая лишь изменение экономической мощи, используя сделанные нами ранее прогнозы национального дохода Советского Союза в 2020 году и величину национального дохода США в производственном секторе. Это позволяет получить теоретическую оценку всеобъемлющей национальной мощи СССР и США в 2020 году, представленную в табл. 5.

Таблица 5

Теоретические оценки всеобъемлющей национальной мощи СССР и США для 2020 года, основанные на «уравнении силы» Р.С. Клайна (в условных балльных единицах)

Страна	C	E	M	S	W	Pp
СССР	100	136	190	0,7	0,5	511,2
США	100	144	200	0,3	0,4	310,8

Источник: Составлено авторами на основе: (Cline, 1982); (Хуан Шуофэн, 1992), а также на основе данных, представленных в предшествующих разделах настоящей статьи.

Промышленная структура экономического потенциала¹⁸ здесь не рассматривается, лишь баллы экономического потенциала двух стран корректируются в соответствии с соотношением их национальных доходов в 2020 году, где стране с более высоким национальным доходом присваивается полный балл 100, а другой стране присваивается балл, пропорциональный ее национальному доходу. Поэтому абсолютное значение сводного индекса национальной мощи здесь не является, по сути, полностью значимым в реальном выражении, но все же дает приблизительное представление о советском и американском уровне. Из таблицы 5 видно, что, согласно нашим оценкам, в 2020 году Советский Союз был бы мощнее США. Даже если не использовать значения национального дохода США для производственного сектора, а использовать все его значения, т.е. оценить экономический потенциал по шкале 100 из 100 для США, то результат все равно будет выше для СССР, чем для США (382,3 для СССР и 312,2 для США). Таким образом, независимо от того, какие данные используются, всеобъемлющая национальная мощь Советского Союза превышает таковую США по анализируемому нами сценарию «второго если».

¹⁷ Статистика национального дохода в Советском Союзе является более научно обоснованной, чем статистика ВВП в капиталистических странах, и используется последовательно для согласованности с предыдущим разделом.

¹⁸ Согласно расчетам Р. Клайна, в 1978 году показатель промышленной структуры составлял 46 баллов для США и 36 баллов для СССР.

2.3.2 Теоретическое измерение советской и американской всеобъемлющей национальной мощи на основе модели динамического уравнения всеобъемлющей национальной мощи Хуан Шуофэна

Хуан Шуофэн использовал модель динамического уравнения всеобъемлющей национальной мощи и применил «метод анализа перспективных тенденций», чтобы сделать общий прогноз всеобъемлющей национальной мощи Советского Союза и США. При этом используются в качестве базового показателя значения всеобъемлющей национальной мощи за 1989 год (386,72 для СССР и 593,33 для США), а также учитываются исторические данные о динамике роста Советского Союза и США за последние десятилетия (темпы роста совокупной национальной мощи Советского Союза и США оцениваются в 4,4% и 2,7% соответственно). В результате мы получим оценки для 2020 года, представленные в таблице 6.

Таблица 6

Сравнение совокупной национальной мощи Советского Союза и США в 2020 году

Страна	Всеобъемлющая национальная мощь в 1989 году	Среднегодовой темп роста	Всеобъемлющая национальная мощь в 2020 году ¹⁹
СССР	386,72	4,4	1469,3
США	593,33	2,7	1355,1

Источник: Расчеты авторов с использованием данных: (Хуан Шуофэн, 1992, с. 220).

В период с 1950 по 1984 год национальный доход и валовая продукция промышленности Советского Союза выросли в 9,9 и 14 раз соответственно, в то время как в период с 1950 по 1982 год национальный доход и валовая продукция промышленности США выросли в 1,8 и 2,1 раза соответственно (Сун Цзэсин, Фань Кан, 1997, с. 100-111), что свидетельствует о том, что национальный доход и валовая продукция промышленности Советского Союза выросли очень сильно.

Согласно теоретическим расчетам, проведенным для сценария «второго если», национальный доход Советского Союза значительно превысил бы доход США к 2020 году, а темпы роста совокупной национальной мощи Советского Союза и США, приведенные в оценках Хуан Шуофэна, сделанных на основе исторических данных роста СССР и США, могут сохраниться в долгосрочной перспективе. При темпах роста в 4,4%, к 2020 году совокупная национальная мощь Советского Союза и США составила бы 1469,3 и 1355,1 соответственно. Таким образом, согласно динамической модели совокупной национальной мощи Хуан Шуофэна, хотя в первые годы совокупная национальная мощь Советского Союза слабее, чем у США, если Советский Союз продолжил бы существовать, то его совокупная национальная мощь превысила бы к 2020 году совокупную национальную мощь США.

¹⁹ Причина использования прогнозируемых, а не опубликованных значений для комплексного показателя национальной мощи США заключается отчасти в том, что скорость прогнозирования, приведенная Хуан Шуофэном, является более объективной, а отчасти в том, что опубликованные значения для США являются проблематичными и их трудно согласовать с данными Советского Союза. Расчет совокупной национальной мощи включает в себя большое количество показателей, и, учитывая ограниченность места и доступа к данным в данной статье, пересчитать совокупную национальную мощь двух стран, используя опубликованные данные, не представляется возможным.

Наконец, важно отметить, что быстрое развитие Советского Союза было достигнуто в условиях оказываемой им в тот период значительной помощи другим социалистическим странам. Так, например, промышленные проекты Советского Союза «156»²⁰, реализованные в Китае, стали крупнейшим экспортом технологий, человеческих ресурсов и капитала в истории индустриализации в мире, и значительно содействовали процессу индустриализации в Китае. Преимущества социализма, таким образом, не являются лишь теоретическим предположением, а доказываются фактами социалистического развития в Советском Союзе и Китае.

3. Уроки истории

3.1 Как история изменила ход: внутренние и внешние факторы, повлиявшие на распад СССР

На наш взгляд, причины разрушения КПСС и СССР были разнообразны и сводились к двум аспектам – внутреннему и внешнему. Внутренней причиной разрушения КПСС стало предательство советского руководства, а внешней причиной – длительная осада КПСС со стороны США и Запада. Разрушение КПСС и СССР было результатом сочетания, в первую очередь, внутренних факторов, а во вторую очередь – внешних факторов (подробный анализ совокупности внешних и внутренних факторов представлен в работе (Чен Эньфу и др., 2023).

Особо следует остановиться на оценках распада СССР, приводимых в Китае. Как указано в книге «Сто лет Коммунистической партии»: «Распад Советского Союза и резкие перемены в Восточной Европе, ...повороты, произошедшие в мировом социализме, оказали определенное негативное влияние и на нашу страну, и у некоторых людей пропала уверенность в будущем социализма» (Сто лет..., 2022, с. 755). В декабре 1991 года тов. Цзян Цзэминь отмечал, что изменения в Советском Союзе и Восточной Европе были не провалом научного социализма, а результатом отката от пути социализма (Ли Шэньмин, 2012b, с. 450-451). В декабре 2000 года тов. Ху Цзиньтао также отметил, что «причин распада СССР было ...много, но самая главная из них та, что Н. Хрущев выронил меч И. Сталина, а все завершилось изменой М. Горбачева марксизму» (Ли Шэньмин, 2012b, с. 451).

В сентябре 2009 года генеральный секретарь Си Цзиньпин в статье «Социализм с китайской спецификой должен последовательно поддерживаться и развиваться», опубликованной в журнале «В поисках истины», отметил: «Историческое развитие никогда не бывает прямым, оно полно поворотов, взлетов и падений. В конце 1980-х и начале 1990-х годов прошлого века распад Советского Союза, падение КПСС и драматические изменения в Восточной Европе привели не только к тому, что первой социалистической страны не стало, но и к тому, что социалистические страны Восточной Европы ...потерпели серьезные неудачи» (Си Цзиньпин, 2022).

Следует также дать краткую характеристику такого совокупного фактора, повлиявшего на распад СССР, как согласованные действия международного моно-

²⁰ «156 ключевых промышленных проектов», как их принято называть в научных кругах, относятся к 150 ключевым строительным проектам, которые были начаты с помощью СССР во время Первого пятилетнего плана Китая. Однако в процессе реализации некоторые проекты были объединены, некоторые сняты, и в итоге было завершено 150 проектов, которые принято называть «156 ключевыми промышленными проектами». См.: (Дун Чжикай, 1999) (прим. авторов статьи).

Подробнее об этом на русском языке см. в работе (Мамаева и др., 2018) (прим. научного редактора перевода).

полистического капитала. Так, в 1946 году была начата «холодная война» между империалистическим и социалистическим лагерем. Чтобы предотвратить распространение коммунистической идеологии, Запад пошел на огромные уступки рабочему классу: во время «холодной войны» разрыв между богатыми и бедными в США и Европе оставался относительно небольшим, в Европе была хорошо развита система социального обеспечения, а эксплуатация рабочих сократилась. Причинами этого являются побочные эффекты социализма и сильное давление, ощущаемое капиталистическими странами со стороны социалистической системы. После распада Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы монополистический капитал США и Запада перестал испытывать прежнее сдерживание, и как одно из ярких следствий этого можно привести тот факт, что сегодня 1% богатых в США владеет 40% богатства, а разрыв между богатыми и бедными резко увеличился.

Следует отметить, что крупная буржуазия шла на уступки рабочему классу под давлением существований социалистической альтернативы крайне неохотно. США и Запад сделали все возможное, чтобы подавить своего соперника – Советский Союз. Приведем лишь некоторые факты, свидетельствующие об этом. Госсекретарь США Бейкер сказал об уничтоженной КПСС и Советском Союзе: «Мы не лидеры этой революции, но и не сторонние наблюдатели» (Тан Суо, 2006, с. 449). В 1949 году 17 западных капиталистических стран, в том числе США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония и Австралия, создали Парижский координационный комитет (известный как «Батуми») специально для ограничения экспорта стратегических товаров и технологий из стран-членов в социалистические страны. В список эмбарго вошли десятки тысяч товаров трех категорий: военное оружие, сложные технологии и редкие материалы (У Эньюань, 2022). 4 апреля 1949 года министры иностранных дел США, Великобритании, Франции, Канады, Бельгии и Нидерландов провели в Вашингтоне церемонию подписания Североатлантического договора. Создание НАТО ознаменовало начало единых действий против Советского Союза и других социалистических стран в послевоенный период под лозунгом сдерживания коммунизма. С тех пор борьба империалистических держав против социалистических стран часто принимала форму объединенных военных блоков.

В июне 1982 года президент США Р. Рейган выступил с речью в британском парламенте, в которой заявил, что соперничество между США и СССР – это «соперничество идей и ценностей». В 1991 г. М. Тэтчер, выступая в Хьюстоне (США), сказала: «Советский Союз представляет собой серьезную угрозу для западного мира. Я не говорю о военной угрозе. По сути, военной угрозы не существует. Мы хорошо оснащенные страны, включая ядерное оружие. Я имею в виду экономическую угрозу. Благодаря политике планирования в сочетании с уникальным сочетанием ментальных и материальных стимулов Советский Союз имел высокие показатели экономического развития. Темпы роста его валового национального продукта раньше были в два раза выше, чем у нас. Если мы также примем во внимание обилие природных ресурсов в Советском Союзе, то при разумном управлении Советский Союз вполне мог вытеснить нас с мирового рынка. Поэтому мы действовали с целью ослабить советскую экономику и создать в ней внутренние проблемы» (Li Shenming, 2011, p. 424).

3.2 Уроки истории: противодействие историческому нигилизму

Горький урок распада СССР необходимо осмыслить. Мы должны извлечь исторические уроки из разрушения КПСС и Советского Союза и неуклонно следовать по пути социализма с китайской спецификой, с коммунизмом в качестве амбициозной цели. Актуальными остаются слова о том, что «угроза безопасности социалистического государства не исчезла. Практическая жизнь показывает, что пока империализм, сохраняющий свою экономическую силу и военную мощь, остается, ...народы социалистических стран, все прогрессивные силы и всеобщий мир остаются в реальной опасности» (Андропов, 1983, с. 91). 5 января 2013 года на семинаре для новых членов и заместителей членов Центрального комитета по изучению и реализации духа XVIII съезда партии генеральный секретарь Си Цзиньпин многозначительно отметил: «Почему Советский Союз распался? Почему советская коммунистическая партия распалась? Одной из важных причин была ожесточенная борьба в идеологической сфере, которая привела к полному отрицанию истории Советского Союза и Советской коммунистической партии, ... и историческому нигилизму. В конце концов, советская коммунистическая партия была распущена, а Советский Союз распался как социалистическое государство. Это урок из прошлого!» (Избранные важные документы..., 2014, с. 113). Пять лет спустя, 5 января 2018 года, Си Цзиньпин на семинаре для новых членов ЦК, заместителей членов и ключевых ведущих кадров на уровне провинций и министерств вновь предупредил: «Мы часто говорим, что из-за плохого фундамента земля трясется. Слабая вера также будет сотрясать землю. Не в этом ли заключалась логика развала Союза ССР, падения КПСС и драматических изменений в Восточной Европе? КПСС захватила власть, когда в ней было 200000 членов, победила Гитлера, когда в ней было 2 миллиона членов, и потеряла власть, когда в ней было почти 20 миллионов членов» (Си Цзиньпин, 2019). Предостерегающие слова генерального секретаря Си Цзиньпина нам нельзя игнорировать.

3.3 Основной вывод: Советский Союз был разрушен по собственной инициативе

Советский Союз распался не потому, что базовая социалистическая экономическая и политическая система оказалась нежизнеспособной, а был разрушен и демонтирован враждебными социализму силами внутри страны и за рубежом. Ранее нами было аргументировано, что «Советский Союз распался и был разрушен, как по идеологическим, так и по организационным причинам. Самой важной из этих политических причин было предательство марксизма и научного социализма руководством КПСС...»²¹. Это утверждение вызвало резонанс и обсуждалось в том числе в российских академических кругах.

Известно, что в постсоветском дискурсе для обозначения прекращения существования СССР используется термин «*распад СССР*», и ученые, использующие эту терминологию, в основном считают, что прекращение существования Советского Союза было неизбежным результатом естественного развития и было исторически неизбежным. Главный аргумент российских историков, придерживающихся этой

²¹ Академик КАОН Чен Эньфу: Анализ экономического развития СССР и причин его драматического развала. [Электронный ресурс]. URL: <https://msk.kprf.ru/2021/08/31/166904/?ysclid=I96qztzhubk40644149> (дата обращения: 30.08.2024).

точки зрения, состоит в том, что советская система, как это отмечает Р.Г. Пихоя, могла существовать только как «система централизованная, «свинченнная» номенклатурной, партийно-государственной вертикалью, использовавшая в качестве источников своего бытия государственную собственность, огромные природные ресурсы и возможности мобилизационной экономики. ...эта система устарела к концу XX в., перестала соответствовать реалиям иного времени» (Пихоя, 2005, с. 97-98).

В то же время, ряд исследователей утверждают, что охарактеризованный нами выше нарратив нацелен на то, чтобы легитимизировать распад Советского Союза (в этом случае используется термин «*дезинтеграция СССР*») (см., например: (Симонян, 2002, с. 34-37)). Поэтому исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, согласны с использованием терминов «*развала*» и «*разрушения*» Советского Союза, предложенными и аргументированными нами ранее в наших работах. Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения (разделяющие правомерность термина «*развал СССР*»), утверждают, что Советский Союз был разрушен и распался в результате сочетания исторических случайностей, внешних причин и неверных решений КПСС и руководства советского государства, а не как неизбежное следствие его основной экономической, политической и культурной системы.

В целом, мы можем заключить, что история КПСС и Советского Союза, его непрерывного развития и роста вплоть до распада (или «разрушения», если использовать термин, которого мы придерживаемся) – это история международной и внутренней классовой борьбы. Ради борьбы за будущее человечества перед лицом современных вызовов, в борьбе между социализмом и капитализмом социализм имеет существенный потенциал, значимый для выработки ответов на вызовы, стоящие перед глобальным сообществом. В 21 веке марксистская мысль (в том числе современное развитие марксизма-ленинизма, как это направление традиционно называется в академическом дискурсе Китая) сохраняет актуальность, ценность для поиска путей преодоления кризиса, перед которым оказалось мировое сообщество (Чэн Энфу, 2022). Огромная цена разрушения КПСС и Советского Союза вновь превращается в силу человеческого стремления к социализму. В этом смысле дух Великой Октябрьской социалистической революции и дух советской социалистической модернизации всегда будут «присутствовать» на пути к будущей цивилизации. В этом отношении нам предстоит пройти долгий путь.

ЛИТЕРАТУРА

Аганбегян А.Г. Два главных вызова, стоящих перед Россией: по сокращению катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и переходу к устойчивому социально-экономическому росту // Экономическое возрождение России. 2022. № 1. С. 14-30.

Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. – 320 с.

Добреньков В.И. Российское общество: современное состояние и перспективы (от социологии кризиса к социологии надежды) // Социология. 2004. № 1. С. 21-32.

Донскова Л.А. Цена победы: о материальном ущербе и демографических потерях СССР в годы Великой Отечественной войны (общесоюзный и региональный аспекты) // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2010. № 2с. С. 207-218.

Дун Чжикай. Создание 156 проектов // Исследования по экономической истории Китая. 1999. № 4. С. 95-109. (На кит.)

Избранные важные документы по итогам XVIII Всекитайского съезда / Под редакцией Бюро по изучению литературы Центрального комитета Коммунистической партии. Пекин: Центральное издательство литературы, 2014. – 892 с. (На кит.)

Иоффе Я. Основная экономическая задача СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 3. С. 21-35.

История КПСС / Под редакцией Б.Н. Пономарева. Пекин: Народная пресса, 1960. – 744 с. (На кит.)

История СССР: социалистический период (1917–1957) / Под ред. М.П. Кима. Пекин: Жизнь, чтение и новые знания, 1960. – 772 с. (На кит.)

Краткий курс истории ВКП(б). Пекин: Народная пресса, 1975. – 399 с. (На кит.)

Ли Шэньмин. Разложение КПСС – коренная причина распада СССР // Над этим размышляет история – заметки к 20-летию с момента развала СССР / Гл. ред. Ли Шэньмин. Пекин: Академическое издательство литературы по общественным наукам, 2012а. – 504 с.

Ли Шэньмин. В благополучии не забывать об опасности – исторический урок гибели КПСС. Дикторский текст к 8-серийному документальному образовательному фильму (в сокращении) // Над этим размышляет история – заметки к 20-тилетию с момента развала СССР / Гл. ред. Ли Шэньмин. Пекин: Академическое издательство литературы по общественным наукам, 2012b. – 504 с.

Ли Янь. Распад Советского Союза нельзя отнести на счет социалистической экономической системы // Историческое обозрение. 2021. № 6. С. 43-54. (На кит.)

Мамаева Н.Л., Сотникова И.Н., Верченко А.Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 промышленных объектов в КНР» в 1950-е годы: новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. – 600 с.

Народное хозяйство СССР, 1922–1982: Юбилейный статистический ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. – 623 с.

Народное хозяйство СССР в 1956 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. М.: Госстандарт, 1957. – 296 с.

Народное хозяйство СССР в 1959 г.: Стат. ежегодник. М.: Госстандарт, 1960. – 895 с.

Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1981. – 583 с.

Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1986. – 655 с.

Народное хозяйство СССР в 1987 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1988. – 736 с.

Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. – 766 с.

Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник / Отв. за вып. Л.А. Уманский. М.: Статистика, 1977. – 709 с.

Пихоя Р.Г. Размышления на тему: почему распался Советский Союз? // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 5 / Отв. ред. И.В. Починская. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. – 342 с.

Попов Г.Г. Новые подходы к оценке ВВП СССР в период Великой Отечественной войны // Журнал институциональных исследований. 2021. Т. 13. № 2. С. 53-67. DOI: 10.17835/2076- 6297.2021.13.2.053-067

Рыжков Н.И. Трагедия великой страны / Перевод Сюй Чангана и др. Пекин: Издательство Синьхуа, 2008. – 656 с. (На кит.)

Си Цзиньпин. Приверженность и развитие социализма с китайской спецификой должны быть последовательными // В поисках истины. 2022. № 18. С. 4-9. (На кит.)

Си Цзиньпин. Продвижение нового великого проекта партийного строительства должно быть последовательным // В поисках истины. 2019. № 19. С. 4-15. (На кит.)

Симонян Р.Х. Страны Балтии и распад СССР (о некоторых мифах и стереотипах массового сознания) // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 27-39.

Статистический ежегодник народного хозяйства СССР в ознаменование шестидесятилетия / Под ред. Центрального статистического бюро при Совете Министров СССР / Перевод Лу Наньцюань и др. Пекин: Жизнь, чтение и новые знания, 1979.– 710 с. (На кит.)

Сто лет Коммунистической партии. В 4-х тт. Т. 3. Период реформ, открытости и социалистической модернизации. Пекин: Издательство истории Коммунистической партии, 2022. (На кит.)

Сун Цзэсин, Фань Кан. Всемирная экономическая история. Пекин: Издательство экономических наук, 1997. (На кит.)

Тан Суо. Реформы М.С. Горбачева и разрушение Советского Союза. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2006. – 616 с. (На кит.)

У Эньюань. Была ли неспособность «идти в ногу со временем» главной причиной распада Советского Союза? – дискуссия с Чжэн Юннэнем // Исследования мирового социализма. 2022. № 2. С. 90-97. (На кит.)

Хуан Шуофэн. Теория всеобъемлющей национальной мощи. Пекин: Издательство общественных наук Китая, 1992. – 380 с. (На кит.)

Цзинь Вань, Лу Наньцюань. Послевоенная советская экономика. Пекин: Current Affairs Press, 1985. – 452 с. (На кит.)

Цзян Цзэминь. Доклад на XIV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 12 октября 1992 г. // Цзян Цзэминь. Избранное. Т. 1. / Пер. Бюро по переводу произведений Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПК. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2010. – 770 с.

Чен Энфу. Китайский новаторский марксизм: избранные произведения. М.: Родина, 2021. – 1056 с.

Чен Эньфу. Какова научная и современная ценность ленинизма? Дебаты с британским академиком Дэвидом Лейном // Исследования по политической экономике. 2022. № 1. С. 135-145. (На кит.)

Чэн Эньфу, Осипова Н.Г., Лю Чанмин. Москва – Пекин. Сборник к 100-летию образования Союза ССР / Пер. Чжоу Ли. М.: Родина, 2023. – 612 с.

Cline R.S. World Power Assessment. Boulder, Colorado: Westview Press, 1975. – 173 p.

Cline R.S. World Power Assessment 1977: A Calculus of Strategic Drift. Boulder, Colorado: Westview Press, 1977. – 206 p.

Cline R.S. World Power Trends and U.S. Foreign Policy for the 1980s. Westview Press, 1981. – 252 p.

Cline R.S. World Power Trends and US Foreign Policy in the 1980s, Taipei: Taipei Dawn Culture Co, Ltd, 1982. – 228 p.

Li Shenming. World Socialism Tracking Study (2010-2011), Beijing: Social Science Literature Press, 2011. – 443 p.

Информация об авторах

Чен Эньфу – главный профессор Университета Китайской академии общественных наук (CASS), академик Китайской академии общественных наук (CASS), директор Центра исследований экономического и социального развития Китайской академии общественных наук, член Комитета ЮНЕСКО Всекитайского собрания народных представителей, президент Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE), президент отделения инновационных исследований марксизма, Пекин, КНР.

(E-mail: chengef@cass.org.cn) (ORCID: 0000-0002-9236-1916)

Ли Чжожу – аспирант социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия; заместитель генерального секретаря Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE), приглашенный научный сотрудник Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете, КНР.

(E-mail: liz@my.msu.ru)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

100 years of the Communist Party of China. In 4 volumes. Vol. 3: Reform, Opening-up and Socialist Modernisation. Beijing: Communist Party History Publishing House, 2022. (In Chin.)

Aganbegyan A.G. The two major challenges facing Russia: To reduce the catastrophically high death rate while restoring the safety of the people and the transition to sustainable socio-economic growth. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*=Economic Revival of Russia. 2022;(1):14-30. (In Russ.)

Andropov Yu.V. Selected speeches and articles. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1983. – 320 p. (In Russ.)

Cheng Enfu, Osipova N.G., Liu Changming. Moscow – Beijing. Collection for the 100th anniversary of the formation of the Union of Soviet Socialist Republics. Translated by Li Zhuoru. Moscow: Rodina, 2023. – 612 p. (In Russ.)

Cheng Enfu. Chinese Innovative Marxism: Selected Works. Moscow: Rodina, 2021. – 1056 p. (In Russ.)

Cheng Enfu. What is the scientific and contemporary value of Leninism? Debate with British academic David Lane. *Chinese Journal of Political Economics.* 2022;(1):135-145. (In Chin.)

Cline R.S. World Power Assessment 1977: A Calculus of Strategic Drift. Boulder, Colorado: Westview Press, 1977. – 206 p.

Cline R.S. World Power Assessment. Boulder, Colorado: Westview Press, 1975. – 173 p.

Cline R.S. World Power Trends and U.S. Foreign Policy for the 1980s. Westview Press, 1981. – 252 p.

Cline R.S. World Power Trends and US Foreign Policy in the 1980s, Taipei: Taipei Dawn Culture Co, Ltd, 1982. – 228 p.

Dobrenkov V.I. Russian society: current state and prospects (from the sociology of crisis to the sociology of hope). *Sociology*. 2004;(1);21-32. (In Russ.)

Dong Zhikai. Creating 156 Projects. *Researches in Chinese Economic History*. 1999;(4):95-109. (In Chin.)

Donskova L.A. Price of victory: On material damage and demographic losses of the USSR during the Great Patriotic War (all-union and regional aspects). *Bulletin of Taganrog State Pedagogical Institute*. 2010;(2c);207-218. (In Russ.)

History of the CPSU. Edited by B.N. Ponomarev. Beijing: People's Press, 1960. – 744 p. (In Chin.)

History of the USSR: socialist period (1917-1957). Edited by M.P. Kim. Beijing: Life, reading and new knowledge, 1960. – 772 p. (In Chin.)

Huang Shuofeng. Theory of comprehensive national power. Beijing: Chinese Social Sciences Press, 1992. – 380 p. (In Chin.)

Ioffe Ya. The main economic task of the USSR. *Planned Economy*. 1939;(3):21-35. (In Russ.)

Jiang Zemin. Report at the XIV All-China Congress of the Communist Party of China, 12 October 1992. In *Jiang Zemin. Selected Works. Vol. 1.* Transl. Bureau for the translation of works of Marx – Engels – Lenin – Stalin under the CPC Central Committee. Beijing: Publishing House of Foreign Language Literature, 2010. – 770 p. (In Russ.)

Jin Wang, Lu Nanquan. The postwar Soviet economy. Beijing: Current Affairs Press, 1985. – 452 p. (In Chin.)

Li Shenming. Decomposition of the CPSU is the root cause of the collapse of the USSR. In *History reflects on it – notes for the 20th anniversary of the collapse of the USSR.* Editor-in-Chief Li Shenming. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2012a. – 504 p. (In Russ.)

Li Shenming. In prosperity not to forget the danger – a historical lesson of the CPSU's demise. Voice-over narration for the 8-part educational documentary film (in abridged form). In *History reflects on it – notes for the 20th anniversary of the collapse of the USSR.* Editor-in-Chief Li Shenming. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2012b. – 504 p. (In Russ.)

Li Shenming. World Socialism Tracking Study (2010-2011), Beijing: Social Science Literature Press, 2011. – 443 p.

Li Yan. The collapse of the Soviet Union cannot be attributed to the socialist economic system. *Historical Review*. 2021;(6):43-54. (In Chin.)

Mamaeva N., Sotnikova I., Verchenko A. Participation of the USSR in the reconstruction and construction of «156 production facilities» in China in the 1950s.: New facts and circumstances of Soviet–Chinese cooperation. Moscow: Whole World Publishing, 2018. – 600 p. (In Russ.)

National economy of the USSR for 60 years. Anniversary statistical yearbook. Responsible for the issue L.A. Umansky. Moscow: Statistics, 1977. – 709 p. (In Russ.)

National economy of the USSR in 1956: Stat. yearbook. Central Statistical Service under the Council of Ministers of the USSR. Moscow: Gosstandart, 1957. – 296 p. (In Russ.)

National economy of the USSR in 1959: Stat. yearbook. Moscow: Gosstandart, 1960. – 895 p. (In Russ.)

National economy of the USSR in 1980. Statistical yearbook. Moscow: Finance and Statistics, 1981. – 583 p. (In Russ.)

National economy of the USSR in 1985. Statistical yearbook. Moscow: Finance and Statistics, 1986. – 655 p. (In Russ.)

National economy of the USSR in 1987. Statistical yearbook. Moscow: Finance and Statistics, 1988. – 736 p. (In Russ.)

National economy of the USSR in 1989: Statistical yearbook. Goskomstat of the USSR. Moscow: Finance and Statistics, 1990. – 766 p. (In Russ.)

National economy of the USSR, 1922-1982: Anniversary Statistical Yearbook. Central Statistical Office of the USSR. Moscow: Finance and Statistics, 1982. – 623 p. (In Russ.)

Pikhoya R.G. Reflections on the topic: Why did the Soviet Union collapse? Urals Collection. History. Culture. Religion. Vol. 5. Ed. by I.V. Pochinskaya. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2003. – 342 p. (In Russ.)

Popov G.G. New approaches to estimating the USSR GDP during the Second World War. Journal of Institutional Studies. 2021;13(2):53-67. (In Russ.) DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.2.053-067

Ryzhkov N.I. Tragedy of a great country. Translated by Xu Changan et al. Beijing: Xinhua Publishing House, 2008. – 656 p. (In Chin.)

Selected Important Documents from the XVIII National Congress. Edited by the Literature Research Bureau of the Central Committee of the Communist Party. Beijing: Central Literature Publishing House, 2014. – 892 p. (In Chin.)

A Short Course in the History of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Beijing: People's Press, 1975. – 399 p. (In Chin.)

Simonyan R.Kh. The Baltic States and the collapse of the USSR (about some myths and stereotypes of mass consciousness). Voprosy istorii=Issues of History. 2002;(12):27-39. (In Russ.)

Statistical yearbook of the national economy of the USSR in commemoration of the sixtieth anniversary. Edited by the Central Statistical Bureau under the USSR Council of Ministers. Translated by Lu Nanquan et al. Beijing: Life, Reading and New Knowledge, 1979. – 710 p. (In Chin.)

Sun Jieqing, Fan Kang. World Economic History. Beijing: Economic Science Press, 1997. (In Chin.)

Tan Suo. Gorbachev's reforms and the destruction of the Soviet Union. Beijing: Publishing House of Social Science Literature, 2006. – 616 p. (In Chin.)

Wu Enyuan. Was failure to “keep up with the times” the main reason for the disintegration of the Soviet Union? – A discussion with Zheng Yongnian. World Socialism Studies. 2022;(2);90-97. (In Chin.)

Xi Jinping. Adherence to and development of socialism with Chinese characteristics should be consistent. Qiushi=Seeking Truth. 2022;(18):4-9. (In Chin.)

Xi Jinping. Promoting the new great project of Party building should be consistent. Qiushi=Seeking Truth. 2019;(19):4-15. (In Chin.)

Information about the authors

Cheng Enfu – Chief Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences (UCASS), Academician of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), Director of the Research

Center of Economic and Social Development at the Chinese Academy of Social Sciences, Member of the UNESCO Committee of the National People's Congress, Chairman of the World Association of Political Economy (WAPE), President of the Innovative Marxism Research Division, Beijing, PRC.

(E-mail: chengef@cass.org.cn) (ORCID: 0000-0002-9236-1916)

Li Zhuoru – PhD student, Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Russia; Deputy Secretary General, World Association for Political Economy (WAPE), Visiting Fellow, Institute for State Security Studies, Nankai University, PRC.

(E-mail: liz@my.msu.ru)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 26.06.2024; одобрена после рецензирования: 15.09.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 330.101.52

DOI: 10.5281/zenodo.14509643 <https://zenodo.org/record/14509643>

ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ VS ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ВЗГЛЯД ИНСТИТУЦИОНАЛИСТА

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна¹

Доктор социологических наук, кандидат экономических наук, заведующий Центром институционально-эволюционной экономики, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия, (kirdina@inecon.ru), (ORCID: 0000-0002-9234-8308)

Ключевые слова: *теории экономического роста, теории экономического развития, экономические институты, критика неоклассической экономической теории, гетеродоксальная экономическая теория, методология экономической науки, Development Economics*

Благодарность: Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института экономики РАН по теме «Институциональные основания и воспроизводственные факторы экономической политики России, способствующие переходу к экономике развития», регистрационный номер НИОКТР – 124013000799-0.

Автор благодарит участников Круглого стола «Рост vs Развитие», организованного Лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ, журналом «Вопросы политической экономии» и НОЦ современных марксистских исследований философского факультета МГУ (26 апреля 2024 г., г. Москва) за обсуждение доклада, на основе которого подготовлена данная статья.

Для цитирования: Кирдина-Чэндлер С.Г. Теории экономического развития vs теории экономического роста: взгляд институционалиста // Вопросы политической экономии. 2024. № 4(40). С. 142-162.

THEORIES OF ECONOMIC DEVELOPMENT VS. THEORIES OF ECONOMIC GROWTH: AN INSTITUTIONALIST'S PERSPECTIVE

Svetlana G. Kirdina-Chandler

Doctor of Science (Sociology), Ph.D. in Economics, Head of the Center of Institutional and Evolutionary Economics, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (kirdina@inecon.ru), (ORCID: 0000-0002-9234-8308)

Keyword: *theories of economic growth, theories of economic development, economic institutions, criticism of neoclassical economic theory, heterodox economic theory, methodology of economic science, Development Economics*

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the State Plan for the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, № 124013000799-0.

¹ © Кирдина-Чэндлер С.Г., 2024

The author thanks the participants of the Round Table "Growth vs. Development", organized by the Laboratory for Comparative Research of Socio-Economic Systems of the Faculty of Economics of Moscow State University, the journal "Problems in Political Economy" and the Scientific and Educational Center for Contemporary Marxist Studies of the Philosophy Faculty of Moscow State University (April 26, 2024, Moscow) for discussing the paper.

For citation: Kirdina-Chandler S.G. Theories of economic development vs. theories of economic growth: an institutionalist's perspective. *Problems in Political Economy*. 2024;4(40):142-162.

JEL codes: B3, B4, B5

Введение

Так сложилось, что *теории экономического роста* формировались и эволюционировали в рамках экономической ортодоксии, объединяющей классическую и неоклассическую традиции. Ее основы были заложены работами Адама Смита (1723–1790) – одного из основателей классической политической экономии. Подход Смита был продолжен в неоклассической экономической теории. Термин «неоклассическая экономическая теория» (*Neoclassical Economics*) впервые был применен Торстейном Вебленом (1857–1929) для характеристики экономической теории Альфреда Маршалла и Кембриджской школы (Veblen, 1900, pp. 242, 260-262, 265-268). Если приставка «нео» означала отличие направления от смитианской традиции, то сохранение слова «классическая» в этом неологизме указывало на преемственность маршаллианского маржинализма по отношению к классической экономической науке: речь идет «об общих для них утилитарном подходе и гедонистических представлениях об эгоистичном индивидууме, ориентированном на получение удовольствия от потребления получаемых благ» (Aspromourgos, 1991, p. 502). Отличие, выраженное приставкой «нео», Веблен видел в невнимании к факторам за пределами «человека экономического», прежде всего к институтам, посредством которых происходит приспособление хозяйственной (и не только) деятельности к условиям внешней среды². Классическая политическая экономия, на его взгляд, опиралась на более реалистичные представления и учитывала культурный и нравственный аспекты деятельности экономических акторов.

В свою очередь, *теории экономического развития* изначально формировались в русле критики смитианского, а затем и неоклассического ортодоксального направления. Они объединяют совокупность теорий экономического развития (или теорий «экономики развития») XX-XXI вв. и относятся к гетеродоксальному направлению экономической мысли. Если в основе теорий экономического роста лежит известный субъективизм Адама Смита³, а также открытый им и наследуемый неоклассическим направлением во всех его современных модификациях «ав-

² «...эволюция общественного устройства явилась процессом естественного отбора социальных институтов. Продолжающееся развитие институтов человеческого общества и природы человека, прогресс, можно в общих чертах свести к естественному отбору ... социальных институтов, в которых протекает человеческая жизнь» (Veblen T. *The Theory of The Leisure Class. An Economic Study in The Evolution of Institutions*. New York, London: Macmillan & Co., 1899, p. 188).

³ Смит писал: «Преследуя свои собственные интересы, индивид... более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» (Цит. по: Аскильдсен Я.Э. Адам Смит и «невидимая рука» рыночного механизма. В кн.: *Теория и методы в социальных науках / Под ред. С. Ларсена*. М: МГИМО; РОССПЭН, 2004. С. 146. – С. 147-163).

томатический равновесный механизма конкурентного рынка» (Блауг, 1994, с. 51)⁴, то для теорий экономического развития характерны понимание неравновесности экономических процессов, признание рыночных механизмов не единственными способами экономической координации и более внимательный подход к анализу институтов и внешних условий экономической деятельности. В данной статье мы подробнее рассмотрим эти отличия.

Отметим, что общим для обеих групп теорий является признание того, что «рост производства представляет собой естественное следствие процесса накопления капитала. Тем самым процесс производства получает динамическую трактовку и позволяет перейти к рассмотрению условий его расширенного воспроизводства» (Балацкий, Екимова, 2022, с. 5). Поэтому для институционалиста различия между теориями экономического роста и экономического развития означают, по сути, разные подходы к пониманию институционального оформления процессов накопления капитала и осуществления инвестиций, необходимых для экономической динамики.

Сопоставительный анализ теорий экономического роста и экономического развития можно проводить с различных точек зрения. Их можно сравнивать по месту и времени происхождения, что типично для истории экономической мысли; по особенностям определения предмета исследования, в том числе во взаимосвязи с историческими обстоятельствами; по принадлежности к различным научно-исследовательским программам (Lakatos, 1978); по особенностям используемого инструментария и методов исследования; по вкладу в понимание происходящих процессов, логической полноты и степени соответствия предсказаний реальности (Friedmen, 1953, p. 809); по возможностям «эмпирического тестирования» (Baumol, 2000); по характерному «идеологическому ядру» (Bresser-Pereira, 2010, p. 499); (Кирдина-Чэндлер, 2022) и т.д. Мы сосредоточимся на сравнении исходных методологических предпосылок, лежащих в основаниях каждой из групп теорий, в том числе и потому, что выявленные особенности могут быть полезны при понимании отличий между теориями экономического роста и экономического развития по ряду поименованных выше позиций. Внимание к специфике исходных методологических предпосылок позволит представить те «линзы», через которые представители этих двух групп теорий смотрят на характеристики институтов. Это позволит понять не только само представление об институтах в этих теориях, но также то, какие именно институты полагаются наиболее важными и существенными для экономической динамики в теориях экономического роста и теориях экономического развития. С этой точки зрения данная работа продолжает наши многолетние теоретические и эмпирические исследования в рамках концепции институциональных X-Y-матриц (Кирдина, 2014 [2001, 2000]).

В разделе 1 теории *экономического роста* будут проанализированы с точки зрения характерных для них исходных предпосылок неоклассической экономики и связанного с этим видения институциональной структуры современной экономики. В разделе 2 рассмотрим становление гетеродоксальных теорий *экономиче-*

⁴ На эту связь между политэкономией Смита и современной неоклассикой со ссылкой на Блауга, обращал внимание В.Н. Черковец в докладе на заседании «А. Смит в XXI веке – уроки для современной политической экономики и новой модели российской экономики», МГУ, февраль 2007 г. (Малахинова Р.П. Адам Смит в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2008. № 1. С. 117. – С. 115-126).

ского развития, спектр которых достаточно широк и выходит за рамки известного направления «экономики развития» (*Development Economics*); мы выделим их исходные предпосылки, которые определяют специфику подхода к анализу институтов. В разделе 3 представим *выводы* исследования и перспективы рассмотренных групп теорий.

1. Теории экономического роста: методологические предпосылки и взгляд на институты

Ключевым понятием в теориях экономического роста является собственно экономический рост. Он означает положительную количественную динамику таких основных макроэкономических показателей, как уровень доходов населения и долгосрочные темпы роста (прироста) ВВП в целом по стране и на душу населения. Теории экономического роста исследуют причины межстрановых различий этих показателей, факторы выхода на траекторию устойчивого роста и поддержания высоких темпов роста на длительном интервале времени.

Начиная с трудов основных представителей классической экономической школы А. Смита, Томаса Мальтуса (1766–1834), Давида Рикардо (1772–1823), Джорджа Стюарта Милля (1806–1823) и др., экономический рост, или прирост национального богатства, определялся величиной факторов производства и их производительностью (История экономики..., 2010, с. 537). Поскольку основным фактором производства в XVIII в. выступала земля, количество которой, как и плодородие, были ограниченными (что выразилось в формулировке «закон убывающего плодородия почвы» в тот период), перспективы долгосрочного экономического роста были скорее пессимистическими. Однако в дальнейшем теории экономического роста, отражая происходившие в экономике изменения, строились на более оптимистических предпосылках. В неоклассической теории были предложены различные модели экономического роста, которые можно найти в современных учебниках. В них исследуются условия выхода на траекторию устойчивого равновесного роста на основе жесткого соотношения факторов производства, а именно труда и капитала (модель Харрода-Домара); переменных пропорций между трудом и капиталом за счет добавления параметра технического прогресса (модель Солоу); учета межвременной функции полезности потребителя (модель Рамсея-Касса-Купманса) вместо экзогенной нормы сбережений, как в модели Солоу; расширения понятия капитала за счет включения в него человеческого капитала (модель Мэнкью-Ромера-Вейла). В модели обучения в процессе деятельности Пола Ромера технический прогресс задается уже не экзогенно, как в предыдущих моделях, а эндогенно как следствие обучения в процессе деятельности работников и затрат на НИОКР, т.е. накопление знаний сопутствует накоплению капитала⁵, что обеспечивает для экономики источник возрастающей отдачи (История экономики..., 2010, с. 538-552). Можно видеть, что во всех перечисленных моделях, при их разнообразии, сохраняется исходное положение о роли факторов производства и их производительности в достижении экономического роста. Институциональные факторы напрямую в эти модели не включаются.

Хотя первые теории роста в экономике предлагались уже более 100 лет назад, «о выделении теории экономического роста как раздела макроэкономики, кото-

⁵ Нельсон и Винтер в своей модели также источник инноваций связывают с затратами, потраченными фирмами на НИОКР (Nelson, Winter, 1982).

рый занимается моделированием процессов экономического развития государства, можно говорить лишь с XX в.» (Красильников, 2007, с. 60). В своей работе А.С. Красильников дал подробный анализ моделей экономического роста, начиная с модели Фельдмана (Фельдман, 1928) и заканчивая моделями эволюционной экономики (Nelson, Winter, 1982). Он исследовал развитие теорий экономического роста с помощью методологии научно-исследовательских программ Имре Лакатоса (Lakatos, 1978). Как известно, под такой программой понимается основная единица научного знания, характерная для «зрелой науки»; она представляет совокупность и последовательность теорий, связанных непрерывно развивающимся основанием с общностью основополагающих идей и принципов, получивших название «твердого ядра» научных программ. Красильников обратил внимание на специфику «твердого ядра» программы неоклассических теорий роста: в нем он выделил, во-первых, изучение равновесной траектории роста и влияющих на ее устойчивость причин, и, во-вторых, накопление факторов производства как условие экономического роста. Об институтах как основополагающем принципе в программе неоклассических теорий роста речь не идет.

Анализ теорий экономического роста, дополненный обзором современных моделей, продолжен в новейшей работе (Буянова, Аверина, 2024). Здесь авторы, опираясь на широкий круг отечественных и зарубежных исследователей, дают несколько классификаций теоретических и эмпирических моделей экономического роста по различным критериям. И хотя авторы указывают в качестве одного из критериев классификации принадлежность к экономическим школам и направлениям, в том числе к институциональному (Буянова, Аверина, 2024, с. 9, 12), они также не обозначают специфику анализа институтов в рассматриваемых теориях.

С точки зрения институционалиста наибольший интерес представляет, на наш взгляд, обзор теорий экономического роста в недавней монографии «Новые подходы к моделированию экономического развития» (Балацкий, Екимова, 2022). Ее авторы отмечают, что в ряде современных концепциях роста институты не просто рассматриваются в качестве одного из факторов экономического роста, но полагаются главным из них. Подробному анализу теоретических и прикладных разработок, в которых реализован данный подход, авторы посвящают Главу 2 «Институциональный фактор экономического роста».

Опираясь на проведенный ими анализ, мы можем выделить два основных подхода к рассмотрению институтов в современных теориях экономического роста. Оба подхода опираются на использование разнообразных «институциональных индексов»⁶. Первый подход состоит в следующем: величины, отражающие значения «институциональных индексов», добавляются как новый параметр в производственную функцию, например, в двухфакторную производственную функцию вида Кобба-Дугласа. В связи с этим такие функции получают название «производственно-институциональных функций», которые отличаются от классических производственных функций наличием «институтов». И, хотя эти модели позволяют строить и проверять различные экономические зависимости, в том числе выделяя

⁶ О сложностях формализации институциональных измерений посредством построения индексов разного рода, затрудняющих получение объективных и достоверных выводов, подробнее см. (Фролов, 2015, с. 24-26); (Woodruff Ch. Measuring institutions. In: Rose-Ackerman (Ed.) International Handbook on the Economics of Corruption. Cheltenham: Edward Elgar, 2006. Pp. 105-124. <https://doi.org/10.4337/9781847203106.00009>). На это справедливо указывают и авторы цитируемой монографии.

роль того или иного «института», авторы относят такую аналитическую схему «к разряду «механистических» в том смысле, что она является простым продолжением и модификацией теории предельной производительности с учетом «механического» добавления институционального фактора» (Балацкий, Екимова, 2022, с. 95).

Второй подход, получающий все более широкое распространение, состоит в построении различных эконометрических моделей, в которых те или иные институциональные факторы, также представленные в виде «институциональных индексов», увязываются с динамикой экономического роста. Примером может служить использование регрессионной модели влияния на экономический рост такого института, как Центральный банк России, воздействие которого измеряется посредством специально разработанного «индекса монетарной эффективности» (Балацкий, Екимова, 2019). Другим примером может служить использование многомерной модели временных рядов для выявления зависимости долгосрочного равновесного экономического роста от значения «сводного индекса экономических реформ» (Maksymenko, Rabbani, 2011) в Индии и Южной Корее.

Хотя такие подходы приводят к эмпирически и технически довольно убедительным результатам... разработчики институциональных индексов и индикаторов часто проводят линейную связь между институтами и их результатами, что упрощает реальную сложность причинно-следственных связей между различными факторами социально-экономического развития» (Фролов, 2015, с. 26).

Это упрощение мы связываем с особенностью методологических предпосылок, лежащих в основе теорий экономического роста: поскольку они представляют собой раздел неоклассической экономической теории, то внутри их «твердого ядра», выделенного процитированным выше А.С. Красильниковым, лежат те же неоклассические методологические предпосылки. Анализ этих предпосылок посвящено множество работ, в том числе и наших (Кирдина, 2013); (Кирдина-Чэндлер, 2021). Среди них принцип «методологического индивидуализма» с его признанием «рациональности» экономических агентов – в т.ч. агрегированных, поскольку макроэкономика базируется в современной неоклассике на микрооснованиях (Stiglitz, 2018), и их ориентация на «максимизацию» результата хозяйственной деятельности, без которых не может функционировать «автоматический равновесный механизм конкурентного рынка» (по Марку Блаугу).

Другими словами, опора на упомянутые предпосылки в экономических исследованиях роста означает анализ деятельности экономических субъектов на конкурентных рынках, что автоматически подразумевает вполне определенную институциональную среду, а именно рыночную, основу которой составляют институты частной собственности. Именно такое представление об институтах доминирует в теориях экономического роста, как отмечает известный экономист Ха-Джун Чанг⁷ из Южной Кореи, более 30 лет проработавший профессором Кембриджского университета в Великобритании. Он поясняет свою мысль следующим образом: теории экономического роста «утверждают, что «либерализованные» (или то, что, большинство европейцев могут назвать «либеральными») институты, которые наиболее сильно защищают права частной собственности и обеспечивают макси-

⁷ Ха-Джун Чанг является автором знаменитого бестселлера «23 Things They Don't Tell You About Capitalism», вышедшего в 2011 г.; в 2013 г. «Prospect magazine» включил Х-Д. Чанга в число 20 лучших мировых мыслителей «The top 20 World Thinkers» (<https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/50996/world-thinkers-2013>) (дата обращения: 18.05.2024).

мальную экономическую свободу (особенно свободу бизнеса в поисках прибыли), будут наилучшим образом способствовать инвестициям и, следовательно, экономическому росту» (Chang, 2010a, p. 478). Он приводит ссылки на широко известные исследования, в частности (Acemoglu et al, 2001, 2005, p. 385-472); (La Porta et al, 2008), в которых находит отражение данный подход, но с которым он не согласен.

Рассмотрим подробнее «аргументы несогласия» корейского экономиста. Во-первых, Чанг справедливо отмечает игнорирование в «рыночных» теориях экономического роста других форм собственности, отличных от частной, например, государственной собственности и собственности так называемого «открытого доступа», на том основании, что «государственная собственность неэффективна из-за ограничений конкуренции и проблемы принципала-агента, в то время как открытый доступ приводит к «трагедии общего достояния»» (Chang, 2010a, p. 481). Однако он указывает на то, что существует множество исследований и примеров, доказывающих действенность «не частных» форм собственности в определенных условиях. Известные работы Элинор Остром (Ostrom, 1990; 2007) демонстрируют, как может быть эффективна система прав собственности с открытым доступом (*commons*). В работах (Полтерович, 2012; 2013) показано, что рационализация отношений собственности отнюдь не всегда предполагает приватизацию. В приведенном В.М. Полтеровичем обзоре работ, посвященных сопоставлению эффективности частных и государственных форм собственности, не выявлено консенсусных доказательств в пользу преимуществ той или иной формы. Более того, детализованные исследования указывают условия, при которых государственная собственность очевидно эффективнее частной – среди них провалы рынка (особенно провал рынка капитала), естественная монополия и экстерналии (Chang, 2007). В свою очередь, экономическая практика ряда стран также демонстрирует результативность различных форм собственности за пределами частной. Так, в Китае многие гибридные формы собственности весьма эффективны – от сельскохозяйственных кооперативов и поселковых (деревенских) предприятий до децентрализованных акционерных структур с косвенным влиянием государства (Allen et al, 2022). Также есть много «примеров государственных предприятий в таких странах, как Сингапур, Франция, Финляндия, Норвегия и Тайвань, которые были не только эффективными в узком смысле распределения, но и руководили процессом экономического роста своих стран благодаря технологическому динамизму и экспортным успехам» (Chang, 2007; 2010a, p. 481).

Во-вторых, вслед за Джеффри Ходжсоном (Hodgson, 2009), Чанг обращает внимание на то, что само понятие «собственность» – это не просто владение, а «институционализированное владение». Это означает, что оно основано на существовании третьей стороны (государства), которая может узаконивать, выносить решения и обеспечивать соблюдение соответствующих прав владельцев собственности. Такое понимание подразумевает не антагонизм между владельцами частной собственности и государством, как это характерно для доминирующего дискурса неоклассической ортодоксии и развиваемых в ее рамках теорий экономического роста, но сотрудничество. В качестве примера Чанг приводит Сингапур, известный сильным государством, которое очень хорошо защищает права частной собственности. При этом обращается внимание на то, что сила сингапурского государства во многом обусловлена высокоэффективным государственным сектором.

Так, доля ВВП, производимого государственными предприятиями, составляет 20%, а в производстве жилья доля государственной жилищной корпорации составляет 85%; земля в Сингапуре полностью находится в собственности государства (Chang, 2010a, p. 481).

В дополнение к аргументам Ха-Джун Чанга укажем на известный феномен «азиатских тигров» (Vogel, 1991), скачок которых в экономическом развитии плохо объясняется в категориях теорий экономического роста. Помимо упомянутого Сингапура, в группу «азиатских тигров» были включены Гонконг⁸, Южная Корея и Тайвань⁹: с начала 1960-х гг. до финансового кризиса 1990-х гг. они демонстрировали двузначные темпы роста¹⁰ при низких значениях инфляции на уровне 1-3% ежегодно¹¹. Развитие рыночных институтов, рост капитала и активное заимствование передовых технологий, на что обращают внимание сторонники теории экономического роста, не дает полной картины реальных изменений, которые способствовали успеху «азиатских тигров». Большинство гетеродоксальных авторов указывают на значимость в этом процессе государственных органов в той или иной роли: на «наличие сильной политической элиты, а также разработку продуманной долгосрочной стратегии экономического развития, которая характеризовалась последовательностью проводимых реформ» (Восканян, 2020, с. 24), на «активное вмешательство государства» в формирование и собственно саму деятельность рыночных механизмов экономики (Cho, 1994) и т.д. Именно сбалансированность между рыночными инструментами стимулирования экономики и продуманными мерами правительства, вплоть до жесткого государственного регулирования производственной и финансовой сфер, стали ключевым фактором успеха этих стран. Аналогичные выводы были распространены затем уже на 8 стран (Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия и Индонезия), названных «восточноазиатским чудом» по причине резкого роста их экономик (Campos, Root, 1996).

Обобщая дебаты среди теоретиков роста на тему об источниках бурно развивающихся азиатских экономик, Роберт Фогель¹² критиковал позицию ученых, которые «приписывают большую долю роста просто росту капитала» (Fogel, 2009, p. 35). Ссылаясь на работы Пола Кругмана, Джозефа Стиглица и других авторитетных авторов, он обосновывает, что недостаточно считать лишь увеличение факторных затрат или общей производительности факторов основным источником экономического роста для «азиатских тигров» и других быстро растущих экономик в этой части мира. Он выступает от лица большой группы экономистов, утверждаю-

⁸ С 1997 г. Гонконг является специальным административным самоуправляемым районом КНР.

⁹ Хотя Тайвань считает себя независимым государством, и его суверенитет признан 23 странами, КНР включает Тайвань в состав своей страны на уровне отдельной самоуправляемой провинции. ООН не рассматривает Тайвань как самостоятельное государство.

¹⁰ До пандемического периода средние показатели роста ВВП за 1960–2018 гг. продолжали опережать среднемировые уровни и составляли в Гонконге 6%, а в остальных трех странах – 7% (Восканян, 2020, с. 27).

¹¹ Источник: База данных Всемирного банка. URL: <https://www.data.worldbank.org> (дата обращения: 01.07.2024).

¹² Роберт Уильям Фогель (1926–2013), американский экономист, специалист по экономической истории с применением статистического анализа, лауреат премии Альфреда Нобеля по экономике 1993 г. (совместно с Дугласом Нортон), «за возрождение исследований в области экономической истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения».

щих, что роль правительств и проведение соответствующей макроэкономической политики по поощрению и поддержанию экономического роста была решающей. Именно политические и институциональные режимы обеспечили реструктуризацию экономики для эффективного усвоения новых технологий, поощряли развитие образовательной системы, которая помогала предпринимателям и техническим специалистам начать процесс освоения и внедрения новых технологий, содействовали развитию промышленной структуры, которая позволяла этим новым кадрам приобретать опыт, необходимый для эффективного использования и развития собственных технологических новшеств (Fogel, 2009).

Перечисленные аргументы показывают, на наш взгляд, почему теории экономического роста, основанные на неоклассических методологических предпосылках и игнорирующие институциональную сложность, не всегда хороши для объяснения и прогнозирования экономической динамики. Это служило причиной формирования в параллель с ними теорий экономического развития (теорий «развития экономики»), которые разрабатывались гетеродоксальными экономистами.

2. Теории экономического развития: история становления, исходные предпосылки и взгляд на институты

Считается, что одним из первых на отличие экономического роста от экономического развития указал Йозеф А. Шумпетер (1883–1950) в своей знаменитой работе «Теория экономического развития» (Schumpeter, 1911). Он обратил внимание на два типа экономических изменений. Первые происходят при сохранении системы институтов и включают преимущественно адаптацию экономических структур. Эти изменения происходят под влиянием внешних факторов и могут быть исследованы с помощью статического анализа, также они в значительной степени обратимы. Второй тип изменений подразумевает качественную эволюцию экономического процесса: он не адаптируется к внешним факторам, а модифицируется в своих структурах на эндогенной основе. Такой тип изменений необратим¹³. Первый тип изменений Шумпетер связывал с экономическим ростом, а второй – с экономическим развитием. Развитие предполагает создание нового, переструктурирование экономики. Поэтому, если в теориях экономического роста преимущественное внимание уделяется анализу динамики количественных параметров производства и потребления, выраженных в показателях ВВП и уровне доходов (хотя и не только), то теории экономического развития имеют в виду не только анализ количественной динамики, но больше концентрируются на качественных, в том числе институциональных, изменениях, новшествах в производстве, в продукции и услугах, в области управления, в других сферах жизнедеятельности и в государственной политике.

Аналогичное понимание экономического развития сохраняется и у современных гетеродоксальных экономистов. Так, обсуждая вопрос о взаимосвязи экономического роста и экономического развития, сторонники теорий экономического развития отмечают: «экономический рост, по крайней мере, когда он генерируется за счет трансформации производственной структуры экономики, является ключевым

¹³ Alain Alcouffe, Sylvie Ferrari. Growth versus development from Schumpeter to Georgescu-Roegen. 12th Eshet conference, May 2008, Prague, République Tchèque. ffhshshs-01005389f. <https://shs.hal.science/hal-shs-01005389v1/document> (дата обращения: 01.07.2024).

двигателем экономического развития, и поэтому экономическое развитие без экономического роста невозможно, хотя экономический рост без экономического развития возможен» (Chang, 2010a, p. 7). Именно трансформации в производственных структурах, как и развитие социальных и технологических возможностей, которые являются причинами и следствиями такой трансформации, а не только сокращение бедности, обеспечение основных потребностей, индивидуальное улучшение и поддержание существующей производственной структуры, составляют содержание экономического развития (Chang, 2010b, p. 47). Экономическое развитие предполагает: расширение возможностей человека; ориентированный на социальные цели политический процесс; прогресс технологий; совершенствование институтов; заботу об окружающей среде. Если в основании теорий экономического роста как раздела неоклассики лежит субъективизм, отражением которого является принцип методологического индивидуализма, т.е. анализ индивидов, вырванных из контекста и ориентированных на собственную выгоду («индивиды, преследующие свои личные интересы, содействуют общественному благу» – Адам Смит), то для теорий экономического развития характерно признание социальности экономических субъектов и материалистический подход, т.е. понимание обусловленности экономического поведения особенностями внешней среды и необходимостью создания институтов для совместной деятельности по обеспечению развития общества и экономики в данных этому обществу условиях.

К настоящему времени можно говорить о теориях экономического развития, или «экономике развития», в двух смыслах – в узком и широком. В узком понимании они представляют собой теоретическое направление, которому в английском языке сегодня соответствует термин *Development Economics*, экономисты также называют это направление *Developmentalism*¹⁴. Оно начало развиваться с 1940-х гг. в странах Латинской Америки в поисках теоретического ответа на потребности практической политики. Неслучайно лидер классического девелопментализма Рауль Пребиш (Raúl Prebisch, 1901–1986), участвовал в создании Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА) и в 1950–1962 гг. возглавлял ее, а с 1969 г. работал генеральным директором Латиноамериканского института экономического и социального планирования при ЭКЛА. В свою очередь лидер нового девелопментализма Луис Карлос Брессер-Перейра (Luiz Carlos Bresser-Pereira, род. в 1934 г.) в 1987 г. был министром финансов Бразилии, в 1995–1998 гг. возглавлял Министерство федерального управления и реформы государства, а в 1999 г. был министром науки и технологий.

Многие годы экономисты, не включенные в данное направление, смотрели на девелопментализм как на теорию, предназначенную для анализа экономик развивающихся стран¹⁵, правительства которых озабочены тем, как им догнать передовые страны современного капитализма. Однако сами представители *Development Economics* понимают экономику развития гораздо шире, а их разработки представ-

¹⁴ В рамках девелопментализма выделяют обычно «классический девелопментализм» 1940–1990-х гг. и «новый девелопментализм», развивающийся с 2000-х гг. (Bresser-Pereira L.C. Reflecting on new and classical developmentalism. *Review of Keynesian Economics*. 2016;4(3):331-352); (Tijerina W. Developmentalism as a comparative-historical model: From Friedrich List to Bresser-Pereira. *Revista de Economia Política [Brazilian Journal of Political Economy]*. 2020;40(3):484-492. <http://dx.doi.org/10.1590/0101-31572020-3123>).

¹⁵ См., например, <https://www.investopedia.com/terms/d/development-economics.asp> (дата обращения: 17.03.2024).

ляют собой результат научной рефлексии экономической истории многих стран и базируются на прочном фундаменте мировых теоретических достижений. В данной статье мы также придерживаемся широкого понимания теорий «экономики развития», следуя в этом позиции наших бразильских коллег, которые писали: «Первоначально классические девелопменталисты (classical developmentalists) считались пионерами экономики развития, но мы не используем это выражение, которое является гораздо более всеобъемлющим; она <экономика развития – С.К.-Ч.>, включает в себя все школы мысли, которые работали с экономическим развитием... Это мышление, уходящее корнями в Маркса, Шумпетера и Кейнса¹⁶» (Bresser-Pereira, Oreiro, 2024, p. 7-8) и даже глубже¹⁷. Мы также предлагаем рассмотреть «экономику развития» в широкой исторической перспективе как альтернативу классической и неоклассической теории экономического роста, что позволяет исследовать исходные методологические предпосылки этого оригинального гетеродоксального течения экономической мысли.

Итак, по мнению упомянутых бразильских ученых (и не только их), свой вклад в гетеродоксальную теорию экономического развития внесли уже некоторые *меркантилисты в XVII-XVIII вв.* Ссылаясь на Райнертов (Reinert, Reinert, 2011 [2005]), они упоминают три имени: Антонио Серра, конец XVI в., Италия; Джеймс Стюарт, 1712–1780, Шотландия; Александр Гамильтон, 1755–1804, США (Bresser-Pereira, Oreiro, 2024, p. 6). В чем же заключался их вклад? Представим свою версию, исходя из ключевых положений, которые отличают гетеродоксальные теории экономического развития от ортодоксальных неоклассических теорий экономического роста:

– итальянский экономист и философ Серра был одним из первых разработчиков концепции, вошедшей позже в академический дискурс под термином «промышленный протекционизм» (Ратчин, 2023, с. 136);

– Джеймс Стюарт написал в 1767 г. свой труд «The Principles of Political Economy» (за девять лет до «Богатства народов» Адама Смита), который «можно читать как политическое руководство для малых стран, борющихся за политическую идентичность и экономическое выживание перед лицом подъема имперской власти»¹⁸ (Ramos, 2007, p. 3); Стюарт является автором идеи о роли государственного деятеля (stateman) в обеспечении балансов производства и потребления, а также адекватной занятости для экономического роста (Ramos, 2007, p. 366);

– Александр Гамильтон, один из отцов-основателей США, известен как автор концепции «*developmental state*» («государство развития»), т.е. сильного, централизующего государства, приверженного государственным инвестициям (Parenti, 2020); эту концепцию Гамильтон активно воплощал в жизнь на посту первого мини-

¹⁶ Хотя сам Кейнс не интересовался экономическим развитием, поскольку его теория построена на маршаллианской краткосрочной перспективе (Bresser-Pereira, Oreiro, 2024, p. 7), кейнсианская революция сыграла очень важную роль в подъеме «экономики развития», потому что «экономика развития воспользовалась беспрецедентной дискредитацией, в которую попала ортодоксальная экономическая наука в результате депрессии 30-х годов, и столь же беспрецедентным успехом атаки на ортодоксию изнутри экономического «истеблишмента»» (Hirschman, 2013, p. 54). Поэтому теоретики экономики развития считают Кейнса значимой для них фигурой.

¹⁷ В работе, изданной в Нью-Дели под редакцией К.С. Джомо, в список «пионеров» «*Development Economics*», помимо названных ученых, включены также Уильям Петти, В.И. Ленин, Николас Калдор, Михаил Калецкий, Карл Поланьи, Александр Гершенкрон (The pioneers of development economics..., 2005).

¹⁸ В тот период речь шла о Британии и Франции.

стра финансов США. Современные исследователи считают концепцию Гамильтона «оружием против идеологии свободного рынка»¹⁹, сторонником которой был его современник Адам Смит.

Значительный вклад в развитие теории экономического развития, по мнению современных девелопменталистов, внес *Фридрих Лист* (1789–1846), экономист и философ из Германии (Bresser-Pereira, Oreiro, 2024, p. 6). Лист известен прежде всего своим трудом «Национальная система политической экономии», изданном в 1841 г. (List, 2022 [1841]). Хотя его концепцию иногда называют «неканонической теорией экономического развития» (Фенин, 2021, с. 181-184), многие мысли Листа вошли в идейный каркас «экономики развития». Прежде всего следует отметить, что Лист стал первым критиком английской классической политической экономии, «первым, кто просто и ясно поставил под вопрос возможность ее универсального применения, нащупал ее временные и пространственные ограничения» (Автономов, Бурина, 2019, с. 145). Его специфический метод – сравнительно-исторический анализ, – прочно занял свое место в методологии теорий экономического развития. «Однако вклад немецкого экономиста состоит не только в масштабном теоретическом историко-экономическом сравнительном анализе различных факторов и барьеров развития национальных экономик, но в обосновании альтернативного классической школе подхода к обеспечению социально-экономического прогресса государства, заключающегося в рациональной активной внутренней государственной промышленной политике и допустимости временного использования мероприятий селективного протекционизма» (Фенин, 2021, с. 183). Новаторская идея Листа состоит также в том, что сегодня мы назвали бы комплексным подходом к экономическому развитию. Если в рамках неоклассической теории предполагается, что странам необходимо развивать прежде всего наиболее прибыльные виды деятельности, используя «сравнительные преимущества»²⁰, то знаменитый «здравый смысл» Листа, основанный на изучении экономической истории различных государств, подсказывал, что страны должны развивать у себя все необходимые виды деятельности и национальную промышленность, а при международной торговле опираться на государственный протекционизм²¹, который он подробно описал. Отметим попутно, что для развития российской экономической мысли влияние работ Ф. Листа, как и всей немецкой исторической школы, имело огромное значение. Нашим ученым во второй половине XIX в. оказались близки его критика либеральной концепции А. Смита и положений об универсализме «естественных» экономических законов, стремление к созданию национальной политической экономии, обоснование доминирующей роли государства в экономике и др. (Степанов, 2019, с. 162); см. также (Гловели, 2013, с. 195-201); (Крампиц, Расков, 2007). В дальнейшем российская экономическая мысль развивалась в значительной мере как полемика между приверженцами «линии Смита» – фритредерами, и «линии Листа» – протекционистами» (Гловели, 2009, с. 19).

¹⁹ Vassallo J.H. Reclaiming the State in Economics: “Radical Hamilton” and the Means of Statecraft. Los Angeles Review of Books. November 2, 2020. <https://lareviewofbooks.org/article/reclaiming-the-state-in-economics-radical-hamilton-and-the-means-of-statecraft/> (дата обращения: 18.04.2024).

²⁰ То есть экспортировать то, чего в избытке, а импортировать то, чего не хватает.

²¹ Именно идеи Листа легли в основу знаменитого бестселлера Эрика Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными...» (Reinert, 2007) и были использованы им для построения парадигмы «Другого канона экономической науки» (Ibid).

Карл Маркс (1818–1883), всемирно известный философ и экономист, также выдвинул и разработал ряд идей, которые позже легли в основание теорий экономического развития. На наш взгляд, речь идет, прежде всего, о тех положениях, которые представлены в известном труде «К критике политической экономии» (нем. *Zur Kritik der politischen Ökonomie*), написанном в августе 1858 – январе 1859 гг. В этой работе Маркс (совместно с Энгельсом) в явном виде сформулировал принцип материалистического понимания истории, характерный для сторонников теории экономического развития. Так, он писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»²² (Маркс, Энгельс, 1959, с. 6-7).

Однако многогранность творческого наследия Маркса позволила сторонникам теории экономического развития опереться и на многие другие его разработки, совпадающие с ее основным исследовательским полем. В свое время наиболее емко, на наш взгляд, перечень вошедших в экономику развития марксистских идей представил ученый из США индийского происхождения Пранаб Бардхан²³ (Pranab Bardhan): «В экономике развития, как и во многих социальных науках в целом, наиболее ценным вкладом марксистского подхода является чувство истории, которым он пропитан, его сосредоточенность на напряженности между отношениями собственности и производительным потенциалом в данной социальной формации, на важности коллективных действий и власти в усилении или срыве процессов институциональных изменений для разрешения этой напряженности, его настойчивое стремление вынести на передний план дискуссий о государственной политике анализ о природе государства... и, конечно, его неизменная приверженность определенным нормативным идеям по вопросам эксплуатации и несправедливости» (Bardhan, 1985, p. 550). Также девелопменталистами отмечается разработка Марксом дихотомии «развития-недоразвития, т.е. *развитие* капитализма в период «первоначального накопления капитала» за счет *недоразвития* ограбленных колоний (Patnaik, 2005, p. 62-73); (D'Mello, 2006).

Интересно отметить, что взгляды «пионеров экономики развития» Маркса и Листа по ряду вопросов не совпадали – это известно из критики Марксом «Национальной системы политической экономии» Листа (подробнее об этом см. Автоно-

²² Опираясь на эти положения марксистской концепции, историки гетеродоксальной экономической мысли относят Маркса к представителям институциональной политической экономии, который одним из первых обратил внимание на *роль институтов в экономическом росте* (O'Hara P.A. Marx, Veblen, and Contemporary Institutional Political Economy: Principles and Unstable Dynamics of Capitalism. Aldershot, Hants and Brookfield, VT: Edward Elgar, 2000. – 384 p.). Действительно, в настоящее время анализ производственных отношений Марксом рассматривается как анализ институтов собственности (Di Filippo, 2009, p. 178).

²³ П. Бардхан родился в Калькутте, где закончил университет, затем защитил докторскую диссертацию Кембриджском университете, работал в Индии, с 1977 г. работает в Университет Беркли, Калифорния.

мов, Бурина, 2019, с. 156)²⁴. Однако этот факт позволяет нам продемонстрировать открытый характер теорий экономического развития, в которых бережно используются идеи из порой разнонаправленных концепций различных авторов, которые, пусть и по-своему, отрицают исходные предпосылки смитанской экономической теории и предлагают более широкий «институциональный» взгляд на экономику.

Упомянем еще об одной исторической фигуре, особо значимой для современных теоретиков экономического развития – это *Йозеф А. Шумпетер* (1883–1950), австрийский, а позже американский экономист. Он показал, что в рамках теоретической модели общего равновесия в классической и неоклассической экономической теории нет места инновациям, поскольку доход, генерируемый внутри системы, полностью расходуется на выплату заработной платы рабочим и процентов капиталистам. Без инноваций капиталистические экономики навсегда остаются в состоянии устойчивого роста, объясняемого лишь экзогенными факторами, такими как рост населения (Schumpeter, 1911). Для экономического развития в систему «должен быть введен новый производственный процесс или новые товары» (Bresser-Pereira, Oreiro, 2024, p. 6), и это, по Шумпетеру, является функцией предпринимателей-новаторов. Однако, если посмотреть на концепцию Шумпетера шире, то очевидно, что то, «что он хотел создать, можно назвать эндогенной теорией экономической динамики, процесса, в котором «экономика резко меняет свои собственные показатели» без каких-либо шоков извне» (Автономов, 2008, с. 15). Это следует из шумпетерианского определения эволюции, согласно которому «эволюция является нарушением существующих структур ... и больше похожа на серию взрывов, чем на мягкий процесс, происходящий через непрекращающиеся преобразования» (Schumpeter, 1939, p. 102). Таким образом, эволюция подразумевает постоянное создание новых структур, что и формирует процесс развития. Именно эти идеи постоянной самоорганизации экономики как способной к инновациям структуры, оказались чрезвычайно продуктивными, на наш взгляд, для теоретиков «экономики развития». Причем они смогли пойти дальше, перейдя от анализа индивидуального предпринимателя к исследованию институциональных структур, обеспечивающих такое постоянное эндогенное развитие экономических систем разных стран и создающих институты для перераспределения создаваемой внутри системы стоимости в пользу необходимых инноваций.

Итоги нашего краткого анализа теоретических достижений «пионеров экономики развития», синтез которых сформировал направление, известное сегодня как *Development Economics* (в широком значении), обобщены в Таблице ниже.

Очевидно, что проведенный анализ не исчерпывает круг концепций, на которых базируются современные теории экономического развития²⁵. Помимо пред-

²⁴ Антагонистическое противопоставление Маркса и Листа в отечественной экономической традиции отражено в Большой Советской энциклопедии, где Лист противопоставлялся Марксу как «представитель вульгарной политической экономии», «выражающий интересы германской буржуазии». URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/070/646.htm> (дата обращения: 18.04.2024).

²⁵ В данной работе мы не рассматриваем структуру и современное состояние *Development Economics*. Развитие этого направления, начиная с 1940-х гг., работ Пребиша (Prebisch R. The Economic Development of Latin America and its Principal Problems. New York: United Nations, Dept. of Economic Affairs, 1950. – 59 p.) и до наших дней, преемственность латиноамериканского структурализма, классического девелопментализма и нового девелопментализма, как и анализ вклада различных персоналий, лучше всего представлены, на наш взгляд, в статьях (Tijerina W. Developmentalism as a comparative-historical model: From Friedrich List to Bresser-Pereira. Revista de Economia Política [Brazilian Journal of Political Economy]. →

ставленных идей, в них используются подходы мир-системной теории (И. Валлерстайн, Дж. Арриги); «другой канон» Э. Райнерта; современный марксизм, а именно теории регуляции и др. Теории экономического развития открыты для впитывания новых подходов и сами постоянно развиваются. Однако круг выделенных основополагающих концепций является, на наш взгляд, необходимым и достаточным для того, чтобы выявить методологические предпосылки всего теоретического направления и охарактеризовать особенности подходов к анализу институтов в гетеродоксальных теориях экономического развития.

Таблица

Вклад в становление теории экономического развития: хронология, некоторые основные фигуры и достижения

Период и наименование этапа	Основные представители и содержательный вклад
XVII-XVIII вв. – меркантилистские представления об экономике развития	Antonio Serra, конец XVI в., Италия – один из первых авторов идеи «промышленного протекционизма»; James Stewart, 1712–1780, Шотландия – автор идеи о роли государственного деятеля (statemen) в обеспечении условий экономического роста; Alexander Hamilton, 1755–1804, США – автор концепции «developmental state».
XIX в. – развитие представлений о национальных системах политической экономики	Friedrich List, 1789–1846, Германия – разработчик теории «государственного протекционизма»; сторонник национальных систем политической экономики, учитывающих исторические и пространственные особенности развития государств.
XIX в. – теория воспроизводства общественного капитала	Karl Marx, 1818–1883, Германия – сформулировал принцип материалистического понимания истории, обозначил производственные отношения (позже интерпретированные как институты) основным предметом исследования, выявил дихотомию «развития-недоразвития» капитализма.
XX в. – экономика инноваций	Joseph Schumpeter, 1883–1950, Австрия, с 1932 г. США – обозначил проблему самоорганизации экономики развития как неравновесного процесса, сопровождаемого инновациями.

Источник: составлено автором на основе идей (Bresser-Pereira, Oreiro, 2024; Reinert, 2011 [2005]; The pioneers of development economics..., 2005; Chang, 2010a).

Обозначим эти предпосылки в сравнении с предпосылками теорий экономического роста, которые развиваются в рамках ортодоксальной экономической традиции:

– внимание к национальным особенностям стран при рассмотрении экономической модели развития, временным и пространственным особенностям, с опорой на сравнительно-исторический метод, в отличие от универсальных абстрактных моделей ортодоксальной экономики;

– ориентация на «реальную экономику», а не представления о ней в соответствии с набором ортодоксальных неоклассических предпосылок; внимание к структурным характеристикам национальной экономики, необходимым для ее комплексного и самодостаточного развития;

– исследование взаимосвязей развития реального сектора и денежной (финансовой) сферы, в т.ч. через посредство создаваемых для этого государством инсти-

→ 2020;40(3):484-492. <http://dx.doi.org/10.1590/0101-31572020-3123>); (Bresser-Pereira, Oreiro, 2024). Характеристики используемых этими направлениями математических моделей рассмотрены в фундаментальной монографии «Developmental Macroeconomics:…» (Bresser-Pereira, L.C., Oreiro J.L., Marconi N. Developmental Macroeconomics: New Developmentalism as a Growth Strategy. London: Routledge, 2014. – 208 p.).

туциональных структур, что обычно игнорируется в ортодоксии (речь идет о «классической дихотомии»²⁶);

– стадийный, циклический подход в противоположность линейной динамике универсальных моделей рыночного равновесия; понимание экономического развития как неравновесного процесса с постоянными инновациями;

– особое внимание к роли государства в экономике: саморегуляция экономики обеспечивается не на основе рынка, как это принято в неоклассических моделях экономического роста, но на основе координационного взаимодействия институтов рынка и правительственных (governance) структур.

Как результат, в теориях экономического развития, которые имеют «семейное сходство с другими институционалистскими школами мысли» (Di Filippo, 2009, p. 175), институты рассматриваются не только как фактор экономической динамики, что в определенной мере характерно и для современных теорий экономического роста, но как социальный механизм, внутренне встроенный в общественную структуру и обеспечивающий экономическое развитие в соответствии с условиями национальных экономик. Поэтому сами институты, как устойчивые и необходимые правила экономической деятельности, становятся непосредственным объектом исследования и условиями обеспечения экономического развития.

3. Заключение

Теории экономического развития и экономического роста изучают экономическую динамику, в основе которой лежит процесс накопления капитала. Что же противопоставляет их друг другу с точки зрения институционалиста? И почему первые, также же с точки зрения институционалиста, выглядят предпочтительнее?

Основное различие между двумя группами теорий состоит в разных подходах к пониманию институционального оформления процессов накопления капитала и осуществления инвестиций, необходимых для экономической динамики.

Ортодоксальные теории экономического роста, разрабатываемые в рамках неоклассической традиции, базируются на основополагающем постулате рыночного равновесия. Он служит основным условием построения формализованных моделей в экономической ортодоксии. При таком подходе институты, кроме молчаливо подразумеваемых «естественных рыночных», рассматриваются лишь как некоторые «осложняющие факторы при корректировке равновесия спроса и предложения» (Nusclak et al, 2004, p. 19), как «проблемные остатки» (*problematic residuals*) в рамках традиционного экономического анализа (Fleetwood, 2006, p. 61) или как полезные дополнения для нивелирования «провалов рынка». Поэтому влияние институтов учитывается упрощенно, через включение «институциональных индексов» в производственные функции или эконометрические модели.

Гетеродоксальные теории экономического развития, которые формировались в русле критики смитианского и неоклассического ортодоксального направлений экономической мысли, учитывают институциональную сложность экономики и общества; они реализуют альтернативное понимание институтов как порождающих и направляющих развитие экономики структур в сложной внешней среде.

²⁶ «Классическая дихотомия» предполагает, что реальные переменные, такие как выпуск и занятость, независимы от денежных переменных, что критиковалось Шумпетером в его концепции «реального анализа» (Schumpeter J.A. A History of Economic Analysis. London and New York: Routledge, 1954, p. 277).

Такое предметное внимание к институтам обуславливает более практический характер рекомендаций для экономической политики, которые предлагают теории экономического развития. Этому способствуют также такие их предпосылки, как учет особенностей национальной экономики при выборе экономической модели развития; исследование взаимосвязей развития реального сектора и денежной (финансовой) сферы через посредство создаваемых для этого институциональных структур; понимание экономического развития как неравновесного процесса с постоянными инновациями, требующего функционирования соответствующих институтов; рассмотрение саморегуляции экономики на основе координационного взаимодействия институтов рынка, правительственных (governance) и иных институциональных структур

Современные теории экономического развития, прежде всего *Development Economics*, разрабатываются в странах Латинской Америки, которые мы относим – как и Россию, – к странам с доминированием экономических институтов X-матрицы (Кирдина, 2014 [2001, 2000]). Сходство институциональных режимов наших стран означает целесообразность объединения усилий экономистов-теоретиков в исследовании складывающихся у нас экономик и перспектив их развития. К тому же фокус изучения институтов отражает общий тренд развития экономической науки, что привело к становлению и бурному развитию направления «институциональная экономика» во всем мире. Поэтому мы предполагаем, что рано или поздно более «институционально ориентированные» теории экономического развития придут на смену теориям экономического роста. Как писал в свое время экономист из США Дадли Диллард: «если нам предстоит снова писать «Principles of Economics», то они должны содержать три части: (1) теорию экономического развития...; (2) макроэкономику; и (3) микроэкономику» (Dillard, 1980, p. 271). Возможно, это время уже пришло? Как и время для лозунга «Теоретики стран БРИКС+ – объединяйтесь!»?

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Автономов В. Шумпетер и его книги. В кн.: Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. С. 10-30.

Автономов В.С., Бурина Е.Ю. Фридрих Лист в России // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 145-159.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Эффективность монетарного регулирования в условиях санкций // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11. № 2. С. 94-109. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.2.094-109>

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Новые подходы к моделированию экономического развития. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2022. – 446 с.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Мысль, 1994. – 687 с.

Буйнова М.Э., Аверина И.С. Современные теории экономического роста: сравнительный анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2024. Т. 26. № 1. С. 5-15. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.1>

Восканян М.А. Опыт экономических реформ «азиатских тигров»: факторы успеха // Journal of New Economy. 2020. Т. 21. № 2. С. 24-44. <https://doi.org/10.29141/26585081-2020-21-2-2>

Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя, 2009. – 202 с.

Гловели Г.Д. История экономических учений. М.: Юрайт, 2013. – 776 с.

История экономики и экономических учений / Под ред. Автономова В.С., Анянына О.И., Макашевой Н.А. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2010. – 784 с.

Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 66-89.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд. М.–СПб: Нестор-История, 2014 [2001, 2000]. – 469 с.

Кирдина-Чэндлер С.Г. Парадоксы синтеза в экономической теории // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 3. С. 37-52. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52>

Кирдина-Чэндлер С.Г. Экономическая теория, идеология и экономический интерес AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 71-92. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5>

Крампиц Л.А., Расков Д.Е. Немецкие и русские экономисты в диалоге. Научный обмен в исторической перспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2007. № 1. С. 191-197.

Красильников А.С. Анализ развития теории экономического роста // Экономические науки. 2007. Т. 26. № 1. С. 60-66.

Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. – 805 с.

Полтерович В.М. Приватизация и рациональная структура собственности. Часть 2. Рационализация структуры собственности // Экономическая наука современной России. 2013. № 1. С. 7-24.

Полтерович В.М. Приватизация и рациональная структура собственности. М.: Институт экономики РАН, 2012. – 66 с.

Ратчин Я.А. Протекционизм как феномен экономической теории и практики // Постсоветский материк. 2023. Т. 37. № 1. С. 128-146. https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_128

Степанов В.Л. Идеи немецкой исторической школы в России (вторая половина XIX в.) // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 162-173. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2019-10212>

Фельдман Г.А. К теории темпов народного дохода (Под углом зрения народного хозяйства СССР) // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 146-170.

Фельдман Г.А. К теории темпов народного дохода (Под углом зрения народного хозяйства СССР) // Плановое хозяйство. 1928. № 12. С. 151-180.

Фенин К.В. Неканоническая теория экономического развития: к юбилею издания «Национальной системы политической экономии» Фридриха Листа / Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 1 марта 2021 г. Минск: БГУ, 2021. – 1052 с.

Фролов Д.П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 14-37. <https://doi.org/10.14530/se.2015.1.014-037>

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The colonial origins of comparative development: an empirical investigation. American Economic Review. 2001;91(5):1369-1401.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: P. Aghion, S. Durlauf (Eds.) Handbook of Economic Growth. Amsterdam: North-Holland, 2005. – 1998 p.

Allen F., Cai J., Gu X., Qian J., Zhao L., Zhu W. Centralization or Decentralization? The Evolution of State-Ownership in China. November 17, 2022. Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4283197>

Aspromourgos T. Neoclassical. In: J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (Eds.) The World of Economics. The New Palgrave. London: Palgrave Macmillan, 1991. – 755 p. https://doi.org/10.1007/978-1-349-21315-3_65

Bardhan P. Marxist Ideas in development economics: a brief evaluation. Economic and Political Weekly. 1985;20(13):550-55.

Baumol W.J. What Marshall didn't know: on the twentieth century's contributions to economics. The Quarterly Journal of Economics. 2000;115(1):1-44.

Bresser-Pereira L.C. The global financial crisis and a new capitalism? Journal of Post Keynesian Economics. 2010;32(4):499-534.

Bresser-Pereira L.C., Oreiro J.L. A brief history of development theory. From Schumpeter and Prebisch to new developmentalism. Revista de Economia Política [Brazilian Journal of Political Economy]. 2024;44(1):5-28. <http://dx.doi.org/10.1590/0101-31572024-3604>

Campos J.E., Root H.L. The Key to the Asian Miracle: Making Shared Growth Credible. Washington: Brookings Institution Press, 1996. – 216 p.

Chang H.-J. State-owned Enterprise Reform. New York: United Nations, UN DESA. 2007. – 47 p.

Chang H.-J. Institutions and economic development: theory, policy and history. Journal of Institutional Economics. 2010a;7(4):473-498. <https://doi:10.1017/S1744137410000378>

Chang H.-J. Hamlet without the Prince of Denmark: How Development Has Disappeared from Today's «Development» Discourse. In: S. Khan S, J. Christiansen (Eds.) Towards New Developmentalism: Market as Means rather than Master. Abingdon: Routledge, 2010b. – 280 p. <https://doi.org/10.4324/9780203844311>

Cho D.-S. A dynamic approach to international competitiveness: the case of Korea. Asia Pacific Business Review. 1994;1(1):17-36. <https://doi.org/10.1080/13602389400000002>

D'Mello B. No separate 'development economics. Economic and Political Weekly. 2006;41(20):1977-1978.

Di Filippo A. Latin American structuralism and economic theory. CEPAL Review. 2009;(98):175-196.

Dillard D. A monetary theory of production: Keynes and the institutionalists. Journal of Economic Issues. 1980;14(2):255-273.

Fleetwood S. Re-thinking labor markets: a critical realist-socioeconomic perspective. Capital and Class. 2006;(89):59-89.

Fogel R.W. The Impact of the Asian Miracle on the Theory of Economic Growth. NBER Working Paper № 14967, 2009. – 61 p.

Friedman M. The methodology of positive economics. In: M. Friedman (Ed.) Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953. – 336 p.

Hirschman A.O. The Essential Hirschman. Princeton: Princeton University Press, 2013. – 408 p.

Hodgson G. On the institutional foundation of law: the insufficiency of custom and private ordering. *Journal of Economic Issues*. 2009;XLIII(1):143-166.

Hyclak T.J., Johnes G., Thornton R. *Fundamentals of Labor Economic*. Boston: Houghton Mifflin, 2004. – 544 p.

Johnson C. MITI and the Japanese Miracle. Stanford: Stanford University Press, 1982. – 409 p.

La Porta R., Lopez-de-Salinas F., Schleifer A. The economic consequences of legal origins. *Journal of Economic Literature*. 2008;46(2):285–332.

Lakatos I. *The Methodology of Scientific Research Programmes*. Vol. 1. Philosophical Papers. J. Worrall, G. Currie (Eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – 256 p.

List F. *The National System of Political Economy*. Rossendale, LANCS, United Kingdom: Imperium Press, 2022 [1841]. – 464 p.

Maksymenko S., Rabbani M. Economic reforms, human capital, and economic growth in India and South Korea: a cointegration analysis. *Journal of Economic Development*. 2011;36(2):39-57.

Nelson R., Winter S.G. *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge: Harvard University Press, 1982. – xi, 437 p.

Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 295 p.

Ostrom E. Challenges and growth: the development of the interdisciplinary field of institutional analysis. *Journal of Institutional Economics*. 2007;3(3):239-264.

Parenti C. *Radical Hamilton: Economic Lessons from a Misunderstood Founder*. New York: Verso, 2020. – 304 p.

Patnaik P. Karl Marx as a development economist. In: K.S Jomo (Ed.) *The Pioneers of Development Economics: Great Economists on Development*. New Delhi: Tulika Books, 2005. – 288 p.

Ramo J.C. *The Beijing Consensus*. London: Foreign Policy Center, 2004. – 79 p.

Reinert E.S. *2 How Rich Countries Got Rich ... and Why Poor Countries Stay Poor*. London: Constable, 2007. – 365 p.

Reinert E.S., Reinert S.A. Mercantilism and economic development: Schumpeterian dynamics, institution building, and international benchmarking. *OIKOS (Rio de Janeiro)*. 2011;10(1):8-37. (Original publication, 2005).

Schumpeter J.A. *The Theory of Economic Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1911. – 320 p.

Schumpeter J.A. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. 2 vols. Vol. 1. New York: McGraw-Hill, 1939. – 1128 p.

Stiglitz J.E. Where modern macroeconomics went wrong. *Oxford Review of Economic Policy*. 2018;34(1-2):70-106.

The Pioneers of Development Economics: Great Economists on Development. Ed. K.S. Jomo (Ed.) New Delhi: Tulika Books, 2005. – 234 p.

Veblen T. Why is economics not an evolutionary science? *Quarterly Journal of Economics*. 1898;12(3):373-397.

Veblen T.B. The preconceptions of economic science III. *Quarterly Journal of Economics*. 1900;14(2):240-69. <https://doi.org/10.2307/1883770>

Vogel E.F. *The Four Little Dragons: The Spread of Industrialization in East Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 150 p.

Информация об авторе

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, заведующий Центром институционально-эволюционной экономики, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия.

(E-mail: kirdina@inecon.ru) (elibrary AuthorID: 2262-1600) (ORCID: 0000-0002-9234-8308)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Svetlana G. Kirdina-Chandler – Doctor of Science (Sociology), Ph.D. in Economics, Head of the Center of Institutional and Evolutionary Economics, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

(E-mail: kirdina@inecon.ru) (elibrary AuthorID: 2262-1600) (ORCID: 0000-0002-9234-8308)

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 28.08.2024; одобрена после рецензирования: 16.10.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

ЭССЕ

УДК: 330

DOI: 10.5281/zenodo.14509664 <https://zenodo.org/record/14509664>

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Павлов Руслан Николаевич¹

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, Москва, Россия (pavlovru@mail.ru), (ORCID: 0000-0003-3405-2688)

Ключевые слова: социальное предпринимательство, эффективная применимость, государственная поддержка, общественное мнение, кредиторы, спонсоры, дизайн, маркетинг

Для цитирования: Павлов Р.Н. Факторы эффективности применения социального предпринимательства // Вопросы политической экономики. 2024. № 4(40). С. 163-175.

FACTORS OF EFFICIENCY OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP APPLICATION

Ruslan N. Pavlov

Candidate of Economics, Senior Researcher at the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (pavlovru@mail.ru), (ORCID: 0000-0003-3405-2688)

Keywords: social entrepreneurship, efficient applicability, state support, public opinion, creditors, sponsors, design, marketing

For citation: Pavlov R.N. Factors of efficiency of social entrepreneurship application. Problems in Political Economy. 2024;4(40):163-175.

JEL codes: I11, I38, J54

Введение

В последнее время интерес к теме социального предпринимательства и социальных предприятий в научных кругах устойчиво возрастает, и связано это в первую очередь с тем обстоятельством, что оно представляет собой такое явление, для которого главная цель не прибыль, а удовлетворение нужд и потребностей «социума» как «внутри» их (рядовых работников, менеджеров, владельцев имущества социальных предприятий), так и вне – потребителей их продукции или услуг (Рудык, 2011, с. 263). В этом смысле оно является достаточно эффективным инструментом

¹ © Павлов Р.Н., 2024

замещения государства в различных социальных отраслях, особенно в силу того, что многие представители политической экономии относят его к пострыночным явлениям «экономики солидарности», поскольку оно функционирует не ради прибыли, а ради достижения определенного социального эффекта (см., в частности, (Бузгалин, Колганов, 2015, с. 407)). Говоря о генезисе посткапиталистических отношений А.В. Бузгалин утверждал, что в той мере, в какой индивид (1) действует, исходя из ценностей и мотивов развития человеческих качеств, социальной кооперации, максимизации общественных благ и т.п., как приоритетных по отношению к целям максимизации денежного дохода; (2) включен в отношения солидарности, а не конкуренции и (3) осуществляет свою деятельность свободно, а не как наемный работник или функция частной собственности (в развитом виде – капитала) – в этой мере он включен в посткапиталистические отношения и формирует социальный капитал (а также свой «человеческий капитал») как систему посткапиталистических по своей сути отношений (Бузгалин, 2010, с. 21). Как мы видим, в этом контексте социальное предпринимательство вполне можно отнести к посткапиталистическим экономическим отношениям и элементам «экономики солидарности».

В течение длительного времени проблема факторов эффективной применимости не рассматривалась в экономических исследованиях, поскольку в идеологическом аспекте доминировал неолиберальный подход к изучению социального предпринимательства. И этот неолиберальный подход не позволял рассматривать социальное предпринимательство в его неразрывной связи с государственной политикой. Напротив, неолиберальные экономисты рассматривали его отдельно от государственной и социальной системы, рассматривали его как обычный самокупаемый частный бизнес. Так, например, таким образом его рассматривали А.А. Московская со своими коллегами из Высшей школы экономики (Социальное предпринимательство..., 2011, с. 15). Однако в действительности это явление гораздо более сложное, как показывает практика, и для того, чтобы его использовать эффективно как инструмент замещения государства в соответствующих отраслях, необходимо четко определить нагрузку на него и выявить факторы его эффективной применимости, поскольку при избыточной нагрузке, то есть при чрезмерном бремени, которое не соответствует возможностям социального предпринимательства, возникает риск его деградации, а при недостаточной нагрузке, оно будет использоваться неэффективно.

Во многом эффективность социальных предприятий зависит от их способности быть финансово устойчивыми, поэтому факторы их эффективной применимости следует определять на основе данных об их устойчивости. Устойчивость социального предпринимательства следует определять как способность социального предпринимательства иметь устойчивый источник финансирования социальных проектов, будь то собственный доход от реализации соответствующей продукции или устойчивый поток в виде грантов как государственных, так и частных организаций. Устойчивость социального предприятия зависит от факторов его эффективной применимости. С точки зрения оценки эффективности применения социального предпринимательства, можно было бы выделить два аспекта данного явления: отраслевой и территориальный. Отраслевой аспект предполагает определенное использование данного явления в соответствующих отраслях, которое бы согласовывалось с той миссией, которая ему свойственна. Территориальный аспект

предполагает выявление регионов, в которых социальное предпринимательство развито в наибольшей степени, что, естественно, предполагает выявление позиций местных органов власти по отношению к социальным предприятиям, их осведомленность о большом потенциале социальных предпринимателей и готовность стимулировать развитие социальных предприятий.

Отраслевой аспект оценки эффективности применения социального предпринимательства

В качестве основополагающего критерия эффективной применимости социального предпринимательства в отраслевом аспекте выделим приоритет социальных ценностей над чисто экономическими, и, исходя из этого, оценка эффективности социального предпринимательства должна быть основана на определении степени его вклада в решение социальных проблем, а не на повышении чисто экономических показателей.

В контексте отраслевой принадлежности в России значительная доля социальных предприятий работает в сферах образования, а также здравоохранения и социальных услуг (Соловьева, 2023, с. 64). На третьем месте по популярности находятся культура, спорт, досуг и развлечения. Далее с отставанием почти в два раза – обрабатывающие производства, прочие услуги, торговля и ремонт. Наименее распространена социально-предпринимательская деятельность в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых, деятельность домохозяйств, государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение. При этом стоит отметить, что за период 2020–2022 гг. количество социальных предприятий увеличилось практически во всех отраслях экономической деятельности (см. Таблицу 1). Наиболее существенные темпы прироста, исключая страховую, финансовую деятельность и обеспечение электроэнергией по причине эффекта низкой базы, демонстрируют сферы обрабатывающих производств и транспортировки и хранения (порядка 3 раз). Наименее активно развивается социальное предпринимательство в сельском и лесном хозяйстве (111%), а также в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (149%), и операциях с недвижимым имуществом (182%) (Соловьева, 2023, с. 66). В общем и целом, отраслевая структура социального предпринимательства в рамках Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства соотносится с таковой, согласно статистике конкурса «Социальный предприниматель», проводимого ФРСП «Наше будущее»².

Отраслевая структура социального предпринимательства такова, что стоит задаться вопросом, почему в здравоохранении, образовании и культуре имеет смысл его использовать, а в нефтяной, газовой отраслях и в машиностроении его использовать нецелесообразно, так как в этих отраслях оно представляется неэффективным. Отчасти это происходит из-за того, что, возможно, в нефтяной и газовой отраслях уровень социального обеспечения работников находится на таком высоком уровне, что просто нет необходимости развивать дополнительные сферы социального предпринимательства. Что касается машиностроения, то здесь возможны только очень ограниченные попытки реализации социального предпринимательства, поскольку основная сфера реализации данного явления – это

² Фонд «Наше будущее». Отчет за 2020 г. URL: <https://www.nb-fund.ru/upload/otchet2020/index.html> (дата обращения: 24.05.2024).

сфера услуг. Хотя в условиях капитализма кажется, что единственной целью всех предприятий является максимизация прибыли, тем не менее, главной целью социальных предприятий как элементов перехода к пострыночной формации является реализация определенной социальной миссии, которая задает тон всему процессу организации бизнеса в рамках социальных предприятий. Именно в максимальном присутствии социального предпринимательства в таких отраслях, как здравоохранение, образование и культура и состоит область его эффективной применимости в отраслевом аспекте данной проблемы, с учетом того, что здесь социальные ценности преобладают над чисто экономическими.

Таблица 1

Распределение социальных предприятий РФ по видам экономической деятельности, 2020–2022 гг., ед.

Раздел ОКВЭД-2014	2020	2021	2022	2022 к 2020, %
Образование	662	1864	2013	304,1
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	873	1824	1908	218,6
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	442	1168	1280	289,6
Обрабатывающие производства	237	577	606	255,7
Предоставление прочих видов услуг	158	446	474	300
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	152	380	412	271,1
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	80	158	173	230,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	61	147	164	268,9
Деятельность профессиональная, научная и техническая	65	138	150	230,8
Деятельность в области информации и связи	47	114	124	263,8
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	37	57	55	148,6
Транспортировка и хранение	33	53	54	163,6
Строительство	27	39	49	181,5
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	18	34	42	233,3
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	9	11	0	0
Деятельность финансовая и страховая	1	3	4	400,0
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	1	5	4	400,0
Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления	1	2	2	200,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0	2	2	–
Добыча полезных ископаемых	0	1	1	–
Всего	2904	7023	7517	258,8

Источник: Соловьева (2023, с. 65).

Территориальный аспект оценки эффективности применения социального предпринимательства

В качестве важнейшего критерия эффективной применимости социального предпринимательства в территориальном аспекте выделим критерий бюджетной обеспеченности регионов как фактор стимулирования развития социального предпринимательства. Разрыв бюджетной обеспеченности между 10 наиболее обеспеченными и 10 наименее обеспеченными регионами в 2024 г. составляет 3,25 раза³. К числу наиболее обеспеченных регионов относится Башкортостан, так как данный регион занял первое место среди регионов Приволжского федерального округа по объему безвозмездных поступлений из федерального бюджета. За 11 месяцев 2023 г. республика получила от центра более 80 млрд рублей⁴. Также к числу наиболее обеспеченных регионов относятся Москва, ХМАО и Московская область. К числу наименее обеспеченных регионов относятся Республика Тыва, Республика Дагестан и Республика Ингушетия.

Территориальный аспект предполагает выявление регионов, в которых социальное предпринимательство развито в наибольшей степени, что естественно предполагает выявление позиций местных органов власти по отношению к социальным предприятиям, их осведомленность о большом потенциале социальных предпринимателей и готовность стимулировать и финансировать развитие социальных предприятий. Так, например, в России в таких регионах, как Москва, Московская область, ХМАО, республика Башкортостан, Нижегородская область и Приморский край позиция местных властей по отношению к социальным предприятиям является активной, в том смысле, что они довольно активно поддерживают социально-предпринимательские инициативы на местном уровне, предоставляя им субсидии и прочие виды государственной поддержки, без которых их развитие не достигло бы таких значений (см. Таблицу 2). Так, например, в республике Башкортостан в 2021 году в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» 147 социальных предпринимателей республики получили меры господдержки на 70 млн рублей, размер грантов составлял от 100 тыс. до 500 тыс. рублей⁵. Впоследствии данная программа была продолжена, поскольку она пользовалась большим спросом. Если говорить про другие меры, то была достигнута договоренность между правительством республики Башкортостан и Региональной лизинговой компанией, которая до этого не выделяла социальных предпринимателей в отдельную категорию, что они будут иметь льготные условия. В плане размера в России доминируют микропредприятия, и связано это в первую очередь с тем обстоятельством, что организациям небольшого размера легче попасть под критерии, такие, как необходимая доля работников, относящихся к категории социально уязвимых и расходов на оплату их труда. Резкое снижение количества социальных предприятий (так, например, в Тамбовской области в 2022 г. оно составляло 0, по сравнению

³ Линник М., Егоршева Н. Эксперты рассказали, как можно сократить разрыв бюджетной обеспеченности между 20 регионами. Российская газета. 08.05.2024. URL:<https://rg.ru/2024/05/08/kak-mozhno-sokratit-razryv-u-urovniah-biudzhethnoj-obespechennosti-regionov.html> (дата обеспечения: 11.09.2024).

⁴ РБК Уфа. Башкирия заняла первое место в ПФО по поступлениям из бюджета РФ. 19.02.2024. URL:<https://ufa.rbc.ru/ufa/19/02/2024/65d3680a9a7947821bb72207> (дата обращения: 24.05.2024).

⁵ РБК Уфа. В 2023 г. в Башкирии социальных предпринимателей поддержат на 210 миллионов рублей. 21.12.2022. URL:<https://www.ufa.rbc.ru/ufa/21/12/2022/63a2f7399a7947061805e67c> (дата обращения: 24.05.2024).

с 2021 г., когда их в регионе было 7 (см. Таблицу 2)), можно объяснить тем, что эти социальные предприятия решили не подтверждать свой статус из-за того, что они не получили никаких выгод от включения в реестр.

Таблица 2

Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по количеству социальных предприятий в регионах России, 2020–2022 гг., ед.

2020	2021	2022
5 регионов-лидеров		
Московская обл. (292)	Московская обл. (711)	Московская обл. (774)
ХМАО (291)	Респ. Башкортостан (347)	Респ. Башкортостан (391)
Респ. Башкортостан (194)	Нижегородская обл. (343)	Нижегородская обл. (343)
г. Москва (192)	ХМАО (296)	ХМАО (296)
Нижегородская обл. (165)	Приморский край (290)	Приморский край (290)
5 регионов-аутсайдеров		
Калужская обл. (0)	Респ. Тыва (9)	Респ. Тыва (9)
Костромская обл. (0)	Респ. Дагестан (8)	Респ. Дагестан (8)
Республики Северного Кавказа (кроме Чеченской) (0)	Тамбовская обл. (7)	Респ. Ингушетия (7)
Респ. Калмыкия, Мордовия и Тыва (0)	Респ. Ингушетия (7)	Костромская обл. (5)
Ульяновская, Курганская обл., Еврейская АО (0)	Костромская обл. (3)	Тамбовская обл. (0)

Источник: (Соловьева, 2023, с. 63).

В целом территориальный аспект показывает, что область эффективной применимости социальных предприятий выше в тех регионах, в которых местные органы власти активно поддерживают социальное предпринимательство, поскольку являются более бюджетно-обеспеченными регионами, и ниже в тех регионах, которые являются менее бюджетно-обеспеченными, и потому не имеют никаких возможностей для активной поддержки социальных предпринимателей. Именно поддержка местных органов на различных уровнях и является главным фактором повышения эффективной применимости социального предпринимательства в соответствующих регионах.

Три примера определения факторов эффективной применимости социальных предприятий

Для того, чтобы определить факторы эффективной применимости к социальным предприятиям, приведем только три примера, характеризующие уровень их финансовой устойчивости, а следовательно, и уровень их эффективной применимости. Причем рассмотрим это с точки зрения высшего сущностного уровня политической экономии, на котором изучается потребительная стоимость и затраты, а также прибавочная стоимость.

Необходимо помнить, что социальные предприятия – это не благотворительные организации, и поэтому их социальная функция так или иначе связана с извлечением прибыли в ходе производственной деятельности, однако в отличие

от обычных коммерческих предприятий, здесь прибыль не является самоцелью, она подчинена задаче реинвестирования ее в последующие социальные проекты. В этом смысле пример социального предприятия «Бенетек», которое мы можем назвать одним из наиболее прогрессивных социальных предприятий в США, является наглядным подтверждением данного тезиса. Это предприятие первоначально называлось «Аркенстоун» и занималось производством машины для чтения с голосовым устройством для людей с ограниченными возможностями по зрению (Fruchterman, 2008, p. 84). При этом данная продукция реализовывалась по сниженной цене: если компания «Ксерокс» продавала аналогичную машину по цене 10 000 долларов, компания «Бенетек» реализовывала ее по цене 2 500 долларов, а в дальнейшем ее цена опустилась до 1 200 долларов. Таким образом, социальная функция данной компании заключалась в реализации продукции по социально доступной цене. В дальнейшем данное предприятие продало этот бизнес коммерческому дистрибьютору и сосредоточилось на производстве программного обеспечения, такого как, например, *Bookshare* (онлайн-библиотека для слабовидящих), *Human Rights*, *Route 66* и *Benetech labs*. Совокупный объем финансовых источников данного предприятия состоял из 33% его внешних источников и 67% его собственного дохода в 2008 г. (см. Рисунок 1). Данные товары обладают довольно высоким соотношением потребительной стоимости и затрат, поскольку, судя по успешности их реализации на рынке, спрос на них со стороны соответствующих групп потребителей достаточно высокий. Следовательно, соотношение качества/цены для социальных предприятий находится на достаточно высоком уровне. Кроме того, здесь уместно применить и понятие прибавочной стоимости. Если рассматривать прибавочную стоимость как некий резерв, который не присваивается собственником предприятия и в то же время не присваивается работниками предприятия в виде заработной платы, то такой вид стоимости, безусловно, присутствует в рамках социальных предприятий. Прибавочная стоимость в данном случае реинвестируется в дальнейшие социальные проекты, что и было продемонстрировано примером компании «Бенетек», переключившейся после продажи машины для чтения коммерческому дистрибьютору на производство новых товаров в виде нового программного обеспечения. Более высокая степень реинвестирования средств – это черта, характерная для многих не только социальных, но и народных предприятий, которых еще называют коллективными предприятиями. Так, например, коллективные предприятия имеют возможность направлять средства на выплату дивидендов, причитающихся работникам-собственникам, на другие цели, например, на модернизацию производства (Дементьев и др., 2017, с. 80). Например, опыт Мондрагонской кооперативной корпорации, которую вполне можно назвать социальным предприятием, показывает, что входящие в нее кооперативы могут получать относительно дешевые кредиты в своем кооперативном банке, который тоже является участником данной корпорации. Таким образом, объем доступных средств для кооперативов «Мондрагона» относительно больше, по сравнению с обычными компаниями, которые не имеют такой связи с коммерческими банками, а значит возможности для реинвестирования больше, и таким образом уровень реинвестирования на коллективных предприятиях выше, чем на обычных. Что касается российского опыта производственной кооперации, то здесь следует отметить тот факт, что западная производственная кооперация претерпела в России под

воздействием артельной формы хозяйствования существенные трансформации, что в итоге сделало ее практическим подобием артели, самоуправляемой трудом (Мягков, 2024, с. 145). Также если здесь применять трудовую теорию стоимости, то можно обнаружить, что стоимость товара определяется не всеми затратами труда, а лишь такими, которые являются общественно-необходимыми (Колганов, 2024, с. 119). Именно этим обстоятельством можно объяснить факт относительно сниженной цены на машину для чтения, производимой компанией «Бенетек». Таким образом, факторы эффективной применимости этого предприятия довольно значительны, что отражает высокий уровень его финансовой стабильности.

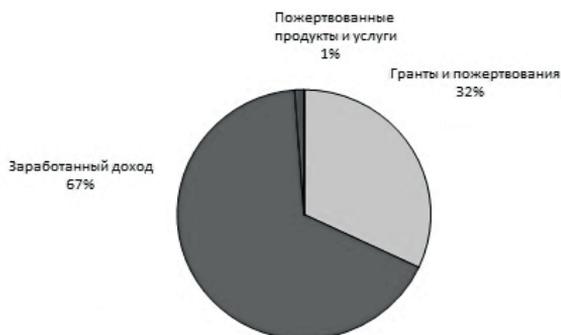

Рисунок 1. Финансовые источники социального предприятия «Бенетек» в 2008 г.

Источник: (Fruchterman, 2008, p. 84).

Второй пример связан с социальным предприятием «АРОРО»⁶ из Мозамбика. Это зарегистрированная бельгийская неправительственная организация, которая дрессирует гамбийских хомяковых крыс для поиска и обнаружения противопехотных мин и микобактерий туберкулеза. Цель данной компании заключается в разработке технологии поиска взрывоопасных противопехотных мин и микобактерий туберкулеза у крыс, чтобы «обеспечить решение глобальных проблем и вдохновлять позитивные социальные изменения». Факторами успеха в обнаружении мин у хомяковых крыс являются, во-первых, их высокая чувствительность к запаху, во-вторых – небольшой вес (даже если крыса наступит на мину, детонации не произойдет). На обучение каждой крысы, которое продолжается порядка 7 месяцев, тратится в среднем 7770 долларов (втрое меньше, чем на собаку). Таким образом, социальная функция данной компании состоит в том, что она предоставляет вполне доступную и надежную технологию обнаружения противопехотных мин и микобактерий туберкулеза, которая может обойтись обществу гораздо дешевле, чем использование собак в этой сфере. Данное предприятие является довольно успешным социальным предприятием, но ему всегда требуется некоторая поддержка со стороны внешних источников. В течение 21 года с момента своего основания АРОРО сформировалась как зрелая организация. Так, например, 2018 год был ознаменован большим прогрессом, не только расширением своей программы по выявлению наземных мин в Камбодже и обеспечением независимой регистра-

⁶ АРОРО annual report 2022. URL: http://www.apopo.org/wp-content/uploads/2023/06АРОРО_annual-report-2022-final.pdf (дата обращения: 24.05.2024).

ции в Анголе, но и расширением численности обслуживаемых клиник по лечению туберкулеза (от 73 больниц-партнеров данного социального предприятия в двух странах до 142 больниц в трех странах к концу года). Структура финансовых источников данного предприятия довольно разнообразна. В 2022 г. 90% в этой структуре состояло из внешних источников, таких как правительственные гранты, гранты различных фондов и фандрайзинг, и только 10% состояло из собственного дохода. Согласно мнению авторов вебсайта Social Change Central⁷, имеется 4 стадии развития социального предприятия, а именно: инкубационная стадия, стадия рождения, стадия взращивания и стадия зрелости. На стадии взращивания социальное предприятие находится в поиске возможностей получения грантов, и на этой стадии само по себе не является устойчивым. Поэтому на этой стадии факторы эффективной применимости социального предприятия могут быть значительными, но только благодаря активной поддержке со стороны правительства и частных фондов, с помощью различных грантов. Собственно говоря, рассматриваемое нами социальное предприятие в данный период находится именно на третьей стадии своего развития.

Третий пример связан с деятельностью социального предприятия Conserve (Индия). Оно было учреждено в 1998 г. как неправительственная организация и в 2004 г. получило статус социального предприятия. Эта компания разработала собственный процесс ручной обработки для трансформирования повседневных пластиковых отходов, таких как сумки, пакеты от чипсов и обертки от бисквитов в переработанный ручным способом пластик, новую ткань, которую можно использовать как форму веганской кожи для модных аксессуаров, домашней обстановки и даже для того, чтобы делать низкокзатратную домашнюю плитку. Также оно работает над созданием ценной одежды из пластиковых отходов. «Мы начали собирать пластиковые отходы, которые не имели вторичной ценности и поэтому больше никто их не собирал, из реки Ямуна и других разнообразных потоков отходов, которые в противном случае привели бы к появлению океана свалок. Свалки являются местами разведения болезней и они наносят ущерб неорганизованному сектору сборщиков мусора, которые живут рядом со свалками»⁸, – говорит Каника Ахуджа, директор социального предприятия Conserve (Индия). Таким образом, данное предприятие выполняет две социальные функции: с одной стороны, вносит вклад в улучшение экологической ситуации соответствующих регионов, а с другой – создает новые рабочие места для беднейших и низкоквалифицированных работников из среды местного населения. Родители Каники Ахуджи основали Conserve как неприбыльную организацию и Каника работала в этой организации с тех пор, как была ребенком. Она была задействована в нескольких инициативах Conserve по очистке трущоб от пластикового мусора, земляных участков, водоемов, которые представляли серьезную угрозу для окружающей среды и общества. Каника ушла со своей высокодоходной корпоративной работы и присоединилась к штату Conserve на полную занятость в 2016 г. Она запустила коммерческий бренд LIFAFFA для маркетинга и продажи продуктов Conserve, сделанных из переработанного

⁷ Social Change Central // The 4 stages of social enterprises: Where are you? 2024. URL: <http://www.social-changecentral.com/the-4-stages-of-a-social-enterprise-where-are-you/> (дата обращения: 24.05.2024).

⁸ AIM2Flourish // Upscaling Plastics and Livelihood of Grassroots Communities. 2022. URL: <http://www.aim-2flourish.com/innovations/upscaling-plastics-and-livelihood-of-grassroots-communities> (дата обращения: 24.05.2024).

пластика для выхода на новые рынки в мировом масштабе. LIFAFFA, маркетинговая рука Conserve, ответственна за дизайн и маркетинг этих продуктов. LIFAFFA продает свои продукты через онлайн-платформы. Качество и эстетика продуктов помогли компании достичь в 2021 финансовом году 100.000 долларов США в условиях пандемии Covid-19. Компания была прибыльной и имела относительно более высокий темп роста с совокупной ежегодной нормой роста в размере 30% до пандемии. Таким образом, данное социальное предприятие имеет достаточно значительный фактор повышения эффективной применимости в виде специальной стратегии дизайна и маркетинга его продукции.

Подводя итоги, можно отметить, что факторы эффективной применимости данных социальных предприятий довольно значительны, в частности, довольно высокий уровень собственного дохода у социального предприятия «Бенетек», а также высокий уровень государственной поддержки у компании АРОРО. Что касается социального предприятия «Conserve», то для него таким фактором эффективной применимости послужила стратегия дизайна и маркетинга, которая существенно повысила объем прибыли данного предприятия в условиях пандемии Covid-19.

Основные факторы повышения уровня эффективной применимости социального предпринимательства

Проведя данный анализ, мы можем выделить 5 основных факторов повышения уровня эффективной применимости социального предпринимательства, согласно иерархии их выделения, от макроуровня (уровень государства) до микроуровня (уровень конкретных предприятий):

1) *Государственная поддержка социальных предприятий.* Помимо рассмотренных в работе примеров успешной государственной поддержки в Башкортостане, следует также выделить и особую программу поддержки социальных предприятий в США в период президентства Б. Обамы, названную «Выплата за успех» («Pay for Success»), согласно которой инвестору возвращалась сумма, вложенная им в реализацию данного проекта и он получал также и премию в случае, если цель проекта, в который он инвестировал средства, была перевыполнена, он получал обратно именно ту сумму, которую он вложил; в случае если цель проекта была только выполнена, но он не получал ничего, если цель проекта, в которую он инвестировал средства, не выполнялась⁹. В процессе реализации данной программы были задействованы средства налогоплательщиков, а значит, данная программа реализовывалась за счет государственного бюджета. Также одним из вариантов поддержки социальных предприятий могло бы стать субсидирование социальных предприятий государством, особенно в вопросах, касающихся арендной платы для социальных предпринимателей, не имеющих собственных производственных помещений. Так, например, субсидии для социальных предпринимателей предоставляются на конкурсной основе Правительством Московской области. Хотелось бы, чтобы данный процесс был расширен для всех социальных предпринимателей, предоставляющих качественные услуги в соответствующих отраслях. Таким образом, государством могли бы оказываться такие меры поддержки, как предостав-

⁹ Vanroekel S., Greenblatt J. Pay for Success – An Innovative Approach to Improve Results and Save Money, Obama White House. 2013. URL: <http://www.obamawhitehouse.archives.gov/blog/2013/07/10/pay-success-innovative-approach-improve-results-and-save-money> (дата обращения: 24.05.2024).

ление грантов социальным предпринимателям, привлечение частных инвесторов для финансирования проектов социального предпринимательства и предоставление субсидий для покрытия некоторых расходов социальных предприятий. Как указывали С.Д. Бодрунов и М.И. Воейков, когда писали об активной роли государства в экономике, государство в данном случае может рассматриваться как некоторый противовес рынку, как механизм, ограничивающий и корректирующий рыночное самодействие (Бодрунов, Воейков, 2021). Также недавно Госдумой РФ был принят закон о присвоении статуса социального предприятия компаниям, трудоустроившим демобилизовавшихся бойцов СВО, что предоставляет этим компаниям возможность для вероятного получения государственной поддержки.

2) *Помощь, предоставляемая социальным предприятиям частными кредиторами и спонсорами.* На начальном этапе формирования и развития социальных предприятий важную роль играет поддержка со стороны частных кредиторов, таких как, например, Фонд «Наше будущее», предоставляющего беспроцентные займы для социальных предпринимателей, а также различных организаций, предоставляющих безвозмездную помощь (например, гранты).

3) *Формирование общественного мнения в пользу социального предпринимательства.* Для этого необходимо всячески популяризировать данное явление, проводить регулярные встречи, выставки, посвященные социальному предпринимательству, а также продвигать социальное предпринимательство как один из эффективных способов решения социальных проблем. Для того, чтобы выявить отношение общественного мнения к социальному предпринимательству необходимо для начала выяснить, насколько в общественном мнении развито представление о целесообразности социального предпринимательства. Результаты опросов общественного мнения полностью соответствуют картине развития социального предпринимательства по регионам. Соответственно, в тех регионах, где оно в наименьшей степени развито, меньшее количество людей могут что-либо сказать относительно того, знакомо ли им данное понятие. Так, например, согласно исследованию, проведенному исследовательской группой ЦИРКОН (2008) в Центральном, Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах от 7 до 10% опрошенных уверенно отвечали, что они знают, что данное явление означает. По сравнению с ними в Южном, Приволжском и Уральском федеральных округах количество знающих о данном явлении составляло 4-5% от общего количества опрошенных¹⁰. Уровень развития социального предпринимательства в данных регионах полностью соответствует уровню осведомленности общества о социальном предпринимательстве.

4) *Стратегия по разработке дизайна и маркетинга продукции социальных предприятий.* Успешная стратегия по разработке дизайна и маркетинга социальных предприятий может существенно повысить объем прибыли, получаемой социальным предприятием, что было наглядно продемонстрировано выше на примере индийского социального предприятия *Conserve*. Данная мера существенно бы повысила уровень финансовой устойчивости социального предприятия, которое хотя и не стремится к максимизации прибыли, тем не менее, должно стремиться к росту уровня рентабельности как необходимого условия для дальнейшего развития социального предприятия в виде разработок новых социальных проектов.

¹⁰ ЦИРКОН // Восприятие населением понятия «социальное предпринимательство». 2008. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/91a/080606.pdf> (дата обращения: 24.05.2024).

5) Рассмотренные в работе примеры позволяют утверждать, что существует еще один уровень «солидарного предпринимательства», объединяющий на уровне цели усилия социально ориентированного государства, социальных предпринимателей и современного капиталистического бизнеса, осознающего бесперспективность и бессмысленность максимизации прибыли как антиприродной и противоестественной цели воспроизводства. В сущности, рассмотренный выше пример реализации государственной программы «Выплата за успех» (Pay for Success) в США как раз является примером подобной интеграции, поскольку он объединяет усилия социально ориентированного государства, социальных предпринимателей и коммерческого бизнеса.

Заключение

В заключение можно отметить, что социальные предприятия как предприятия, ориентированные на нужды людей, ориентированы на очеловечивание общества, снимают с общества проклятье страсти к безграничной наживе, возрождают в людях их человеческое существо, напоминают, что верховной ценностью являются не деньги, а сам человек, его жизнь в достатке, в счастье, в радости. Социальные предприятия готовят человечество к постэкономическому периоду его развития и ускоряют процессы социальной реанимации человечества.

ЛИТЕРАТУРА

Бодрунов С.Д., Воейков М.И. Государство, ноономика и постклассическая политэкономия // Вопросы политической экономии. 2021. № 4(28). С. 22-37. DOI: <https://zenodo.org/record/5838322>

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.

Бузгалин А.В. «Социальный капитал» как превратная форма генезиса посткапиталистических отношений // Альтернативы. 2010. № 4. С. 4-32.

Дементьев В.Е., Качалов Р.М., Клейнер Г.Б., Королев О.П., Нагрудная Н.Б., Хабибуллин Р.И. Коллективные формы хозяйствования в современной экономике. М.: ИД «Научная библиотека», 2017. – 356 с.

Колганов А.И. Обоснование трудовой теории стоимости на основе марксистского воспроизводственного подхода // Вопросы политической экономии. 2024. № 1(37). С. 116-122. DOI: 10.5281/zenodo.11065337

Мягков П.А. Российские формы экономики солидарности: исторический опыт и современность // Вопросы политической экономии. 2024. № 1(37). С. 138-151. DOI: 10.5281/zenodo.11065346

Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / Под общ. ред. А.А. Московской. М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 284 с.

Рудык Э.Н. Социальное государство и социальное предприятие. В кн.: Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / Под общ. ред. А.В. Бузгалина и М.И. Воейкова. М.: Экономика, 2011. – 556 с.

Соловьева Т.С. Социальное предпринимательство в регионах России: ключевые характеристики и условия развития // Научный результат. Экономические исследования. 2023. Том 9. № 1. С. 59-71. DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-5

Fruchterman J. Developing Information Technology to Meet Social Needs. Innovations: Technology, Governance, Globalization. Cambridge: MIT Press. 2008. № 3(3). Pp. 83-99.

Информация об авторе

Павлов Руслан Николаевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, Москва, Россия.

(E-mail: pavlovru@mail.ru) (elibrary AuthorID: 16012033) (ORCID: 0000-0003-3405-2688)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

Bodrunov S.D., Voyeykov M.I. The state, noonomics and the postclassical political economy. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy.* 2021;4(28):22-37. DOI: <https://zenodo.org/record/5838322> (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. The Global Capital. In two volumes. Vol. 1. On the other side of positivism, postmodernism and economic imperialism (Marx re-loaded). Moscow: LENAND, 2015. – 640 p. (In Russ.)

Buzgalin A.V. «Social capital» as a perverse form of the postcapitalistic relations genesis. *Alternativy=Alternatives.* 2010;(4):4-32. (In Russ.)

Dementiev V.Ye., Kachalov R.M., Kleiner G.B., Korolyov O.P., Nagrudnaya N.B., Khabibullin R.I. Collective forms of doing business in the modern economy. Moscow. The Scientific Library, 2017. – 356 p. (In Russ.)

Kolganov A.I. (2024) The justification of the labour theory of value on the base of the Marxist reproduction approach. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy.* 2024;1(37):116-122. DOI: [10.5281/zenodo.11065337](https://zenodo.org/record/11065337) (In Russ.)

Fruchterman J. Developing Information Technology to Meet Social Needs. *Innovations: Technology, Governance, Globalization.* 2008;3(3):83-99.

Myagkov P.A. Russian forms of solidarity economy: the historical experience and the present. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy.* 2024;1(37):138-151. DOI: [10.5281/zenodo.11065346](https://zenodo.org/record/11065346) (In Russ.)

Rudyk E.N. The social state and the social enterprise. In: *A man and the economy: the justice and basic democracy against the totalitarianism of market and capital.* Under the general editorship of A.V. Buzgalin and M.I. Voyeykov. M.: Economy, 2011. – 556 p. (In Russ.)

Social entrepreneurship in Russia and in the world: practice and studies. Under the general editorship of A.A. Moskovskaya. M.: HSE, 2011. – 284 p. (In Russ.)

Soloviova T.S. Social entrepreneurship in the regions of Russia: the key characteristics and the conditions of development. *Nauchnyi rezultat. Economicheskiye issledovaniya=The scientific result. Economic studies.* 2023;9(1):59-71. DOI: [10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-5](https://zenodo.org/record/1634-2023-9-1-0-5) (In Russ.)

Information about the author

Ruslan N. Pavlov – Candidate of Economics, Senior Researcher at the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

(E-mail: pavlovru@mail.ru) (elibrary AuthorID: 16012033) (ORCID: 0000-0003-3405-2688)

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 22.07.2024; одобрена после рецензирования: 18.10.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

УДК: 330.35

DOI: 10.5281/zenodo.14509690 <https://zenodo.org/record/14509690>

КАЛЬДЕРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Чекмарев Василий Владимирович¹

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия, (tcheckmar@ksgos.ru), (ORCID: 0000-0002-8347-7087)

Мишин Евгений Борисович²

Первый заместитель генерального директора Московского филиала АО «Атомэнергосектор», г. Москва, Россия, (mishin_eb@aep.ru)

Ключевые слова: *экономическая динамика, формы экономической динамики, экономический рост, устойчивое развитие, кальдера экономического роста*

Для цитирования: Чекмарев В.В., Мишин Е.Б. Кальдера экономического роста // Вопросы политической экономии. 2024. № 4(40). С. 176-194.

CALDERA OF ECONOMIC GROWTH

Vasiliy V. Chekmarev

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security Kostroma State University, Kostroma, Russia, (tcheckmar@ksu.edu.ru), (ORCID: 0000-0002-8347-7087)

Evgeniy B. Mishin

First Deputy General Director Moscow branch of JSC Atomenergoproekt, Moscow, Russia, (mishin_eb@aep.ru)

Keywords: *economic dynamics, forms of economic dynamics, economic growth, sustainable development, caldera of economic growth*

For citation: Chekmarev V.V., Mishin E.B. Caldera of economic growth. Problems in Political Economy. 2024;4(40):176-194.

JEL codes: E21; E23

Введение

Для многих исследователей любимым занятием является толкование текстов, принадлежащих предшествующим толкователям. Но правильнее про детали позабыть (на время) и взглянуть в ядро процесса «экономический рост», контекст которого и определяет реальность действительности³. В связи с этим особенно от-

¹ © Чекмарев В.В., 2024

² © Мишин Е.Б., 2024

³ Подробнее наши позиции изложены в докладе «Причины понимания деформации реальности как целостности цивилизации в будущем» на круглом столе СПЭК-2024 (4-5 апреля 2024 г., г. Санкт-Петербург).

метим, что тема круглого стола, проведенного редакцией журнала «Вопросы политической экономии» не просто актуальная для науки «политическая экономия» так как является *остросоциальной*, а *практико-ориентированной* с учетом ее возможностей как социально-политического регулятора. В разговорах о нарастающих диспропорциях между бедностью и богатством в современном мире и возможных путях создания новых моделей экономического развития в условиях нарастающих роли информации как одного из новых факторов развития с использованием цифровых технологий, одновременно становящихся *риском* создания «цифрового концлагеря» (смотри публикации Катасонова В.Ю., Четвериковой О.Н., Шнуренко И.С. и др.).

Состоявшаяся дискуссия *отличается* от схожих (см., например материалы XVIII Международного экономического симпозиума, посвященного тридцатилетию в Санкт-петербургского государственного университета, 11-13 апреля 2024 года, секция «Россия в поисках новой модели социальной экономического развития», а также дискуссии на страницах журнала «Теоретическая экономия»⁴, проведенной в 2020 году и посвященной статье И.Н. Примышева «Факторы и современные модели экономического роста и развития») тем, что участники круглого стола в своих выступлениях учитывали то обстоятельство, что судьба не только нашей страны, но и мирового гиперпространства в *долгосрочном* периоде находится в тренде «гиперсвязанности» и выбора моделей экономического развития в системе «Природа и общественное производство» (не только как материально-вещественное, но и духовно-преобразующего биосферу в ноосферу). Отличительной особенностью докладов явилось использование не только методологии классической политической экономии, но и методов неинституционального (дискурсовый и конструктивный институционализм) и дискурсионного анализа, а также когнитивного подхода. Авторы исходили из понимания развития как сложного философско-идеологического, гибридного социального когнитивно-деструктивного феномена, который во многом обусловлен знанием о мироустройстве, а также деструктивной практикой воздействия на общественное сознание, в том числе и историей развития экономической мысли. При этом авторы придерживались разных (порой конфликтующих) ценностных установок, что *принципиально* важно для формирования новой *политической экономии* при изучении рисков инверсионной интерпретации идеологических концептов меняющихся реальности бытия, в той или иной мере усугубляя и дополняя идеи А.В. Бузгалина, Н.Г. Яковлевой, озвученные МАЭФ-2023 и изложенные в их статье⁵.

В итоге материалы круглого стола являют собой как бы книгу-продолжений книг-учебников «Введение в теорию экономического роста» авторы (Чарльз И. Джонс, Дитрих Воллард) и «Введение в теорию современного экономического роста» в двух книгах (автор Даром Асемоглу⁶), созданную российскими учеными на необходимом уровне строгости и ответственности политэкономов за будущее

⁴ «Теоретическая экономика». № 5. 2020. URL: <https://theoreticaleconomy.ru/ru/nauka/> (дата обращения: 09.09.2024).

⁵ См.: Бузгалин А.В., Яковлева Н.Г., Барашкова О.В. Социально-экономическое развитие: экономика, государство, человек (политико-экономический подход). Т. 241 // Научные труды ВЭО России. 2023. С. 354-363.

⁶ Асемоглу Д. Введение в теорию современного экономического роста: учебник [в 2 кн.] / пер. с англ. М.: Дело, 2018.

цивилизацией. При этом, несмотря на универсальность проблемы круглого стола, его участникам удалось проследить российскую специфику в отличие от западных стран.

Рассмотрение экономического роста как цели и как средства было осуществлено с фиксации характерной черты нового качества экономического роста – изменения его источников и факторов на основе кардинальных изменений во всей структуре общественного производства, что и обуславливает формирование новой модели экономического развития.

Особо подчеркнем, что в тишине слов дискутантов каких-либо *предпосылок* к возникновению новых теорий экономического роста выявлено не было, хотя такая попытка однажды уже предпринималась С.П. Реусом⁷.

Для демонстрации некоторой «перпендикулярности» наших взглядов взглядам, ставшим в некоторой степени парадигмальными, изложим основные исследовательские нарративы настоящего выступления в виде гипотез, исключающих рассмотрение экономического роста в качестве темпа развития, испытывая страх перед будущим, чтобы оставаться в будущем сегодня в ситуации неприемлемого настоящего (это как по Антону Чехову: «У каждого безобразия должны быть свои приличия»). Изначально мы не *экономисты* и не Вангстрадамусы*, мы скорее – безумцы от наукопрактики, считающие, что не все же время, размышляя об экономическом росте и развитии, хвастаться бомбами.

В контексте вышеизложенного мы будем строить свое исследование с учетом заявленной методологии политэкономического подхода, изложенного в упомянутой статье А.В. Бузгалина, Н.Г. Яковлева и О.В. Барашковой, а также использования документа «Академические репутации...»⁸.

Из знакомства со значительным количеством публикаций (часть которых приведена в соответствующем разделе статьи) можно сделать вывод, который уже стал общим местом, что плодами глобального экономического роста при значительном социальном расслоении пользуются преимущественно верхние слои. В данном контексте уповать исключительно на экономический рост при незначительной адресной социальной помощи и не затрагивать механизмы перераспределения, как это делает российское правительство, это – фактически устранившись от решения данной насущной проблемы.

Подчеркнем, что несмотря на то, что эта проблема имеет универсальный характер, российская специфика все же прослеживается: в отличие от западных стран, «работающие бедные» – это преимущественно специалисты, с высшим и средним образованием, составляющие условный средний класс в политэкономической характеристике экономической структуры общества (даже при размытии методологического аппарата экономической теории). *Сенсорной интеграции* представителей этих слоев общества не происходит, а это определяет *возможные границы* промышленной политики (в современных условиях) как источника экономического развития. Тупик *финансализации*, слабо связанной с производством реальных

⁷ Реус С.П. Предпосылки возникновения новых теорий экономического роста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. № 2. С. 75-90.

* Ванга, Нострадамус – Вангстрадамус – прогностист-шарлатан.

⁸ Соколов М.М., Чечик Е.А. Академические репутации российских экономистов и их наукометрические оценки. ЦИАНО ЕУСПБ, 2022. – 19 с.

ценностей. И в этом контексте идея *кратосферы* А.В. Бузгалина и А.И. Колганова становится в ряд с идеей о ноономике С.Д. Бодрунова.

Но в любом случае эти идеи как диалектическое отрицание современного *умирающего (по Швабу)* капиталистического обустройства есть провозглашение нового общественного уклада и усиление внимания к альтернативным подходам к экономическому развитию.

Для облегчения понимания наших рассуждений, логика которых задается структурой настоящей статьи, и не обременяя читателя цифрами статсборников, изложим их в *гипотезах*.

Гипотеза 1. Экономический рост и экономическое развитие есть слабокоррелирующие явления (и понятия), что предопределяет теоретические обоснования стратегии экономического развития страны в новых теоретико-методологических установках, учитывающих необходимость анализа не только систем экономических отношений, институтов, явлений и процессов, но и сигналы среды обитания. Кроме того, экономическое развитие не может определяться только цифрами показателей производства продукта. Необходим анализ его распределения и потребления.

Гипотеза 2. Развитию может способствовать и модель нулевого роста.

Гипотеза 3. Острое противостояние – финансовое, экономическое, информационное, военное – всерьез и надолго. Поэтому многие казавшиеся незыблемыми «рыночные» понятия подлежат полной отмене и должны быть отнесены в бестий экономический науки.

О понятийном аппарате несколько слов немножко ниже.

Понятийный аппарат. Явление есть, а слова нет. Традиционно политэкономическое исследование опирается на метод диалектики, равновесную экономику, реальность как действительность, предполагает деформацию понятийного аппарата классической экономической науки. Это касается *природы экономической деятельности человека* в использовании новых факторов производства (информация, пространство, время).

Отмеченное обуславливает наполнение политэкономическим содержанием таких понятий как кальдера, черные дыры и белые пятна экономической науки, ноосферизм экономического развития и одновременно оправдывает «еретический» взгляд на показатель ВВП и понимание экономического роста в количественном измерении. Сущность экономического роста достаточно иллюзорна, а существующая методика определения ВВП – антисоциальна. И в этом понимании принципиально важно сойти с колеи профессии советского политэкономиста.

Авторы предлагают осовремененное понимание термина «экономическое развитие», заменяя «опривыченное» его понимание как роста ВВП, претендуя на социальный конструктивизм⁹, рассматривая иные подходы в качестве угрозы экономической безопасности государства и суверенитету страны, тем самым солидаризуясь с позицией А. Аузана, изложенной в его работах-обзорах концептуальных представлений о проблемах экономического развития (начиная с 2005 г. по н.в.).

Гипотеза 4. Идеи ноономики – это идеи ускорения исторического времени и, соответственно, исторического процесса консолидации мира в условиях безвре-

⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.

меня геополитической экономики середины XXI века. И рисков идеологического конструирования информационно-цифрового общества с учетом отсутствия теории *качества* экономического роста при коренном изменении его источников и факторов по С. Глазьеву – это социальная стратегия экономического роста.

Отметим, что теория ноономики предлагает:

- механизмы устойчивого развития на основе расширения системного подхода;
- индикаторы теории *переключения основного капитала*;
- расширение *концептуального пространства* современной экономической науки;
- аксиоматизация *инверсии уровней* доминантности в структуре объекта и предмета общей экономической теории для практикоориентированного анализа;
- формирование диалектики саморазвития в условиях возрастания неопределенности будущего.

Почему ноономику следует рассматривать в качестве модели развития экономической системы России. Хотя бы уже потому, что стране нужна новая архитектура безопасности. И не только военной, но и социально-экономической.

Кальдера (от исп. *caldero* – большой котел) – крупная циркоподобная округлая или овальная впадина на вершине вулкана, с крутыми, часто отвесными стенками и с относительно ровным или слабо расчлененным дном.

Различают кальдеры *обрушения* (гравитационные), образующиеся в результате провала, обрушения верхней части вулкана в опустошенный при извержении поверхностный магматический очаг, в котором существует недостаток массы и давления, а также в результате оседания по разломам, окаймляющим вулкан; *взрывные* (эксплозивные) кальдеры, возникающие при мощных взрывах газа в жерле вулканического конуса¹⁰. Ситуация в экономической науке и практике соответствует кальдерному образу.

Человек как объект экономической динамики общественного развития и разговоры о ноосферном будущем: критика реальности

Председатель правительства Российской Федерации М.В. Мишустин в своих выступлениях сформулировал задачу создать новую модель экономического развития. На наш взгляд решение этой задачи предполагает формулировку Закона возмездия капиталистической организации экономической жизни общества, рынка, конкуренции, рекламе, санкциями и т.п. Очевидно, что санкции и захват активов – это экономическая война, а конкуренция равна терроризму. Сегодня даже капиталисты не стремятся к владению физическим капиталом как овеществленному труду, а к капиталу не физическому (власти!). Следовательно, теория факторов производства трансформировалась и наряду с землей, трудом и капиталом, факторами производства становится информация, время и пространство.

В результате действия этих факторов возникает необходимость рассмотрения человека как объекта экономической динамики общественного развития реальности будущего. При таком подходе новую модель экономического развития можно трактовать как ноономику (автор концепции член-корр. РАН С.Д. Бодрунов).

¹⁰ Новая российская энциклопедия. Том VII (2). М.: Изд-во «Энциклопедия», Изд-во «ИНФА-М», 2010. С. 94.

Концепция Бодрунова являет собой завершенную концепцию постиндустриального общества как парадигмы, *открывающей путь* к исследованиям современного мира, который с учетом санкционной политики различных государств впервые будет организован вокруг общепринятых экономических законов классической и неоклассической политэкономии на опыте персональных взаимодействий руководителей государств.

По большому счету ноономика является составной частью геополитэкономии, возникающей как реакция ученых на деформацию экономических отношений на длинной волне мирохозяйственных укладов, и формирующая реальность в экономической науке как будущее воли и будущее судьбы культурных кодов человечества.

Размышления о реальности в экономической теории вызваны изменениями *природы экономических отношений* в обществе, где информация как фактор производства начинает превалировать над всеми иными факторами. Следовательно, происходит изменение производительных сил общества и формирование *нано-экономики*, что требует специальных теоретических исследований на основе новых методологических оснований. И здесь нельзя не вспомнить Д. Белла, который делал прогноз на *принципиально новую роль теоретического знания*, которое в «кодифицированной форме» становится фактором, определяющим направление социального развития.

В этом контексте ноономика может быть рассмотрена в качестве модели развития, обладающей туннельным эффектом появления света не только в конце туннеля экономической необходимости, являя собой результат функционирования общественного труда (по К. Марксу – «всеобщей производительной силы»¹¹).

Под экономической необходимостью мы вслед за другими учеными понимаем конкретные экономические и социальные условия (в том числе формы организации производства вещественных и невестественных продуктов, политику государства, институты и мировоззренческую мотивацию всех участников общественного производства).

И в этом контексте социально-экономическая траектория развития России характеризуется нами категорическим императивом бытия во времени и пространстве.

Критика реальности: от фальшизма к практике в кривом зеркале ВВП

Использование в экономическом анализе понятия «кальдера» обусловлено нижеследующим.

Зададимся вопросом, нужно ли человеку постоянно увеличивать свой рост?

Сегодня средний рост людей не превышает двух метров. Не маловато ли? Может быть, лучше три или четыре (и далее) метра?!

Сколько и чего нужно производить, обычно через рынок отвечает «спрос». А если мы не в рынке? Тем паче, когда речь идет об экономическом росте? Мы же не в сказочной реальности. А в объективной реальности. Загадки экономического роста – тема не новая. О них размышлял еще незабвенный Е. Гайдар в журнале

¹¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 208.

«Вопросы экономики» в 1996 году и в журнале «МэиМО» в 2003 году. В 2012 году издательство «Мысль» издало монографию в 512 страниц «Загадки экономического роста», а в том же году А. Илларионов опубликовал в журнале «Общество и экономика» статью, посвященную актуальным проблемам экономического роста в России. О парадоксах экономического роста рассуждал и С. Капица на 204 страницах монографии, изданной в том же 2012 году издательством «Альбина нон-фикшн». Но не только российские ученые, но и зарубежные авторы в качестве объекта анализа выбирали эту проблему, не перечисляя множество, укажем хотя бы на работу Элхана Хелпмана¹².

Но теория теорией, а жизнь (практика) дает свой толчок нашим суждениям. Поэтому обратимся к статистике, как отражению правды реальности. И тут возникает проблема, которую назовем «кривизной зеркала» ВВП. Не будем приводить в нашем выступлении известные цифры, желающих отправляем к содержательной публикации «ВВП в эпоху ВВП»¹³ в состоянии российской экономики в 2022–2023 годах. Укажем лишь на более примечательные.

Нельзя не отметить сектора, которые помогли России приблизиться к постиндустриальному состоянию: оказание финансовых услуг (рост с 4,0 до 5,2%); административная деятельность (с 2,2 до 2,3%), деятельность в области информатизации (с 2,9 до 3,2%). Но особый рывок сделал сектор, который называется «Государственное управление и обеспечение военной безопасности». Его доля за год выросла с 7,1 до 7,8%. Получается, что непосредственный вклад в наращивание ВВП делают государственные чиновники и военные.

Подчеркнем, как и член-корреспондент РАН С.Д. Бодрунов, что выраженный в ВВП экономический рост не определяет улучшение качества жизни. «Экономический рост, измеряемый ВВП, – это, по сути, рост издержек в экономике»¹⁴ он же настаивает, что «необходимы новые или дополнительные критерии экономического роста, ибо большее не всегда лучше»¹⁵.

О цвете качества экономического роста

О цвете качества экономического роста почему-то исследователи умалчивают*, а он существует. Конкретным примером «цветовых» *черных дыр роста в белых пятнах развития является бюджетная система Российской Федерации*.

В СМИ приводятся примеры и других «черных дыр». Выделим тему штрафов.

За что придется платить?

Самый маразматический штраф – за навоз. Навоз приравнен к отходам производства первой категории опасности. Атомные станции приравнены ко второй. Контролирующие органы накладывают штраф за отсутствие лицензии на работу с навозом, за неправильное складирование навоза и за вывоз навоза на поля. И кон-

¹² Хелпман Э. Загадка экономического роста / пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – 238 с.

¹³ ВВП в эпоху ВВП: Росстат мастерски жонглирует цифрами, но дело не только в нем. «Рамблер», 08.04.2024. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52566622-vvp-v-epohu-vvp-rosstat-masterski-zhongliuet-tsitframi-no-delo-ne-tolko-v-nem/> (дата обращения: 03.09.2024).

¹⁴ Бодрунов С.Д. «Учебник» или «научебник»? О книге академика РАН А.Д. Некипелова «Общая теория рыночной экономики» // Экономическое возрождение России. 2017. № 4 (54). С. 141.

¹⁵ Там же. С. 142.

* Хотя вектор подробных исследований был задан в 2008 году работой: Свет и цвет в экономике и обществе / Монография / под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2008. – 736 с.

тролеры тут же подскажут «правильную» фирму, которая не только сделает проект, но и построит площадку для хранения навоза. Суммы штрафов: десятки миллионов с предприятия; в целом по отрасли животноводства годовые штрафы превышают миллиард рублей¹⁶.

В статье «Черные дыры пшеничного поля» приведены любопытные данные. Процитируем: «В далеком 1990 году картошки в год собирали под 40 млн тонн. В 2019 г. – 22,1. В реализацию попала капля в море – 6,9 млн тонн. Картофель, конечно, овощ, но и с ним тоже беда. Из 14 млн тонн огурцов, помидоров и репы, которые якобы вырастили аграрии, рынок зафиксировал 6,7 млн тонн. В два раза меньше, как и по картохе»¹⁷.

Здесь возникает вопрос о распределении и потреблении.

Особо подчеркнем, что необходим тектонический сдвиг в понятийно-категориальном методологическом аппарате экономической науки. Например, собственность как отношение (собственность – это обеспеченность (облеченность) властью). А это уже не чисто экономическая категория, а политико-экономическая. Не случайно политэкономии убрали из перечня изучающихся экономических дисциплин и оставили только как научную дисциплину (находящуюся как бы в бестиарии экономической науки).

Категориальный аппарат современной экономической науки не содержит таких категорий, как «время» и «пространство». Хотя понятия эти существуют в экономической литературе весьма давно. Даже издаются журналы «Пространственная экономика» и «Социальное время». Поэтому ниже несколько суждений о времени, с целью определить возможную суть нового экономического реализма.

Время расширяется! И замедляется! Подчеркнем, что время не всегда существовало, потому что движение – это способ существования времени в пространстве. А мы живем в прошлом. Счастливые часов не наблюдают. Социальные сети становятся ловушкой времени. Дуглас Адамс в книге «Автостопом по галактике» утверждает, что время является измерителем реальности. Конечно же, это субъективное восприятие реальности. Время – это среда нашего обитания.

Время является загадочным и фундаментальным аспектом жизни.

Исследовать природу экономического времени и его различные аспекты: задача экономической науки, решение которой позволит определить действенность экономической теории.

В связи с этим вопросом особо подчеркнем, что проблемы распределения и потребления в рамках целей общественного развития долгое время толковались как лежащие за границами политэкономического анализа.

Многие ученые считают, что вопросы целеполагания не являются областью экономического анализа и вообще не относятся к науке, подчеркивая, что следует различать теорию и доктрину, науку и суждение о ценностях. Так, Лайонел Роббинс утверждал, что экономическая наука совершенно нейтральна в отношении целей; она может исследовать только средства. Или вот мнение П. Самуэльсона: «Коренные вопросы, определяющие, насколько правильны или ошибочны преследуемые цели, не могут решаться наукой как таковой. Они относятся к области этики и “оценки ценностей”»¹⁸.

¹⁶ Аргументы недели. 2020, № 24(78). С. 8.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. С. 29

Такая позиция многих западных экономистов объясняется *природой рассматриваемого ими способа производства* (стихийная самоорганизация частного-варного и частнокапиталистического производства в рамках локальных, национальных и мирового рынка), а также представлением, что главным регулятором экономических связей выступает закон рыночного равновесия.

Между тем переход к рассмотрению вопросов о роли стратегического планирования для обеспечения экономического развития требует построения дерева целей, интеграцию отдельных исследований в конкретные выводы и заключения. На наш взгляд, новая политическая экономия с использованием новейшей методологии и нового понятийно-категориального аппарата и отказавшись от бестиария экономической науки, способна обеспечить интегральный уровень общенаучных исследований проблемы развития.

Подчеркнем, что цели общественного развития не могут определяться вне привязки к определенным интервалам социального времени. Традиционно выделяют три горизонта социального времени – историческую перспективу, обозримую перспективу и плановый период.

И здесь особо следует помнить, для оценки цвета качества экономического роста, претензию А.В. Бузгалина и А.И. Колганова на описание совершенно нового общественного уклада, который они идентифицировали, как *креатосфера*. Так ими была названа деятельность творческих личностей с неотчужденными мотивами деятельности, а также совокупность результатов такой деятельности. Этой теме названные авторы посвятили ряд работ. Поэтому сошлемся на одну из первых¹⁹. Это, вероятно, историческая перспектива экономического развития, так как требуется переходный период для переплетения креатосферы с материальным производством. Но приведем пример из практики реализации идей *оценки цвета качества экономического развития*, повышающего качество человеческой жизни.

Фармакология является отраслью, обеспечивающей в определенной степени здоровье отдельного человека. Как известно в инструкции того или иного лекарства указывается срок его хранения. Читайте цифры и помните их при пользовании. Так вот, креативщики предложили технологии, когда при истечении срока годности упаковка будет менять свой цвет на черный. Другой пример. Все любят загорать на побережье южных морей и периодически надо вновь окунаться в воду, чтобы не сгореть. Так появились технологии, позволяющие изготавливать женские купальники и мужские плавки с яркими цветными рисунками, которые при долгом пребывании в воде исчезают и принадлежности становятся полностью прозрачными (напоминая вам о необходимости заботиться о себе).

Казалось бы мелочь. Но это всего лишь пример наукоемкого продукта, повышающего качество человеческой жизни. Вероятно, впереди изменения упаковки пищевых продуктов. Пример, что креатосфера – это не интеллектуальная республика Кастилия «игроков в бисер». Больше в наличии подобных товаров – это возможность платить за товар, человек покупает в решающей степени прирост самооценки. Ведь одной из потребностей современного городского жителя является самоуважение, то есть нехватка собственной значимости. Современный рынок дает человеку суррогат собственной значимости – бренд.

¹⁹ Бузгалин А.В. Материальное производство и креатосфера: пространство для дискуссии // Экономическое возрождение России. 2015. № 4 (46). С. 40-43.

Рассмотрим экономическое развитие как ноосферное развитие, то есть как процесс увеличения знаний о Природе и Человеке. Цель этого – эффективное функционирование человека в системе «Природа-Общество» на основе познания законов природы. Сегодня это функционирование осуществляется на основе постулирования экономического роста, реализовывающего решения задачи материальных проблем человека в одежде, пищи, жилище на основе институционализации эволюционирования (приспособления) в кинетических условиях тех или иных территорий, *контрирования* (противостояния) особенно с микромиром, конструированием (созиданием) с заимствованием у Природы средства передвижения, источников энерговооруженности и т.п.

Оставим на время человеческие материальные потребности и приведем пример потребностей в живом свете (биолюминесценции) при постижении красоты (вспомним, что Иван Ефремов называл красоту высшей целесообразностью). Если вдруг светящиеся растения появятся в каждом доме, то это будет одним из способов сломать стереотип. Потому что это просто красиво. Биолюминесцентные системы уже созданы – светящиеся растения, которые, вероятно, будут популярны в садах, городских парках. Экологи их применяют для мониторинга окружающей среды. Их сегодня уже используют в медицине при проведении клинических анализов, в фармакологии (один пример выше приведен).

Но вернемся к проблеме экономического роста в связи с пониманием реальности как *времени осознания* в контексте цвета качества экономического роста и приведем пример, который мы назовем экономлюминесценцией.

Все видели обычных медоносных пчел или хотя бы знакомы с продуктами их труда – медом, воском и пергой. Гораздо менее известны пчелы, живущие поодиночке и не приносящие нам свои продукты, но очень важные для опыления растений, в том числе сельскохозяйственных. Английские экологи решили, что одиноким пчелам надо предоставить в современных городах и поселках место для жилья. Предлагается часть кирпичей заменить специальными блоками с заранее сделанными норками. Блок отличается цветом, чтобы прилетающим жильцам было проще его заметить²⁰.

Это пример долгосрочного социально-экономического развития экономической рациональности в системе «Природа-Человек».

Цифры – вещь упрямая и самодостаточная

Подчеркнем, что оборот (фактическая реализация) всех предприятий сельского, лесного хозяйств, охоты, рыболовства и рыбоводства, по данным Росстата, за прошлый год составил *3 трлн 418 млрд рублей*. На экспорт отгружено товаров этой группы на *24 млрд 753 млн долларов США, или в рублях – 1 трлн 602,5 млрд рублей* (в основном зерновые и рыба). На внутреннем рынке осталось продукции на *1 трлн 816 млрд рублей*.

Чтобы еды хватало, Россия закупила по импорту продуктов питания и сельхозсырья на сумму *1 триллион 932,3 миллиарда рублей* (29 миллиардов 847 миллионов долларов). Вычтем то, что у нас не растет: цитрусовые, бананы, кофе. Всего на *194,3 млрд рублей*. Остается *1 триллион 738 млрд, 95,7%* от того, что мы поставили на внутренний рынок. *Половина нашего внутреннего рынка – импорт. Причем*

²⁰ Наука и жизнь. 2023. № 5. С. 2.

импорт, который мы могли бы выращивать сами! А это уже вопрос продовольственной или по большому счету национальной безопасности страны. И где тут «блестящие результаты»? – негодует Михаил Бочаров²¹.

По данным того же Ростата, *производство продукции сельского хозяйства в прошлом году составило 5,9 трлн рублей. Через рынок прошло 1,5 трлн. Продукция на 2,4 трлн рублей растворилась на просторах российской экономики.* Если это можно назвать экономикой. А может, ее и не было? Продукции этой?²²

Теперь о *предпосылках* формулирования гипотезы экономического роста как черной дыры в белом пятне экономического развития. Начнем с характеристики роли государства в развитии человека. На наш взгляд, одно из предпосылок рассмотрения развития как создания будущего является обращение к образованию как сфере *овеществления знания в живом труде*. Главным инструментом *развития экономики* является живой труд, его эффективное творческое использование знаний. Утверждаем, что это основная предпосылка развития страны и общества. И речь идет не о «человеческом капитале», а, как пишет в своей докторской диссертации Н.Г. Яковлева, о «человеческом потенциале». И здесь проблема «рост и/или развитие?» может приобрести философско-политэкономическую окраску – «мы бесплатны или мы бесценны?».

И в такой окраске проблему уже можно рассматривать в контексте политэкономической метафизики с использованием принципа квантовости бытия действительности современного развития России и понимания актуальности реальности как *времени созидания*.

Уместно вспомнить, что с нами ведется когнитивная война. Напомним, что когнитивная война – это *общевойсковой* подход, который объединяет боевые возможности кибернетической, информационной, психологической и социальной инженерии с целью одержать победу без физической борьбы. Это новый тип войны, связанный с использованием внешними субъектами общественного мнения в качестве оружия с целью оказания влияния и/или дестабилизации нации. Современная концепция войны определяет образование как оружие и средство влияния на поведение людей.

Когнитивная война стремится повлиять не только на то, *о чем люди думают*; но повлиять на то, *как мы думаем*, с тем чтобы изменить сам образ мышления людей, который, в свою очередь, влияет на то, как они действуют; поэтому такой подход намного мощнее просто информационной войны и выходит далеко за рамки обычной психопатологии, с которой часто ассоциируют психологию. В обширной области когнитивных наук киберпсихология, сосредоточенная на выяснении механизмов мышления и образования концепций, является ключевым направлением для специалистов, разрабатывающих методы ведения когнитивной войны.

Крайне важно понимать, что когнитивная война – это не просто другое слово или другое название информационной войны – это война с нашим индивидуальным процессором – с самим нашим мозгом. Поэтому, когда мы говорим об угрозах гибридной войны, следует иметь в виду, что наиболее продвинутые формы манипуляции, из имеющихся на сегодняшний день, используются именно в ходе когнитивной войны.

²¹ Бочаров М. Аргументы недели. 2020. № 26(720). С. 9.

²² А. Чуйков. «Власть живет, под собою не чужа страны». Аргументы недели. 2020. № 24(718). URL: <https://argumenti.ru/society/2020/06/673018> (дата обращения: 24.08.2024).

Будем утверждать в вышеуказанном контексте, что произошла образовательная деградация.

Даже авторы и идейные вдохновители всех проводимых реформ образования (тот же бывший ректор НИУ ВШЭ Я.И. Кузьминов) признают, что лучше не стало. Вот что он говорит в программном интервью «Лекарство от неуспешности»: «Сегодня 2870 выпускников школы не осваивают базовых знаний и умений минимум по одному предмету, а 1870 – по двум и больше»²³. То есть 20 лет экспериментов с системой образования дали отрицательный результат, – констатирует академик Бетелин В.Б.

Когнитивная война – это еще и война за время – война за то, в каком времени мы жить будем, что придает понятию «искривление пространства-времени» новый смысл. И рождает понятие «искривление экономического времени».

Искривление в данном случае, в условиях идущей когнитивной войны – это нарушение естественного хода вещей – естественной трансформации пространства-времени, как попытка затормозить эпистемную эволюцию человека как биологического вида *homo sapiens* и тем самым человечества как субъекта Вселенной. Таким образом, там, где у естественно-научной теории относительности есть только «искривление», мы вводим в теорию философского релятивизма два термина: «искривление» и «трансформация», чем *осуществляем синтагматическую визуализацию смысла существования человечества во Вселенной и экономического развития*.

Поэтому нужно проведение организации НИР по изучению общественных (социальных)²⁴ отношений с позиций не распределения, а создания благ и существующих социально-финансовых технологий в экономике России сквозь призму теории самоидентификации и ожидаемых особенностей в развитии геополитэкономии. Кроме того, необходим поиск смыслов как процесс опережения времени избавления от иллюзий.

Можно использовать пример нулевого экономического роста, заимствовав его у к.т.н. О.Б. Ложкина.

Для избавления от иллюзий экономического роста необходимо установление физической природы прибавочного продукта и разработки естественно-научной теории труда с постановкой проблемы *энергетического эквивалента стоимости*. Об этом существует множество предложений ученых, начиная от А.С. Подолинского и Г. Лейбница, и кончая А.И. Субетто. Но взгляд на *предмет политической экономики XXI века в зеркале истории* должен опираться на предложение С. Дзарасова о наличии «закона обязательства власти и ответственности за их выполнение», сформулированное в его работе «Возможен ли рост российской экономики»: «Ибо пока власть и капитал не удастся очистить от криминальной нечисти, едва ли можно рассчитывать на экономический рост страны» (Дзарасов, 2002, с. 146). Соответственно требуется *институционально оформленная мораль*, являющаяся ныне одним из видов *интеллектуальной собственности*.

²³ Кузьминов Я. Элиты должны учить детей для жизни в России. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/04/18/yaroslav-kuzminov-elity-dolzny-uchit-detey-dlya-zhizni-v-rossii.html> (дата обращения: 18.09.2024).

²⁴ Социальные финансовые технологии развития предприятий и экономики России: учебник / под ред. Е.В. Соколова. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2023. – 304 с.; Честно и справедливо. URL: <https://sokolov.expert> (дата обращения: 09.09.2024).

Заключение

Подведем итоги, перечислим выявленные проблемы и дадим авторские рекомендации по их решению, а также укажем возможное направление дальнейших исследований.

Во-первых, имеется значительное расхождение взглядов на суть и организацию экономического роста, его темпы и модели для нашей страны (Ивантер, 2018, с. 14-16); (Прогнозирование экономического роста..., 2017). Существующий выбор между экспансией и рестрикцией как с видами экономической политики не столь однозначен. Необходим учет наличия обратных связей при установлении стратегических ориентиров, из которых целесообразно исключить ВВП (Акаев, 2015); (Босчаева, 2014); (Охлопкова, 2014); (Подводный, 1993); (Родрик, 2016).

Во-вторых, наличествует игнорирование институционально-политико-экономического подхода в постановке задачи экономического развития России (Иншаков, 2002).

Требуется *изменение теоретических подходов к реализации политики экономического развития*, в которых общие равновесные схемы «могут иметь лишь сопровождающее и сопутствующее агрегатное значение, не более того» (Сухарев, 2017, с. 49).

Необходимо учитывать влияние эволюции институтов, которые чаще всего не поддаются формальной математизации.

Как эволюции институтов можно:

- приспособиться (эволюционировать);
- *контрировать* (противостоять);
- *конструировать* (созидать).

В-третьих, состояние глобальной экономики первой четверти XXI века как промежуточного этапа будущего подтверждает идеи профессора К.А. Хубиева, высказанные в его выступлении «Восстановительный и циклический рост», а также позицию Н.Г. Яковлевой, связывающую идею развития с человеческим потенциалом, и дает возможность осуществлять развитие без роста на основе измерения устойчивостью (подробности в выступлениях И.М. Тенякова, А.И. Колганова, Р.С. Дзарасова, а также в книге Д. Норта «Понимание процесса экономических изменений» (Норт, 2010).

В-четвертых, достаточно очевидна необходимость создания *«новой модели экономического роста»* как тренда реалий будущего общественного развития».

Плотность экономических отношений в современном мире увеличивается, но роль наноэкономических отношений ослабевает!

Почему вместо экономических отношений предметом анализа в экономической науке стали экономические системы? Да потому, что экономические системы исследовать просто. В них нет *субъектов* экономических отношений, то есть людей, а есть только агенты, то есть механические элементы передачи механизмов преобразования (обработки!), а вот *цели* нет!

Происходят элементные акты технических (или физико-химических превращений одного состояния фактора процесса другое!). Поэтому системный анализ изучает состояние экономики системы, *кинетику* происходящих в экономических системах процессов и механизмы этих процессов. Если мы понимаем кинетику процессов и экономических явлений, то мы фактически можем управлять процес-

сом производства экономического продукта (материального!). А вот что касается нефизических продуктов как продуктов – разговор особый.

Отсюда предложение применительно к проблемам природопользования принять интервал обозримой перспективы.

Целевую установку в границах обозримой перспективы можно определить как движение по магистрали – линии устойчивого долговременного социально-экономического прогресса, т.е. предельных приращений параметров общественного развития (научно-технических, экономических и социальных) достижимых при условии, что качественное состояние природных систем на конец периода не будет существенно ниже, чем в начале периода. Определить магистраль – значит проложить курс, который, решая проблемы настоящего, позволяет обеспечить движение в сторону все более и более высоких ступеней реализации начал равновесного природопользования и социального прогресса. Отклонение от магистрали есть свидетельство того, что общественное развитие «покупается» ценой разрушения природы, подрыва социальной устойчивости. Неизбежным результатом будет нарастание проблем, трудностей осуществления каждого следующего шага и на каком-то этапе – срыв развития (невозможность обеспечить дальнейший рост), если не катастрофа (разрушение как экологических, так и социальных структур).

И это одно из направлений исследований. Другим направлением обозначим исследования *травертина* (пористости) капитала. Определяя труды А. Смита как *протонауку* экономического развития, идентифицируем ноономический социализм (подробно смотри работы С.Д. Бодрунова) как теорию завтрашнего дня.

В-пятых, почему в настоящем выступлении использован термин «кальдера». Дело в том, что в литературе получили правопреемность термины «черные дыры» и «белые пятна» (Чекмарев, 2023а; 2023b). А на ваш взгляд экономическое развитие представляет собой *белое пятно* экономической науки, а экономический рост – *черную дыру*. В совокупности это положение дел вполне вмещает в себя понятие *кальдера*. И дело в том, что ориентированность исключительно на экономические показатели при определении стратегии развития государства свидетельствовала о несоответствии российского толкования устойчивого развития международным стандартам в этой области, которые в последние года формировались в контексте учета интереса будущих поколений и их защиты²⁵.

А именно защита будущих поколений по С.Д. Бодрунову и А.В. Бугалину²⁶ есть ключевая траектория экономического развития (Бодрунов, 2018, с. 13).

В-шестых, участники круглого стола «Рост vs Развитие»²⁷ отметили методологические трудности работы с понятиями «экономический рост» и «экономическое развитие» (см. выступления А.А. Широга, Д.Ю. Миропольского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер и др.), может быть поэтому экономическое развитие должно стать базой (основой) социального развития.

²⁵ Кравчук Н.В. в работе «Обеспечение защиты будущих поколений как обязательные условия стратегического развития России». М.: ИНИОН РАН, 2020, С. 173-176; Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. М., 2018. Том 11. № 4. С. 36.

²⁶ См.: Экономисты будущего: каким быть образованию // Вольная экономика. 2023. № 25. С. 15.

²⁷ Круглый стол «Рост vs Развитие», 26.04.2024 г. Филосовский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва. URL: <https://philos.msu.ru/node/7066?ysclid=m4snms60q7432155678> (дата обращения: 12.09.2024).

А социальность развития в свою очередь требует изменения критериев социального развития как этапа борьбы за сохранение человечества. Выбор новых критериев может быть осуществлен на основе методологических принципов квантовой термодинамики экономических процессов как необратимых изотермических процессов в системе «Человек-Общество-Природа» («ЧОП»).

Зигзаг развития общества в форме его капиталистического обустройства возможно «выпрямить» на основе восприятия ноосферы как фактора близкого будущего, в котором однопараметрические измерения явлений, свойственных «ЧОП», не могут быть точными с помощью количественно-качественных показателей. Об этом убедительно пишет Э. Внук-Липиньский (Внук-Липиньский, 2012).

Необходимо метафизическое формирование социально-действенных образов и образов образования, уход от петли функций обучения и воспитания к *функции формирования веры в будущее* (подробнее: Чекмарев, 2023с, с. 142-159).

Возрастающее значение роли информации как фактора и ресурса общественного развития в системе «ЧОП» делает *предметом* политико-экономической науки не столько отношения субъектов-собственников сколько отношения субъектов-распорядителей, а также значимость применения *методологии* социальной диалектики.

В свою очередь для характеристики методологии социальной диалектики требуется получить ответ на вопрос Ю.М. Осипова о единении в разнообразии философии хозяйства и экономической мысли²⁸.

Наши предположения по возможным направлениям НИР:

1. Формировать альтернативный теоретический взгляд на существующие цели социально-экономического развития и оценить состояние экономики с преобладанием рентоориентированного перераспределительного поведения субъектов экономических отношений, а также выработать критерии достижения поставленных целей и задач²⁹. И дело в том, что кроме прав собственности есть права, которые не менее экономически ценны.

2. Выработать параметры экономической ответственности лиц, принимающих решения и отвечающих за качество жизни современного человека.

3. Теоретически обосновать базовые взгляды на само понятие развитие и усиление переговорной силы профессиональных экономистов методом институциональных альтернатив.

4. В части цифровизации экономических процессов дополнить понимание чисел их цветоокраской и сформулировать методологический принцип «цветовая понятийная значимость». Определить белые пятна как мало изученное, а черные дыры как явление, не имеющее трендопредсказуемого будущего.

5. Сформулировать политэкономическую основу новой экономики развития, т.е. создать *новую политическую экономию* как *фундаментальную основу подготовки экономистов*, реанимировать понятие экономических отношений в контексте элементарных актов экономических отношений, таких как превращение человеческой энергии в творческий процесс.

²⁸ Осипов Ю.М. Вступительное слово на секции 12.1 «Гуманитарный потенциал изменяющегося социума России: экономика, идеология, культура» (руководитель секции). Ломоносовские чтения-2024. Москва, 17-19 апреля 2024 г.

²⁹ В контексте Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Следует понять, почему произошло вытеснение понятия «производственные отношения» из политэкономии понятием «экономические отношения». А затем нужно структурировать их не без помощи академика Л.И. Абалкина на экономико-организационные, технико-экономические, социально-экономические. Может быть, поэтому сегодняшние затруднения определения содержания человеческого капитала, социального капитала и т.п.

Экономика середины XXI века будет уже иной, чем в первую четверть XXI века. Развитие на принципах ноономики – это модель, позволяющая обществу сделать более справедливым, а нашу страну способной выстоять в геополитическом противостоянии в эпоху кардинальных изменений правил жизни.

Вероятно, закон *обратной перспективы параллельной реальности*, суть которого заключается в том, что события нового времени таковы, что они сразу случаются в реальности, минуя презентацию в самых кошмарных снах, не будет реализовываться!

6. Рассмотреть экономическое развитие на основе преодоления пропасти между настоящим и будущим.

Преодолеть – это значит увидеть будущее!

ЛИТЕРАТУРА

Акаев А.А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции: Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 352 с.

Бальцерович Л. и др. Загадки экономического роста: Движущие силы и кризисы, сравнительный анализ / под науч. ред. Лешека Бальцеровича и Анджея Жоньцы / пер. с пол. М.: Мысль, 2012. – 510 с.

Барро Р. Дж. Экономический рост / пер. с англ. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 824 с.

Бодрунов С.Д. Нооразвитие, а не бездумный рост // Вольная экономика. 2018. № 6. С. 13.

Босчаева З.Н. Управление экономическим ростом. М.: Экономика, 2014. – 316 с.
Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни / пер. с польск. М.: Мысль, 2012. – 536 с.

Воспроизводство и экономический рост / под ред. В.Н. Черковца, В.А. Бирюкова. Экономический факультет. М.: ТЕИС, 2001. – 282 с.

Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021. – 360 с.

Горидько Н.П., Нижегородцев К.М. Современный экономический рост: теория и регрессионный анализ: Монография. М.: ИНФРА-М, 2016. – 343 с.

Дзарасов С. «Возможен ли рост российской экономики» (о книге Д. Львова «Экономика развития») // Вопросы экономики. 2002. № 3. С. 142-147.

Ивантер В.В. О проблеме экономического роста // Экономическое возрождение России. 2018. № 2(56). С. 14-16.

Иншаков О.В. Теория факторов производства в контексте экономики развития. Волгоград: ВолГУ, 2002. – 89 с.

Кузнецова И.П. Экономический рост: история и современность: Учеб. пособие. СПб: Издательский дом «Сентябрь», 2001. – 143 с.

Курзнев В., Матвеев В. Экономический рост. СПб: Питер, 2018. – 608 с.

Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 288 с.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.

Охлопкова Н.В., Харитонов М.И. Экзогенный и эндогенный экономический рост – две разные парадигмы? // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 4. С. 29-36. EDN: SMXNPN

Подводный А. Возвращенный оккультизм, или Повесть о тонкой семерке. Ч. I. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1993. – 208 с.

Проблемы стабилизации и экономического роста в России: Сб. науч. тр. / отв. ред. М.М. Критский. СПб.: СПбГИЭА, 1999. – 203 с.

Прогнозирование экономического роста: Материалы Международной научной конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения академика Ю.В. Яременко / Отв. ред. В.В. Ивантер. М.: МАКС Пресс, 2017. – 352 с.

Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки» / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 256 с.

Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 544 с.

Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М.: КРАСАНД, 2017. – 720 с.

Сорокин Д.Е. Россия перед вызовом: Политическая экономия ответа. М.: Наука, 2003. – 239 с.

Сухарев О.С. Проблема организации экономического роста // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 40-55. EDN: XHRVCN

Теняков И.М. Национальное развитие и экономический рост: теория и российская специфика: Учебное пособие для студентов магистратуры экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2016. – 184 с.

Теория капитала и экономического роста: учеб. пособие / под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004. – 400 с.

Томас В., Дайлами М., Дхарешвар А. и др. Качество роста / пер. с англ. М: Издательство «Весь Мир», 2001. – 301 с.

Хейнберг Р. Конец роста / Пер. с англ. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – 384 с.

Хелпман Э. Загадка экономического роста / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 240 с.

Чекмарев В.В. Черные дыры в образовательном пространстве как угрозы экономической безопасности Российской Федерации. Пленарное заседание «Экономическая безопасность государства и бизнеса в условиях глобальной трансформации», 14.10.2023 г. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023а.

Чекмарев В.В. Проблемы в слепых зонах образовательного пространства // Journal of regional and international competitiveness. 2023b. Том 4. № 3. С. 76-82.

Чекмарев В.В. Образы и образа образования // Вопросы политической экономики. 2023с. № 4. С. 142-159. DOI: 10.5281/zenodo.10431209

Экономический рост и ресурсы: к VII Международному конгрессу по экономической истории. Реферативный сборник. М.: Академия наук СССР, Институт научной информации по общественным наукам, 1978. – 202 с.

Информация об авторах

Чекмарев Василий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия.

(E-mail: tcheckmar@kosgos.ru) (elibrary AuthorID: 471392) (ORCID: 0000-0002-8347-7087)

Мишин Евгений Борисович – первый заместитель генерального директора Московского филиала АО «Атомэнергопроект», г. Москва, Россия.
(E-mail: mishin_eb@aep.ru)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

Akaev A.A. From the era of Great divergence to the era of Great convergence: Mathematical modeling and forecasting of long-term technological and economic development of world dynamics. Moscow: LENAND, 2015. – 352 p. (In Russ.)

Balcerovich L. et al. Riddles of economic growth: Driving forces and crises comparative analysis. Under scientific ed. Leszek Balcerowicz and Andrzej Jonczy. Trans. from the floor. M.: Mysl, 2012. – 510 p.

Barro R.J. Economic growth. Translated from English by M.: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2010. – 824 p.

Bodrunov S.D. Noorazvitie, but not mindless growth. Zhurnal svobodnoy ekonomiki=The free economy journal. 2018;(6):13. (In Russ.)

Boschaeva Z.N. Management of economic growth. M.: Economics, 2014. – 316 p. (In Russ.)

Chekmarev V.V. Black holes in the educational space as threats to the economic security of the Russian Federation. Plenary session «Economic security of the state and business in the context of global transformation», 14.10.2023. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2023a. (In Russ.)

Chekmarev V.V. The gaps in the blind spots of the educational space. Journal of regional and international competitiveness. 2023b;4(4):76-82. (In Russ.)

Chekmarev V.V. Images and images of education. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2023c;(4):142-159. DOI: 10.5281/zenodo.10431209 (In Russ.)

Dzarasov S. Is the growth of the Russian economy possible (about D. Lvov's book «The Economics of Development»). Voprosy Ekonomiki. 2002;(3):142-147. (In Russ.)

Economic Growth and Resources: towards the VII International Congress on Economic History. Abstract collection. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Scientific Information on Social Sciences, 1978. – 202 p. (In Russ.)

Forecasting economic growth: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Academician Yu.V. Yaremenko. Ed. by V.V. Ivanter. M.: MAKS Press, 2017. – 352 p. (In Russ.)

Galushka A.S., Niyazmetov A.K., Okulov M.O. Crystal of growth to the Russian economic miracle. M., 2021. – 360 p. (In Russ.)

Goridko N.P., Nizhegorodtsev K.M. Modern economic growth: theory and regression analysis: Monograph. M.: INFRA-M, 2016. – 343 p. (In Russ.)

Heinberg R. The end of growth. Translated from English. M.: Book Club of Booksellers, 2013. – 384 p.

Helpman E. The riddle of economic growth. Trans. from English M.: Ed. Gaidar Institute, 2011. – 240 p.

Inshakov O.V. Theory of production factors in the context of development economics. Volgograd: Volga, 2002. – 89 p. (In Russ.)

Ivanter V.V. On the problem of economic growth. Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii. 2018;2(56):14-16. (In Russ.)

Kurzenev V., Matveenko V. Economic growth. St. Petersburg: St. Petersburg, 2018. – 608 p. (In Russ.)

Kuznetsova I.P. Economic growth: history and modernity: Textbook. St. Petersburg: Publishing house «September», 2001. – 143 p. (In Russ.)

Lucas R.E. Lectures on economic growth. Translated from English. M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2013. – 288 p.

North D. Understanding the process of economic change. Translated from English. M.: Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. – 256 p.

Okhlopkova N.V., Kharitonova M.I. Exogenous and endogenous economic growth – two different paradigms? *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta=Izvestiya VolGSTU.* 2014;(4):29-36. EDN: SMXNPN (In Russ.)

Problems of stabilization and economic growth in Russia: Collection of scientific tr. Ed. by M.M. Kritskiy. St. Petersburg: SPbGIEA, 1999. – 203 p. (In Russ.)

Reproduction and economic growth. Edited by V.N. Cherkovets, V.A. Biryukov. Faculty of Economics. M.: TEIS, 2001. – 282 p. (In Russ.)

Rodrik D. Economics solves: the strength and weakness of «gloomy science». Translated from English. M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2016. – 256 p.

Sedlachek T. The economics of good and evil. In search of the meaning of economics from Gilgamesh to Wall Street. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. – 544 p.

Semenov Yu.I. The origin and development of the economy: From primitive communism to societies with private property, classes and the state (Ancient Eastern, ancient and feudal). Moscow: KRASAND, 2017. – 720 p. (In Russ.)

Sorokin D.E. Russia before the challenge: The Political economy of the answer. M.: Nauka, 2003. – 239 p. (In Russ.)

Sukharev O.S. The problem of organizing economic growth. *Ekonomicheskkiye strategii=Economic strategies.* 2017;(1):40-55. EDN: XXRVCN (In Russ.)

Tenyakov I.M. National development and economic growth: theory and Russian specifics: A textbook for graduate students of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University. M.: MAKS Press, 2016. – 184 p. (In Russ.)

Theory of capital and economic growth: studies. the manual. Edited by S.S. Dzarasov. M.: Publishing House of Moscow State University, 2004. – 400 p. (In Russ.)

Thomas V., Daylami M., Dhareshwar A., et al. The quality of growth. Trans. from English. M: Publishing house «The Whole World», 2001. – 301 p.

Underwater A. Returned Occultism, or The Tale of the Thin Seven; Part I. Voronezh: NPO MODEK, 1993. – 208 p. (In Russ.)

Vnuk-Lipinsky E. Sociology of public life. Trans. from Polish. M.: Mysl, 2012. – 536 p.

Information about the author

Vasiliy V. Chekmarev – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security Kostroma State University, Kostroma, Russia.

(E-mail: tcheckmar@kosgos.ru) (elibrary AuthorID: 471392) (ORCID: 0000-0002-8347-7087)

Evgeniy B. Mishin – First Deputy General Director Moscow branch of JSC Atomenergoproekt, Moscow, Russia.

(E-mail: mishin_eb@aep.ru)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 05.09.2024; одобрена после рецензирования: 21.10.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК: 330.352

DOI: 10.5281/zenodo.14509720 <https://zenodo.org/record/14509720>

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС ИМЕНИ А.В. БУЗГАЛИНА О ПРОТИВОРЕЧИЯХ И ПОТЕНЦИАЛЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Хубиев Кайсын Азретович¹

Доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (khubiev48@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7285-1130)

Титова Нина Ивановна²

Кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (nititova@mail.ru), (ORCID: 0000-0002-6769-0208)

Рассади́на Алла Константи́новна³

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (rassalla20@yandex.ru), (ORCID: 0000-0002-4995-5129)

Ключевые слова: *политическая экономия, стратегическое планирование, национальное научно-технологическое ядро, интегральный мирохозяйственный уклад, посткапитализм, креатосфера, цивилизационный цикл*

Для цитирования: Хубиев К.А., Титова Н.И., Рассади́на А.К. VIII Международный политэкономический конгресс имени А.В. Бузгалина о противоречиях и потенциале развития российской экономической системы // Вопросы политической экономии. 2024. № 4(40). С. 195-213.

VIII INTERNATIONAL POLITICAL ECONOMY CONGRESS NAMED AFTER A.V. BUZGALIN ABOUT CONTRADICTIONS AND DEVELOPMENT POTENTIAL OF THE RUSSIAN ECONOMIC SYSTEM

Kaysin A. Khubiev

Doctor of Economics, Professor of the Political Economy Department in the Faculty of Economics in Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (khubiev48@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7285-1130)

Nina I. Titova

PhD, Associate Professor of the Political Economy Department in the Faculty of Economics in Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (nititova@mail.ru), (ORCID: 0000-0002-6769-0208)

¹ © Хубиев К.А., 2024

² © Титова Н.И., 2024

³ © Рассади́на А.К., 2024

Alla K. Rassadina

PhD, Senior Scientific Researcher of the Political Economy Department in the Faculty of Economics in Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (rassalla20@yandex.ru), (ORCID: 0000-0002-4995-5129)

Keywords: *political economy, strategic planning, national scientific – technological core, integral world economic structure, postcapitalism, creatosphere, civilization cycle*

For citation: Khubiev K.A., Titova N.I., Rassadina A.K. VIII International Political Economy Congress named after A.V. Buzgalin about contradictions and development potential of the Russian economic system. *Problems in Political Economy*. 2024;4(40):195-213.

JEL codes: A10, A11, B41

Мотивом, побудившим принять решение о подготовке и публикации данного обзора, явился рост популярности МПЭК и большой интерес к его материалам. Ознакомление с обзором поможет читателям в получении общего представления о Конгрессе и целенаправленному поиску работ соответствующих докладчиков.

Идейным вдохновителем, инициатором и организатором первого и всех последующих заседаний Международного политэкономического конгресса являлся Александр Владимирович Бузгалин. Именно поэтому, сказал А.И. Колганов, открывая первое пленарное заседание, с этих пор Конгресс будет носить его имя. При этом А.И. Колганов подчеркнул, что поддержку данного мероприятия на регулярной основе осуществляет руководство экономического факультета МГУ, в стенах которого он всегда проводится. Минутой молчания участники Конгресса почтили память безвременно ушедшего в прошлом году А.В. Бузгалина.

В своем вступительном слове декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор *Александр Александрович Аузан* приветствовал участников Конгресса и подчеркнул, что отныне развитие политэкономической науки будет неразрывно связано с именем А.В. Бузгалина.

Декан выделил три характеристики, которые, по его мнению, создают привлекательность политической экономии:

- широта, охватывающая общее видение общественного процесса, в центре которого стоит экономическое понимание;
- разнообразие взглядов, а не монополия одного из них. Без такого разнообразия политическая экономия превращается в догматическое явление. В это разнообразие взглядов входит не только марксизм, но и институционализм, эволюционные теории, посткейнсианство и т.д. Подобное разнообразие, сказал А.А. Аузан, следует поддерживать на факультете, особенно в случае возникновения угрозы существованию какой-либо школы. При этом декан подчеркнул необходимость поддержки школы критического марксизма Бузгалина – Колганова;
- приоритет качественных методов исследования в политической экономии. А.А. Аузан пожелал Конгрессу плодотворной работы и успехов.

Олег Николаевич Смолин, д.ф.н., академик Академии образования, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, в приветственном видео обращении к участникам Конгресса высказал убеждение, что в современном обществе политическая экономия является очень

востребованной наукой. Помимо понимания, как можно быть успешным на рынке, человеку намного важнее знать и понимать более глубокие проблемы своей страны и мира. В своем выступлении О.Н. Смолин поставил вопрос: почему минимальная заработная плата в нашей стране примерно 210 долл., тогда как в Турции – 460, а в Китае – 500 долл.? Это показатели по государствам со сравнимым уровнем производительности труда, не говоря о европейских странах. Подобная картина и с пенсиями. О.Н. Смолин также упомянул высокий уровень монополизации, который долгое время тормозил экономическое развитие страны. Темпы роста экономики с 2013 по 2022 год были примерно 1% в год. Хотя за это время мы могли бы стать на треть богаче, чем оказались сейчас. О.Н. Смолин выразил надежду, что все эти вопросы будут обсуждаться участниками Конгресса. В заключение он выразил убеждение в справедливости присвоения Конгрессу имени его друга, товарища и соратника А.В. Бузгалина, который делал все, чтобы политическая экономия как наука и как предмет в высшей школе сохранилась в нашей стране и развивалась.

С приветствием к участникам Конгресса выступил *Алексей Павлович Козырев*, к.ф.н., и.о. декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Он сообщил об успешном функционировании на философском факультете Центра современных марксистских исследований, созданного по инициативе А.В. Бузгалина с тем, чтобы ставить и решать задачи философских основ политической экономии. Но не только. Специфика политической экономии, по мнению выступающего, заключается в ее широте и интегративной полидисциплинарности. Политическая экономия – наука, которая осмысливает с экономической точки зрения определенные политические процессы, происходящие в обществе. Марксизм – это политика. И хотя Университет – вне политики, он не может быть, по мнению А.П. Козырева, вне политической экономии. Такие проблемы, как производство, обмен, распределение, потребление следует изучать не только с экономической точки зрения, но и с позиций философии. Необходимо, например, формировать у общества осознанное потребление, которое включает в себя экологическое сознание, культуру, исследовать сложные проблемы, связанные с новой экономической и политической реальностью в России. А.П. Козырев выразил сомнение в том, что логика глобализации, которую предлагали западные либеральные экономисты, верна, поскольку, например, темпы роста России в изоляции оказались выше, чем темпы роста европейских стран. Эти и другие сложные современные экономические проблемы, по мнению А.П. Козырева, найдут свое отражение в работе Конгресса.

**Первая сессия пленарного заседания Конгресса была посвящена теме:
«Политическая экономия и экономическая политика: планирование как фактор
обеспечения экономического и технологического суверенитета России»**

На сессии были представлены видео ролики с выступлениями *Александра Владимировича Бузгалина* на предыдущих конгрессах под общим названием «Политическая экономия: ответы на вызовы трансформации XXI века», где он анализировал проблемы современного мира: роль государства в рыночной экономике, проблемы интеллектуальной ренты как результата эксплуатации креативного работника, значение общественного прогресса и регресса в исследовании экономических проблем и, конечно же, роль и значение политической экономии как науки и предмета для преподавания. На вопрос, кому нужна политическая экономия, А.В. Бузгалин

ответил, что она нужна критически мыслящему человеку, который хочет понять законы общественного развития и содействовать общественному прогрессу. И не нужна тому, кто хочет тактически принимать выгодные решения. Особое значение, на его взгляд, приобретает политическая экономия в современном мире, который переживает глубокие качественные изменения. Если оценивать эти изменения с политэкономической точки зрения, то это, прежде всего, качественные изменения в содержании труда. Самым передовым человеком XXI и будущих веков, считает А.В. Бузгалин, будет воспитатель детского сада, учитель, а не программист, которого можно заменить искусственным интеллектом. Пожелания Александра Владимировича на будущее: в качестве обязательного ввести курс гетеродоксальной экономической теории, в центре которой будет политическая экономия. «Да здравствует возрождение политической экономии!» – так завершается его выступление.

С докладом «Современный опыт и теория социализма: уроки для России» на сессии выступил *Сергей Юрьевич Глазьев*, д.э.н., академик РАН. В соответствии с теорией длинных циклов и мирохозяйственных укладов прошедший XX век характеризуется докладчиком как имперский мирохозяйственный уклад с биполярными центрами: мировой системой социализма и развитыми капиталистическими странами. Современная эпоха XXI века определяется С.Ю. Глазьевым как интегральный мирохозяйственный уклад с двумя различными центрами: Китаем и Индией. Это страны с разным политическим устройством, но при этом имеющие много общего в системе управления экономическим развитием. Главное, что их объединяет общий принцип: примат общего над частным. Основной характеристикой интегрального миропорядка является, считает С.Ю. Глазьев, использование обоими полюсами указанного общего принципа. Китай строит социализм, не модель социализма с национальными особенностями, а социализм как образец для всего мира. В Китае, по мнению ученых и практиков, сформирована система управления, показывающая потрясающую эффективность. Индия официально социализм не строит, но в ее Конституции заложен примат общих интересов над частными. С.Ю. Глазьев счел возможным предположить, что необходимым признаком социализма является признание государством не только конституционно, но и на практике, важность приоритета общих интересов над частными. Это определение социализма кардинально отличается от определений социализма в марксистской политэкономии, поскольку игнорирует и вопросы собственности, и трудовую теорию стоимости, и теорию классово-борьбы. Государство выступает как интегратор, гармонизирует интересы разных социальных групп вокруг одного общего критерия – повышения общественного благосостояния. Частный бизнес ограничивается в правах собственности таким образом, что он должен реализовывать право на средства производства максимально эффективно для подъема общественного благосостояния. Если частный бизнес не справляется с этой задачей, то собственность экспроприируется. Примером может послужить национализация банковской системы в Индии. Банки Индии, по мнению государства, занимаясь спекуляциями и вывозом капитала за рубеж, нарушали принцип приоритета общих интересов над частными. Различия в представленной трактовке социализма, которая не является доказанным знанием, а лишь предположением, и трактовки социализма в марксизме, определяются, по мнению выступающего, существенными изменениями современного миропорядка. Например, в современном мире, считает С.Ю. Глазьев, изменилась

практика ценообразования. Система современного ценообразования с ее серьезной дифференциацией кардинальным образом отличается от ценообразования в модели свободной рыночной конкуренции. Кроме того, изменилась роль труда в формировании стоимости продукта. В структуре себестоимости высокотехнологичной продукции, даже в структуре капиталовложений, фундаментальную часть уже занимает интеллектуальная стоимость, которая не имеет объективной оценки. Изменилась также и практика отношений частной собственности. Собственность в мире перестала быть неприкасаемой. Государство вмешивается в отношения собственности, исходя из задач государственной целесообразности. Изменилось и участие трудящихся в управлении. Наемные работники становятся все более вовлеченными в процесс управления на предприятии. Марксистская концепция отражает реалии XIX века с простым трудом, семейными фирмами, примитивными отношениями собственности, эксплуатацией наемного труда. Но уже в Имперском мирохозяйственном укладе ситуация значительно меняется. В Интегральном мирохозяйственном укладе по всем направлениям экономической политики целеполагание осуществляется исходя не из частных, а из общих интересов.

Прежде чем дать рекомендации, что делать в России, необходимо понять, где мы находимся. Когда проходили реформы 90-х годов, реформаторы, решив уйти от социализма к капитализму, руководствовались упрощенными представлениями о капитализме эпохи XIX века. Нашу страну отбросили в примитивный капитализм с примитивными отношениями собственности, с жесточайшей эксплуатацией труда. Россия попала в неокOLONиальную зависимость от стран Запада и США с вывозом капитала, с навязываемой нашему обществу вредной политикой. По мнению докладчика, нужно стремиться к образам интегрального мирохозяйственного уклада, который демонстрируют Китай и Индия. В философском плане – это концепция социально-консервативного синтеза, где достижения социализма сочетаются с традиционными ценностями. Это восстановление планирования с подчинением банковской системы с целью наращивания инвестиций, культивирование участия работников в управлении, регулирование цен, исходя из нужных для развития экономики ценовых пропорций. И это переход к социалистической идеологии, которая должна трактоваться достаточно широко и не отменять частную собственность на средства производства, а регулировать частное предпринимательство таким образом, чтобы оно в своей деятельности обеспечивало максимизацию общественного благосостояния. В заключение С.Ю. Глазьев отметил, что все это возможно осуществить без революционных изменений, добившись точечных изменений в законодательстве. Например, предусмотреть участие трудящихся в управлении, обеспечить нормативный подход к бюджетному планированию, скорректировать закон о стратегическом планировании, введя ответственность всех лиц за достижение планируемых целей, перестроить денежно-кредитную политику в соответствии с главной целью – обеспечение максимизации инвестиций.

С докладом на тему «Об эффективном взаимодействии Китая и России в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и стратегии Евразийского экономического союза» выступил *Чен Эньфу*, директор Исследовательского центра экономического и социального развития при Китайской Академии общественных наук, президент Всемирной политэкономической ассоциации (WAPE). Докладчик сообщил об участии стран мира в Китайской инициативе «Один пояс – один путь», которая являет-

ся важной платформой для открытости Китая внешнему миру. В отличие от гегемонистской политики США и Запада, платформа «Один пояс – один путь» заключается в следующих принципах. Во-первых, стремление к созданию союза стран на основе взаимовыгодного сотрудничества, в том числе и тех, которым сложно отстаивать свои права и интересы. Во-вторых, стремление к созданию «зеленого» экологического сообщества стран с его экологической концепцией. В-третьих, стремление к поиску общих точек соприкосновения, взаимного приспособления различных стран-участниц. В докладе было отмечено укрепление взаимодействия инициативы «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза. Прежде всего оно проявляется в разработке стратегической концепции сотрудничества между Китаем и Россией по созданию сухопутного и морского экономического пояса – Шелкового пути XXI века, с более активным использованием передовых российских ледокольных технологий и технологий судостроения. Другим важным направлением взаимодействия инициативы «Один пояс – один путь» и России является, с точки зрения докладчика, совместное развитие Дальневосточного федерального округа России и КНР. Докладчик оценил перспективы совместного освоения Дальневосточного округа как широкие и безграничные.

В докладе «О переходе к стратегическому пятилетнему планированию в 2026–2030 гг.» *Абела Гезовича Аганбеяна*, д.э.н., академика РАН, сопредседателя Программного комитета МАЭФ, представленном в дистанционном формате, обосновывалась необходимость стратегического пятилетнего планирования как условия научно-технического и социально-экономического развития России. Используя показатели Росстата, А.Г. Аганбеян проанализировал итоги 33-летнего пути новой России. По его мнению, этот период можно разбить на три этапа. Первый этап, с 1991 по 1998 год, определяемый им условно как период трансформационного кризиса, характеризуется сокращением ВВП в 1,8 раз. Второй этап, с 1999 по 2008 год, докладчик называет восстановительным подъемом, поскольку ВВП за эти годы вырос в 1,9 раза, вернувшись к величине 1990 года. Третий этап, с 2009 по 2023 год, назван им периодом стагнации и кризисов, т.к. за эти 15 лет ВВП рос приблизительно на 1% в год. Очень сложной, по мнению А.Г. Аганбеяна, является ситуация с инвестициями. Они существенно сократились и в настоящий момент составляют 60% от инвестиций 1990 года. За весь рассматриваемый период выросли реальные доходы на душу населения, но выросли, по мнению докладчика, не за счет подтягивания доходов бедного населения, а за счет роста доходов богатых людей, о чем свидетельствует рост разницы в доходах между 10% наиболее богатых слоев населения и 10% населения бедного, с 4 раз в 90 гг. до 13-15 раз в настоящее время. Используя данные международной статистики, докладчик показал, что по сравнению с другими странами мира, Россия за последние 30 лет практически не развивалась. ВВП России вырос в 1,17 раз, в то время как ВВП США – в 2 раза, ВВП Европейского Союза – в 1,5 раза, ВВП постсоциалистических стран Европы – в 2,5 – 3 раза, ВВП развивающихся стран во главе с Китаем и Индией – в 3-5 раз, а ВВП Китая вырос в 13 раз. Проанализировав государственную политику 40 стран, в большинстве которых страны с рыночной экономикой, докладчик пришел к выводу, что страны, которые стремились ускорить свое развитие, использовали пятилетнее стратегическое планирование.

Более подробно докладчик остановился на третьем этапе развития России. В этот период была принята серия указов Президента на перспективу до 2020 года,

например, Указ от 7 мая 2012 года, содержащий 218 поручений Правительству. А.Г. Аганбегян привел статистические данные, демонстрирующие благоприятные условия для выполнения Указа и продолжения послекризисного социально-экономического роста в России. Однако, хотя в Указе предполагалось увеличить долю инвестиций в основной капитал в ВВП с 21% в 2012 году до 27% в 2018 году, по факту эта доля упала до 16,7%. Прирост инвестиций в основной капитал планировался в объеме 40%, по факту инвестиции сократились на 11%. Прирост ВВП в 2013–2015 гг. планировался в размере 13%, по факту он не изменился. За этот же период снизился рост реальной заработной платы при том, что доходы предприятий выросли. 7 мая 2018 года на перспективу до 2024 года был принят новый Указ Президента, который содержал 160 показателей. Практически ни один из этих показателей выполнен не был, что вызвало необходимость принятия нового Указа от 21 июля 2020 года, где показатели предыдущего указа были скорректированы и перенесены на 2030 год. Президентский Указ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» содержит 82 показателя. А.Г. Аганбегян считает, что указы Президента включают в себя разрозненные показатели, выполнение которых не обосновано, не подкреплено выделением финансов и не содержат ответственных за их выполнение. Указам Президента и Национальным программам, с точки зрения докладчика, необходимо противопоставить пятилетний стратегический план, единый глубоко обоснованный документ, построенный с помощью балансового метода, с финансовым обеспечением, комплексной взаимосвязанной системой показателей, со сроками поэтапного выполнения и ответственными за это выполнение. Пятилетний план, с точки зрения докладчика, может явиться серьезным инструментом социально-экономического роста России.

С докладом на тему «Стратегическое планирование и экономические циклы: системный подход» выступил *Георгий Борисович Клейнер*, д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН. В своем выступлении он отметил трудности внедрения в России стратегического планирования, которые сводятся не только к организационным проблемам. Таким как (например, на что указывают отдельные ученые) использование планирования только на макроэкономическом уровне без мезо- и микроуровня или, как отмечают другие ученые, недостаточной обоснованностью взаимосвязи различных разделов плана. Г.Б. Клейнер акцентировал внимание на необходимости переосмысления понятий, функций и методов обеспечения самой стратегии. Стратегическое планирование как инструмент, помогающий развитию экономики, применялось в странах Запада и США в 50-60-х гг. прошлого века. Но те шаблоны, которые были созданы тогда, и те, которые используют Франция, Китай и другие страны сегодня, Россия, по мнению докладчика, применить не может. В современном мире произошли существенные изменения, изменилась экономическая среда, технологии, ускорилась цифровая трансформация экономики, изменилась идеология стран, цели общества и т.д. Теорию стратегического планирования для российской экономики, по мнению докладчика, следует в значительной мере строить заново. Прежде всего, следует пересмотреть теорию стратегии, опираясь на понятия циклов, системы и времени. Основная теория циклов оторвана от теории стратегического планирования. Соединение этих двух теорий представляет

собой задачу, которая стоит перед экономической наукой. Существуют четыре цикла: цикл Кондратьева, цикл Кузнеца, цикл Жюгляра и цикл Китчена, каждый из которых имеет свои особенности. Вместе они образуют своеобразные «стратегические часы». Возникает проблема определить, какие силы заставляют продолжать движение по циклу, а какие – сменяют один цикл другим. Сочетание социальных, технологических, экономических сил и сил времени, определяет движение экономики. В заключение Г.Б. Клейнер отметил, что одна из основных задач стратегического планирования – это согласование стратегического времени, в том числе даты начала и окончания стратегии, и системного времени, а именно: протекания системных циклов («сверка стратегических часов»). Разработка модели стратегических часов должна предшествовать разработке стратегии объекта управления и лечь в ее основу.

В докладе *Елены Борисовны Ленчук*, д.э.н., руководителя научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН на тему: «Стратегическое планирование как фактор обеспечения технологического суверенитета», речь шла о необходимости перехода России на новый технологический базис, связанный с технологиями 4-ой промышленной революции, чтобы добиться высокого положения на высокотехнологических рынках, где определяется технологическое лидерство стран и возможность получать сверхприбыль. Российская экономика, по мнению докладчика, оказалась не подготовленной ни к технологической гонке, ни к технологическим санкциям. В докризисный период Россия не смогла перейти на инновационный путь развития, обеспечить экономику собственными технологиями, попала в технологическую зависимость. По данным статистики позиции России на высокотехнологических рынках достаточно низки. В 2021 году она занимала 0,3% данного рынка, в то время как США – 5,32%, Германия – 6,59%, Китай – 29,61%, Индия – 0,85%. Технологические ограничения создают риски перехода к регрессивной индустриализации, перестройке технологических рынков и бизнес-процессов под производство продукции более низкого уровня сложности и попадания страны в неконкурентные условия.

Докладчик отметила, что возникает крайняя необходимость в формировании новой конкурентной модели развития России, которая должна обеспечить ей технологический суверенитет. Масштабность поставленной задачи требует новых подходов прежде всего в системе государственного управления. Как показывает опыт развитых стран, все ключевые технологии 4-ой промышленной революции разрабатывались при серьезной и непосредственной поддержке государства. Кроме того, государство сегодня помогает субъектам хозяйственной деятельности ориентироваться во всем многообразии технологических траекторий и вовремя принимать правильные инвестиционные решения, поднимая тем самым их конкурентоспособность и конкурентоспособность национальной экономики.

Далее *Е.Б. Ленчук* проинформировала, что в России принято много документов в сфере научно-технологического развития. Но они имеют разнонаправленные цели, различные приоритеты научно-технологического развития. Для решения задачи развития российской экономики, связанной с переходом от адаптации к развитию в технологической сфере, требуется, по мнению докладчика, использование инструментария стратегического планирования. Этот переход предполагает не только преодоление разрыва в технологических цепочках и обеспечение импорто-

замещения в критически важных отраслях экономики, но и создание условий для развития технологий будущего.

Система стратегического государственного планирования в России создается. Есть закон о стратегическом планировании, документы об основах государственной политики в сфере стратегического планирования, но на практике оно еще не используется. В заключение Е.Б. Ленчук отметила, что в существующих документах не предусматривается решение самой главной проблемы, из-за которой в РФ не функционируют национальные инновационные системы, а именно: устранение разрыва между фундаментальной и прикладной наукой инноваций в промышленности. И в этом направлении требуются серьезные разработки.

С заключительным словом на первой сессии пленарного заседания выступил *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, д.э.н., член-корреспондент РАН, сопредседатель МАЭФ, президент Вольного экономического общества России, директор ИНИР имени С.Ю. Витте. От имени оргкомитета Московского академического экономического форума, в рамках которого проходил Московский политэкономический конгресс, С.Д. Бодрунов поблагодарил участников конгресса за проведение данного знакового мероприятия. Он отметил, что МАЭФ и МПЭК проводят единую линию при обсуждении глобальных экономических проблем национального и мирового уровня. Очень важным, по его мнению, является то, что Московский политэкономический конгресс получил имя его близкого друга, соратника и фаната политической экономии Александра Владимировича Бузгалина.

С.Д. Бодрунов представил в виде видеоролика свои идеи о необходимости использования теории политической экономии в современных условиях мировой глобальной трансформации, когда начинается новая технологическая революция, надвигается экологическая катастрофа, замедляются социально-экономические процессы, подвергаются сомнению их оценки, меняется конфигурация мировой системы, ставится под сомнение прежнее деление на центр и периферию. Экономическая дисциплина, которая изучает подобные глубокие сдвиги в социально-экономическом устройстве мира и общества – это политическая экономия. Другой причиной использования политической экономии является необходимость решения вопроса о национально-специфической форме функционирования экономической системы России, создающей внутренние импульсы к технологической модернизации и экономическому росту. По мнению С.Д. Бодрунова, современное индустриальное производство приобретает черты знаниеинтенсивного. Отсюда – возрастание роли человека как носителя знаний. В этой связи в государственной политике необходим переход к установке на то, что вложения в науку, образование, здоровье являются важнейшими инвестициями в развитие России. Политэкономический подход, отметил докладчик, был использован в создании теории ноономики. Именно на основе такого подхода были показаны объективные причины предстоящего нооперехода современного, пока еще экономического, общества. В заключение С.Д. Бодрунов сделал вывод о том, что ноономика позволяет показать стратегические ориентиры развития России, а политическая экономия – понять, какой путь экономического развития позволит ей быстрее и эффективнее к ним приблизиться.

Первая пленарная сессия завершилась презентацией книги *Чен Энфу «Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху»*.

**Вторая сессия пленарного заседания Конгресса была посвящена теме
«Россия в контексте глобальных трансформаций XXI века:
политико-экономический анализ»**

Заседание открыло выступление *Андрея Ивановича Колганова*, д.э.н., профессора, заведующего лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем МГУ имени М.В. Ломоносова, главного редактора журналов «Вопросы политической экономии» и «Российский экономический журнал». При оценке технологического уровня российской экономики, сказал А.И. Колганов, можно убедиться в том, что слабости и пробелы в отечественной технологической основе производства определяют не только технологическую зависимость нашей страны, но и ее отставание по уровню социально-экономического развития от более развитых экономик. При сравнении с ситуацией в СССР, обладавшим весьма значительным уровнем технологической независимости, несмотря на отставание по многим позициям технологического развития, за прошедшие 30 с небольшим лет с начала демонтажа этой системы, положение изменилось к худшему. А.И. Колганов констатировал тот факт, что в большинстве высокотехнологичных отраслей, за немногим исключением (атомная промышленность, военная авиация и ракетостроение), отставание России приобрело катастрофический характер. В частности, это коснулось производства робототехники, в котором Россию обгоняют не только развитые, но и новые индустриальные страны, а также сферы производства станков с числовым программным управлением, выпуск которых сократился в десятки раз. Аналогичная ситуация сложилась в сфере гражданской реактивной авиации и в производстве лазерной техники, где наша страна когда-то занимала лидирующие позиции. Технологическая уязвимость российской экономики усугубляется тем, что за 90-е годы прошлого века произошло стремительное старение основного капитала из-за резкого снижения коэффициента его обновления. В результате средний возраст основных фондов в промышленности колеблется сейчас на уровне 19-20 лет, в то время как накануне демонтажа плановой системы он составлял 12 лет, и это считалось недопустимо высоким значением. Капиталовооруженность труда в России в 4 раза ниже, чем в странах ЕС, а производительность труда – вдвое ниже. Но главным фактором отставания по производительности труда выступает не низкая капиталовооруженность, а отсталый технологический уровень российской промышленности. Первоочередная необходимость наращивания новых современных технологий для восстановления технологической независимости является не вызывающим сомнение, но недостаточным условием. Важнейшей проблемой, подчеркнул докладчик, является определение источника наращивания новейших технологий и необходимой ре-индустриализации. Достижение технологической независимости нашей страны возможно только при наличии самостоятельного национального научно-технологического ядра, обеспечивающего поток инноваций, способный преобразовать технологическое лицо российской экономики. Это, считает А.И. Колганов, требует наличия широкой кадровой базы, состоящей из людей с высочайшим уровнем профессионализма, способных создавать самые передовые технологии. Для этого необходимы существенные инвестиции, позволяющие не только сформировать такой человеческий потенциал, но и обеспечить возможности для его эффективного использования в целях научно-технологического развития. Между тем, по расходам на НИОКР, которые остаются в течение последних

20 лет на уровне 1-1,1% от ВВП и не имеют тенденции к росту, Россия отстает от среднего уровня развитых стран примерно вдвое, а от лидеров – втрое-вчетверо. Аналогичная ситуация складывается по расходам на образование и здравоохранение. Чтобы выйти на уровень развитых стран, считает А.И. Колганов, России необходимо нарастить долю этих расходов в ВВП примерно в 2-3 раза, а чтобы занять лидирующие позиции – в 3-4 раза. Это потребует увеличить такого рода расходы в общей сложности не менее чем на 10% ВВП, что, в свою очередь, подразумевает увеличение доли ВВП, перераспределяемой через государственный бюджет, приблизительно до 40%, что вполне реально, учитывая успешный опыт благополучных экономик Северной Европы, перераспределяющих 50-55% ВВП через гос. бюджет и занимающих высокие места в рейтингах инновационного развития. Но, делает вывод докладчик, для решения этих проблем нужно на деле, а не на словах, пересмотреть приоритеты национального развития, перестать смотреть на финансирование НИОКР, просвещение, здравоохранение как на вроде бы нужные, но обременительные расходы, и рассматривать их как важнейшие инвестиции в социально-экономическое развитие страны.

Доклад *Анатолия Александровича Пороховского*, д.э.н., профессора, научного руководителя кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, был посвящен экономическому суверенитету как основе самоопределения России в XXI веке.

В центре внимания докладчика были три вопроса: экономический суверенитет как предпосылка свободы выбора национального вектора развития; национальные интересы и экономический суверенитет в мировом рыночном хозяйстве; экономический суверенитет не как изоляция, а условие эффективного применения всех ресурсов страны, бизнеса, общества, граждан. А.А. Пороховский отметил, что в настоящее время мы наблюдаем формирование многоцентричного или, по-другому, многополярного мира. Экономический суверенитет позволяет в рамках национальной экономической модели обеспечивать интересы страны и работать на ее граждан. Но это отнюдь не означает, что можно игнорировать мировые рыночные процессы.

Докладчик подчеркнул, что обеспечение национальных интересов конкретной страны невозможно без обеспечения национальной конкурентоспособности, которая, в свою очередь, опирается на экономический суверенитет. При этом вопрос об экономическом суверенитете не предполагает изоляции страны. На примере Соединенных Штатов Америки А.А. Пороховский показал, что даже в наиболее либеральных экономиках, таких как американская, проблема экономического суверенитета всегда имела место и продолжает главенствовать сейчас. Специфика экономического суверенитета России связана с положением, которое страна занимает по территории, запасам ресурсов, воды и других важных природных ископаемых. На одном из слайдов презентации А.А. Пороховский продемонстрировал, как мир распадается на регионы в связи с многоцентричностью. При этом растет стремление отдельных стран объединяться в различные региональные союзы. Россия исходит из того, что являясь членом БРИКС, она сможет не только решить свои проблемы, но и помочь другим странам. Принцип независимости и самоопределения лежит в основе БРИКС, в то время как принцип глобализации по-американски рассматривается иначе, с точки зрения удовлетворения американских националь-

ных интересов. В заключение докладчик сделал вывод о том, что глобализация разрушается, начинает строиться новый экономический порядок.

Выступление *Карена Хачиковича Момджяна*, д.ф.н., профессора, заведующего кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ, было посвящено проблеме посткапитализма как новой форме социального устройства и замене им современного капитализма. Докладчик остановился на различных основаниях в типологии общества – экономическом, культурном, технологическом, политическом. Он констатировал тот факт, что капитализм представляет общество, выделенное по производственному экономическому основанию, и игнорирование экономической основы его идентичности является принципиальной ошибкой. Докладчик кратко остановился на четырех подсистемах общества, которые называют сферами общественной жизни: сфера материального производства, социальная сфера, организационно-политическая сфера, духовная сфера. Экономика же, по его мнению, представляет собой инфраструктурный компонент, уклад общественной жизни, существующий во всех без исключения сферах, являясь комплексным феноменом.

Имевшие место существенные изменения (например, появление информационных технологий) не являются достаточными, считает докладчик, чтобы делать вывод о преодолении существования капитализма в современной истории. Нельзя отрицать серьезных изменений в рабочем классе, которые связаны с депролетаризацией современного западного общества, но она также не меняет сущности капиталистических производственных отношений и не означает вечности капитализма. Зачатки нового строя можно увидеть в растущем секторе капиталистической экономики, где собственность на средства труда принадлежит использующим ее рабочим. Важно лишь не путать обобществление средств производства, заключает докладчик, с их огосударствлением, которое приводит не к социализму, а к обществу с групповой собственностью верхушки бюрократического аппарата.

Обсуждение проблемы посткапитализма продолжил к.э.н., доцент, и.о. заведующего кафедрой экономической теории и истории экономической мысли С.-Петербургского государственного университета *Александр Юрьевич Протасов*. Он коснулся проблемы эволюционных закономерностей развития капитализма и посткапиталистических альтернатив как проявления глобальных трансформаций XXI века.

А.Ю. Протасов отметил, что одной из наиболее дискутируемых проблем в контексте трансформационных изменений XXI века является проблема перехода к посткапиталистической стадии развития. Он затронул некоторые теоретические концепции, которые исследуют исторический опыт эволюции капитализма в Европе и подходы к оценке пределов его развития; анализируют роль советского эксперимента в попытке перехода на некапиталистический путь.

При обращении к гипотезе двойного перехода к посткапитализму, докладчик отметил, что попытку перехода СССР на некапиталистический путь развития можно считать первой фазой перехода в современной мировой системе. В перспективе же начинает прорисовываться вторая фаза такого перехода, учитывая быстрое распространение сигнальных маркеров посткапитализма, в том числе одного из них – зарождения и развития нерыночных отношений (солидарности, кооперации в рамках некоммерческих организаций и др.).

Выступление д.э.н., профессора кафедры политической экономии экономического факультета МГУ *Кайсына Азретовича Хубиева* было посвящено теме места России в потоке цивилизационного цикла. Докладчик отметил нарастающую турбулентность мирового экономического и политического развития, которая повысила стремление к обобщающим характеристикам и обсуждению таких категорий, как «новая реальность», «новая ненормальность» и т.п. Переход из одной фазы цикла в другую, отметил он, образует существенно новую реальность, характеризующуюся изменением целого ряда макроэкономических параметров: ВВП, инфляция, занятость, процентная ставка, валютный курс. К ней можно отнести новые феноменальные образования из переплетения противоречий и негативных процессов, например, «ловушка отсталости», «системный шок», а также санкции, торговые войны, техногенные катастрофы, геополитический альянс России и Китая и даже диверсии (подрыв труб «Северного потока»). Наконец, к новой реальности можно отнести появление существенно новых «продуктов» экономического развития (например, криптовалюты), имеющих значение системного масштаба. К.А. Хубиев выдвинул гипотезу, состоящую в том, что нынешний поток мирового движения содержит ряд признаков, в совокупности характеризующихся как фаза спада в цивилизационном цикле. Ее суть состоит в откате цивилизационного масштаба и включает: комплексный охват уровней общественного развития и общественного сознания; оригинальность и уникальность; масштабы распространения; гибридность причинно-следственных связей; противоречие объективных и бумажных законов; охват уровней общественного жизнеустройства. В экономической области это во многом объясняется тем, что институты в виде «бумажных законов» выдвинуты против объективных законов, прежде всего экономических, и обрушивают контракты, заключенные на взаимовыгодной основе и специализации на абсолютных и относительных преимуществах. В качестве глобальных экономических последствий этих процессов докладчик отметил: откат в макропоказателях – инфляции; процентной ставки; ВВП; откат в уровнях используемых технологий; откат от «зеленой» повестки; ухудшение уровня и качества жизни. На уровне идеологии они ведут к откату: от идеологического противостояния к противостоянию на уровне ресурсов и рынков сбыта; от «христианских» ценностей до «ценностей демократии»; в области морали – к состязанию в жестокости, смещению в области фундаментальных ценностей.

На основе того, что в экономической системе законы развития залегают глубже, чем законы отката, К.А. Хубиев делает вывод о том, что общий тренд положителен, и Россия находится под влиянием законов развития. Однако это не исключает существования угроз, которые исходят из «ловушки» издержек, сопровождающих любое циклическое развитие. В связи с тем, отметил докладчик, что на Россию легли нагрузки глобального противостояния на фоне многолетней стагнации, чтобы избежать роли жертвы цивилизационного развития, она нуждается в чрезвычайных мерах по созданию внутренних источников экономического роста. От этого зависит ее выживание, успехи в глобальном противостоянии и судьба цивилизационного развития.

Выступления зарубежных гостей Конгресса – профессора *Нгуена Мин Хоана* (заведующего кафедрой философии факультета журналистики и пропаганды Вьетнамского национального университета) и *Шриканта Кондапалли* (декана школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру) были посвяще-

ны настоящему и будущему экономических отношений между Россией и Вьетнамом, между Россией и Индией.

В частности, Ш. Кондапалли обозначил контуры отношений между Индией и РФ, отметив, что программа либерализации, которую Индия начала в рамках глобализации, привела к относительному снижению всей индийской торговли. Он остановился на различных сферах экономических отношений Индии и России, в частности, в научно-технологической области, сфере энергетики (отметив, что 10% сырой нефти РФ поступает именно в Индию), в сфере вооружений, включая торговлю и организацию производства военной техники. Что касается сферы торговли и инвестиций, то в 2025 году ее показатели, по мнению докладчика, должны выйти на значительно более высокий уровень.

В числе зарубежных гостей Конгресса на второй пленарной сессии выступили также ученые из Японии и КНР. Доклад почетного профессора университета Кэйю и Киотского университета *Ониши Хироши* был посвящен теме ожидаемых изменений в мировом балансе сил между Западом и глобальным Востоком. Он остановился на проблеме разграничения дружественных и недружественных по отношению к России стран, которая является ключевой для глобальной структуры. Выступление *Дин Сяоцин*, почетного профессора, заместителя директора Института китайской модернизации Шанхайского университета финансов и экономики, было посвящено мультимодальным перспективам моделей модернизации.

Темой третьей сессии Конгресса была «Методология экономических исследований и экономическое образование: современные тенденции»

Выступление д.э.н., директора Института экономики УрО РАН *Юлии Георгиевны Лавриковой* было посвящено некоторым направлениям научного творчества А.В. Бузгалина.

Докладчик отметила ту любовь к науке «политическая экономия», которая присутствует в стенах Московского университета и которой не хватает в регионах, и кратко проанализировала основные направления научной деятельности А.В. Бузгалина, остановившись на его работах, посвященных позднему капитализму и противоречиям современной экономики; превращению неолиберальной глобализации в протоимперское состояние; свойствам нового империализма; кризису 2008 года; причинам глобальной рецессии и ее последствиям. Ю.Г. Лаврикова также кратко охарактеризовала исследования Александра Владимировича, связанные с переходной экономикой, последствиями перехода к рынку, в частности, развитием асоциального типа трансформации экономики и др.

Значительное место в творческом наследии А.В. Бузгалина, отметила докладчик, занимает концепция креатосферы, которая подразумевает развитие творческого потенциала человека через развитие образования, культуры и искусства, формирование здорового образа жизни, продвижение фундаментальной и прикладной науки.

По мнению докладчика, большое внимание Александр Владимирович уделял вопросам, связанным с развитием России как мировой державы, в том числе через развитие условий раскрытия креативного потенциала человека. Он также писал об опасности «имперского пути» развития и причинах неэффективности «имперского проекта». А.В. Бузгалин предлагал три условия развития России как мировой дер-

жавы: реализация креатосферы, переход к постиндустриальному информационному обществу, развитие диалога с другими странами с учетом преодоления противодействия этому со стороны глобального капитала.

С докладом «Экономическое образование в условиях фрагментации экономической науки» выступил д.э.н., профессор, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ, *Александр Андреевич Мальцев*.

Докладчик остановился на некоторых интересных и противоречивых аспектах развития экономического образования в условиях фрагментации экономического знания и моментах, которые вызывают в этой связи озабоченность научного сообщества. В частности, он отметил существующую опасность замыкания в рамках узких исследовательских областей. Из этой проблемы вырастает и другая – проблема «эмпиризации» экономической науки. По вопросу о том, является ли фрагментация экономической науки новым явлением, докладчик привел результаты исследования Карда, которые иллюстрируют тот факт, что со второй половины двадцатого века экономическая наука уверенно идет в направлении специализации. Это обуславливает ряд вызовов, в частности: снижение возможностей ведения продуктивного междисциплинарного диалога; возникновение рисков снижения академического престижа экономической профессии. Исследования гетеродоксальных экономистов, работающих в рамках кейнсианской традиции, также показывают резкое снижение доли чистой теории, которая, по мнению ряда экономистов, выполняет функцию некоего метаязыка, позволяющего специалистам из разных областей исследовательского поля общаться друг с другом.

А.А. Мальцев обозначил несколько серьезных вызовов, связанных с эмпиризацией, в частности, угрозу того, что не выбор проблем будет диктовать выбор метода, а наоборот, выбор метода будет диктовать выбор проблем. Кроме того, существует угроза превращения экономики в область прикладной статистики и науки о данных.

В заключение докладчик предложил некоторые методы, позволяющие экономическому образованию преодолеть избыточную фрагментацию. Это, в частности, обучение студентов широкой палитре эмпирических методов; знакомство студентов с различными течениями современной экономической мысли и взглядами на решение актуальных общественно-экономических проблем; формирование у них комплексного представления о функционировании российской экономики.

В продолжение темы экономического образования, доклад еще одного зарубежного гостя Конгресса, исполнительного директора Института марксизма Хайнаньского педагогического университета, профессора *Чэнь Хун*, был посвящен взгляду из Китая на современные учебники политической экономии в России.

Тему обращения к творческому наследию Александра Владимировича Бузгалина продолжило выступление *Людмилы Аршавириновны Карасевой*, д.э.н., профессора кафедры экономической теории Института экономики и управления Тверского государственного университета. Докладчик обратилась к вопросу: нужна ли современным теориям экономики методологическая культура политико-экономического исследования? Было подчеркнуто, что вместе со своим соавтором А.И. Колгановым, А.В. Бузгалин уделял большое внимание методологической культуре политико-экономического исследования. В этой связи Л.А. Карасева остановилась на двух проблемах, рассмотренных в «Глобальном капитале» А. Бузгалина и А. Кол-

ганова, – проблеме глобализации и проблеме социализации. Их анализ продемонстрировал методологическую культуру политико-экономического исследования, позволившую авторам предвидеть многое из того, с чем мы столкнулись сегодня. Потенциал политико-экономического подхода, подчеркнула Л.А. Карасева, позволяет выстроить систему логико-смысловых взаимосвязей, оформить их через категориальный аппарат, отражающий внутреннее единство системы, внутренний механизм ее жизни, выполнение ею функций той или иной более сложной системы, а следовательно, и развитие.

Л.А. Карасева охарактеризовала «Глобальный капитал» как пример корректно и продуктивно применения методологии исследования, в котором, поставив перед собой цель по изучению объективных технологических, социально-экономических, политических и других основ глобализации, а также по обобщению их противоречий, авторы последовательно переходят к новым шагам многоуровневого исследования, что позволяет им выйти на проблемы превращения форм социально-экономических отношений в ходе их реализации через различные процессы, их модификацию в условиях глубокой трансформации хозяйственных систем.

Тема выступления д.э.н., профессора, заведующего кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли С.-Петербургского государственного экономического университета *Дмитрия Юрьевича Миропольского* – «Россия и переход потребительной стоимости в стоимость».

Докладчик отметил, что в литературе постоянно обсуждаются вопросы импортозамещения и технологического суверенитета. Он остановился на теоретическом обосновании этих проблем в контексте идеи модифицированной трудовой теории стоимости. По его мнению, стоимость неизбежно двойственна – это стоимость производства и стоимость потребления, иначе говоря, стоимость затрат и стоимость результата. Потребительная стоимость и стоимость не изолированы, а переходят друг в друга, в частности, потребительная стоимость переходит в стоимость результата. Докладчик делает вывод, что на рынке встречаются не просто два товаропроизводителя, как обычно считается, а два товаропроизводителя и точно также два потребителя. Стоимостное отношение выстраивается между производителем и потребителем. На условных цифровых примерах Д.Ю. Миропольский проиллюстрировал процесс перехода потребительной стоимости в стоимость.

Он рассмотрел различные варианты оценки импортозамещения, связанные с эффектами перехода потребительной стоимости импортных товаров в стоимость результата с учетом или без учета эксплуатации, основанной на неэквивалентном обмене. По мере нарастания военно-политического давления коллективного Запада степень эксплуатации России имеет тенденцию к усилению.

В заключение Д.Ю. Миропольский сделал вывод: политика импортозамещения, ее эффективность определяются динамикой степени эксплуатации и эффективностью перехода потребительной стоимости в стоимость.

В докладе *Сергея Александровича Толкачева*, д.э.н., профессора Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ на тему: «Конкурентная парадигма политической экономии и новый мирохозяйственный уклад» было отмечено, что обостряется интерес к политической экономии, ее предмету и методологии. С точки зрения докладчика, все экономические научные школы можно разделить на две группы по критерию их соответствия – либо равно-

весной парадигме, либо парадигме конкурентной. Первая исходит из того, что научные теории описывают равновесные экономические системы с эквивалентным обменом. Конкурентная же парадигма теорий отличается неравновесием и неэквивалентным обменом в описываемых ими экономических системах. Наивысшего расцвета школы равновесной парадигмы получают, когда глобальная экономика растет высокими темпами за счет плодотворного освоения результатов промышленных революций и за счет достижения максимального производственного эффекта масштаба в условиях глобализации. Но рост экономики и благосостояния общества выдается за чудодейственный результат свободной конкуренции, эквивалентных процессов обмена и равновесного состояния экономической системы. В докладе развивается идея о том, что при переходе к новому мирохозяйственному укладу, который отличается неопределенностью результата экономического процесса, особенно если он сопровождается возможной сменой мирохозяйствующего лидера, всегда обостряется кризис существующей, в частности, равновесной ортодоксии, и повышается интерес к альтернативным неравновесным конкурентным экономическим теориям, в том числе к политической экономии. В заключение докладчик отметил, что конкурентная парадигма актуальна, когда актуальна потребность в переходе к инновационному технологическому укладу в экономике страны.

Российской экономической системе, ее противоречиям и перспективам развития был посвящен доклад гостя из Казахстана *Алиева Урака Жолмурзаевича*, д.э.н., вице-президента образовательной корпорации «Туран», профессора Университета «Туран-Астана». Он отметил необходимость анализа любой экономической системы, в том числе российской и казахстанской, как девятикомпонентной инвариантной структуры, объединенной общей идеей. Это позволит, с точки зрения докладчика, изучать противоречия системы, в том числе доходящие до конфликтов, в единстве всех ее элементов и разработать общую программу развития как единое целое.

С докладом о политической экономии патерналистского государства выступил *Михаил Илларионович Воейков*, д.э.н., профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН. Он привел цитаты известных американских экономистов-либералов Хикса и Стиглица, суть которых сводится к тому, что конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий и масштабов вмешательства государства в экономику США. Влияние государства, по их мнению, затрагивает все: фермы, заводы, магазины, больницы, школы, науку и технологии, даже отдых и развлечения. Дж. Гелбрейт, отметил М.И. Воейков, высказал еще более крамольную мысль, утверждая, что американское государство под какой бы формальной вывеской оно не скрывалось, в существенной своей части представляет плановую экономику. Но в 90-годы американские консультанты навязывали другим странам иную, либеральную модель, утверждая, что государство должно уйти из экономики. Е. Гайдар писал в тот период, что государство должно обеспечить неприкосновенность частной собственности, провести разделение собственности и власти и перестать быть доминирующим собственником – субъектом экономических отношений в стране. М.И. Воейков заявил, что либеральная концепция ухода государства из экономики в России себя полностью не оправдала и, более того, принесла ей существенный урон.

Докладчик отметил разные традиции и подходы в разработке многих общественных проблем в американских и российских исследованиях. Российские уче-

ные издавна исследовали многие проблемы в рамках политической экономии, которые в других странах, в частности в США, исследовались в рамках других наук. Так, например, российский политэконом А.В. Бузгалин с американской точки зрения – социолог. Американского ученого Дж. Гелбрейта, социолога, с американской точки зрения в российской науке относят к экономистам, даже к политэкономам. Политическую экономию как вузовскую дисциплину запретили, потому что считали ее составной частью марксизма-ленинизма. Но российской науки социологии как таковой нет, есть лишь опросная социология. Нет и крупных российских социологов-теоретиков. В заключение М.И. Воейков выразил убежденность в необходимости возврата к российским традициям, заложенным российскими и советскими учеными, в исследовании экономических проблем в рамках политической экономии. А теорию политической экономии, уверен он, необходимо вернуть в науку и вузы.

Прошедший конгресс показал, что функционирование политической экономии в научно-образовательной среде России обеспечивается инициативой и усилиями отдельных ученых и преподавателей. К числу их самых ярких представителей, безусловно, относится А.В. Бузгалин, именем которого назван Конгресс. Восстановление политической экономии в полных правах, включая преподавание ее современной актуальной версии в учебных заведениях и включение этой научной дисциплины в систему государственной поддержки, расширит интеллектуально – профессиональное пространство и усилит научный потенциал исследования тенденций и закономерностей волатильного многообразия явлений и событий.

В рамках Конгресса было также проведено *четвертое пленарное заседание «Политическая экономия в МГУ имени М.В. Ломоносова: история и современность»*, посвященное четырем знаменательным датам – 220-летию кафедры политической экономии МГУ, 120-летию со дня рождения Н.А. Цаголова, 100-летию со дня рождения В.Н. Черковца и 70-летию со дня рождения А.В. Бузгалина. Это заседание получило специальное освещение в российских периодических экономических изданиях.

Информация об авторах

Кайсын А. Хубиев – д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва. Россия.

(E-mail: khubiev48@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7285-1130) (elibrary AuthorID: 817714)

Нина Ивановна Титова – канд-т экон. наук, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва. Россия.

(E-mail: nititova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6769-0208) (elibrary AuthorID: 810220)

Алла Константиновна Рассадина – канд-т экон. наук, ст. науч. сотрудник кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва. Россия.

(E-mail: rassalla20@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4995-5129) (elibrary AuthorID: 716395)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Kaysyn A. Khubiev – Doctor of Economics, Professor of the Political Economy Department in the Faculty of Economics in Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(E-mail: khubiev48@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7285-1130) (elibrary AuthorID: 817714)

Nina I. Titova – PhD, Associate Professor of the Political Economy Department in the Faculty of Economics in Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(E-mail: nititova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6769-0208) (elibrary AuthorID: 810220)

Alla K. Rassadina – PhD, Senior Scientific Researcher of the Political Economy Department in the Faculty of Economics in Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(E-mail: rassalla20@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4995-5129) (elibrary AuthorID: 716395)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2024; одобрена после рецензирования: 18.10.2024; принята к публикации: 01.11.2024.

КРАТКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ НА РАССМОТРЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»¹

Рукопись статьи принимается в электронном виде по электронной почте: vpe-journal@yandex.ru в текстовом редакторе Microsoft Word (расширение *.doc или *.docx), версия не ниже 2003 г. Шрифт: Times New Roman.

Объем рукописи, представленной в редакцию ограничен по рубрикам:

1. Статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами).
2. «Дискуссионная трибуна», «Трибуна молодых ученых», Рецензии, Эссе, Заметки, «Научная жизнь» – не более 0,5 п.л. (20 тыс. знаков).

Правила оформления статьи учитывают ГОСТ Р 7.0.7–2021, введенный в российскую практику издательского оформления с 01.10.2021 г.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

I. Обязательным элементом статьи является индекс **Универсальной десятичной классификации (УДК)**. Расположен в начале статьи на отдельной строке слева (один код).

II. ДО ОСНОВНОГО ТЕКСТА статьи приводятся **на русском языке** и затем повторяются в той же последовательности **на английском языке** (имена приводят в транслитерированной форме на латинице или в той форме, в какой ее установил автор или редакция издания) следующие ее элементы: (1) заглавие статьи; (2) основные сведения об авторе (авторах), (3) аннотация, (4) ключевые слова, (5) слова благодарности в случае наличия грантового финансирования.

– (1) **Заглавие** статьи приводится **ПРОПИСНЫМИ** буквами. В конце заглавия статьи точка не ставится.

– (2) **Основные сведения** об авторе (авторах): ФИО полностью; наименование организации, где работает или учится автор; город, страна; электронный адрес автора (оформляется без слова «e-mail»); идентификатор ученого ORCID при наличии; идентификационный номер (AuthorID) в eLibrary (Сведения отделяются запятыми. Точку в конце не ставят). При наличии нескольких авторов и/или нескольких организаций (учреждений) работы, учебы применяется надстрочный знак сноски.

– (3) **Аннотация** должна отражать содержание статьи и результаты исследований; быть структурированной (следовать логике описания результатов в статье); объем – 150-250 слов. Не следует дословно повторять в статье то, что уже сказано в аннотации.

– (4) **Ключевые слова** должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов: **от 7 до 10 слов** (начертание *курсив*). После ключевых слов точку не ставят.

– (5) **Слова Благодарности** в случае наличия грантового финансирования приводятся после ключевых слов.

Для коротких рецензий и материалов в рубрике «Научная жизнь» аннотация и ключевые слова не требуются.

Формат: шрифт Times New Roman (**ФИО автора** выделяется полужирным шрифтом), размер 12 пт., межстрочный интервал 1,0 строки.

III. ОСНОВНОЙ ТЕКСТ статьи может быть структурирован и состоять из следующих частей: введение; текст статьи (с выделением 2-4 разделов); заключение.

В тексте **запрещено использовать ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ**, р а з р я д к у через пробел и подчеркивание. Для выделения в тексте допустим *курсив*.

При ссылке на источник необходимо в **круглых скобках** указывать фамилию автора, год издания и страницу при цитировании. **Все интернет-источники** даются в сноске, перед электронным адресом при-

¹ Полные требования к рукописям размещены на сайте журнала: <https://interpolitec.su/>

водится аббревиатура **URL**. В круглых скобках должна быть указана дата обращения. Пример: (дата обращения: 15.06.2023). **Электронный источник должен быть актуальным** (действующая ссылка).

Формат: Шрифт: Times New Roman; Интервал: 1,5 (для сносок – 1); Размер шрифта: 14 пт. (для сноска – 10 пт.); Отступ первой строки: 1,25 см.; Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см.

IV. ИЛЛЮСТРАЦИИ. Текст статьи может сопровождаться **иллюстративными материалами** (таблицы, схемы, графики, диаграммы и т.д.). **Таблицы** вставляются в текст статьи после ссылки на нее, нумерация таблиц сквозная по всей статье. **Рисунки** следует давать в конце статьи, также рисунки необходимо выслать отдельным файлом в формате *.tiff. Разрешение изображения должно быть не менее 300 dpi; размер – не менее 10-13 см по ширине, цветовой режим – черно-белый.

V. ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА статьи приводятся на русском языке и затем в той же последовательности повторяются на английском языке следующие элементы оформления:

(1) «Список литературы»; (2) дополнительные сведения об авторе (авторах); (3) сведения о вкладе каждого автора, если авторов несколько; (4) информация об отсутствии или наличии конфликта интересов; (5) автор, ответственный за переписку; (6) сведения о продолжении статьи, если она публикуется частями; (7) приложение (приложения) к статье при наличии.

Формат: шрифт Times New Roman, размер 14 пт., межстрочный интервал 1,5.

(1) «Список литературы» должен состоять не менее чем из 10 источников (но не более 30) с обязательным цитированием не только отечественных, но и зарубежных авторов. Число публикаций с участием авторов статьи не должно превышать 20%; Список дается строго по алфавиту. Библиографические записи в списке литературы и отсылки на них в основном тексте оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Пример:

ЛИТЕРАТУРА

Дубровин И.А. Достижение экономической эффективности на основе социальной справедливости в Скандинавской экономической модели // Вопросы политической экономии. 2022. № 1 (29). С. 162-181. <https://zenodo.org/record/6525596>

Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / ИПРЭ РАН. СПбГУ. С.-Пб.: Скифия-принт, 2013. – 336 с.

Маркс К. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы. 1960. С. 5-907.

Card D., A.B. Krueger. Does school quality matter? Returns to education and the characteristics of public schools in the United States. Journal of Political Economy. 1992. № 100(1). Pp. 1-40.

Imbens G., J. Angrist. Identification and estimation of local average treatment effects. Econometrica. 1994. № 61. Pp. 467-476.

REFERENCES

Card D., A.B. Krueger. Does school quality matter? Returns to education and the characteristics of public schools in the United States. Journal of Political Economy. 1992;100(1):1-40.

Dubrovina I.A. Achieving economic efficiency based on social justice in the Scandinavian economic model. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2022;1(29):162-181. <https://zenodo.org/record/6525596> (In Russ.)

Imbens G., J. Angrist. Identification and estimation of local average treatment effects. Econometrica. 1994;(61):467-476.

Ivanov O.I. Human potential (formation, development, use). Institute of Problems of Regional Economy RAS. St. Petersburg State University. S.-Pb.: Skifiya-print, 2013. – 336 p. (In Russ.)

Marx K. Capital. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 23. M.: State Publishing of Political Literature. 1960:5-907. (In Russ.)

(2) Дополнительные сведения об авторе (авторах) **«Информация об авторе (авторах)» (“Information about the author (authors)”)** содержат следующую информацию: ФИО (полностью); ученая степень, ученое звание - сведения даются в сокращенной форме; должность, наименование организации (учреждения) и подразделения; электронный адрес автора с применением слова «e-mail»; идентификатор ORCID автора, если он не приведен на первой полосе статьи, и другие международные идентификационные номера авторов (например, eLibrary AuthorID). Сведения о «e-mail» и идентификационных номерах автора приводятся на одной строке без разделения точками и запятыми.

(3) Если у статьи несколько авторов, то после информации об авторе (авторах) указывают **«Заявленный вклад авторов:» (“Authors’ declared contribution:”)**, где в краткой форме описывается личный вклад каждого автора в написание статьи.

(4) Сведения **об отсутствии конфликта интересов** приводят после информации об авторе на отдельной строке.

(5) **Автор, ответственный за переписку**, указывается после информации о конфликте интересов на отдельной строке.

(6) Сведения о **продолжении статьи** указывают при ее публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». С началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

(7) **Приложение** (приложения) к статье публикуют с собственным заглавием. В заглавии или подзаголовочных данных приложения приводят сведения о том, что данная публикация является приложением к основной статье. При наличии двух и более приложений их нумеруют.

Адрес электронной почты редакции для направления материалов:

vpe-journal@yandex.ru

Секретарь редакции, корректор *Шамильева Елена Анатольевна*

Верстальщик *Шамильева Юлия Равильевна*

Перевод на английский язык *Сергеева Ангелина Владимировна*